

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1985

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1985 .

НА

шая
вов
ной
можсло
гла
дру
щей
вие,
кло
ни
чае
ка
исс
виявыз
сов
име
сиб
язы
ношен
чул
вие
-уи
дол
при
на
дет
час
лы
в л

ДУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Э. Р. ТЕНИШЕВ, Р. М. БИРЮКОВИЧ

РЕЛИКТЫ ДРЕВНЕУЙГУРСКОЙ ФОРМЫ НА -*үилюқ* В СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА)

В древнетюркских памятниках форма на -*үилюқ*, функционировавшая в роли адъектива (близкая к причастию, выражавшему долженствование, необходимость, обязательность), использовалась в предикативной позиции со значением долженствования или потенциальной возможности [1].

В литературе аффикс -*үилюқ* рассматривают как состоящий из двух словообразовательных аффиксов: -*үи* (аффикс, образующий имена от глаголов) и -*люқ* (аффикс, образующий прилагательные) [2]. Согласно другой точке зрения, основывающейся на семантике формы, обозначающей в памятниках возможность, намерение, желание совершить действие, предполагают, что -*үилюқ* развился из аффикса желательного наклонения -*җај* ~ -*җиј* + -*люқ* [3]. Высказывалось мнение, согласно которому ни в одном из современных тюркских языков форма на -*үилюқ* не встречается, кроме алтайского языка и хотанского диалекта уйгурского языка [3]. Причем в алтайском языке этот аффикс, по мнению некоторых исследователей, сохранился в форме причастия несовершившегося действия на -*җалақ* [3].

Предположение, что форма -*җалақ* является реликтом формы -*үилюқ*, вызывает некоторое сомнение. Причастие на -*җалақ*, обозначающее несовершившееся действие, встречается не только в алтайском языке. Оно имеется в хакасском [4], шорском [5] языках, в барабинском диалекте сибирских татар [6], языке бачатских телеутов [7], в чулымско-тюркском языке [8, с. 121] и обозначает действие, которое еще не совершилось, но ожидается, что совершится.

Есть основание предполагать, что форма на -*җалақ* не имеет отношения к форме на -*үилюқ*. Это предположение базируется на фактах чулымско-тюркского языка, в котором помимо формы на -*җалақ* существует форма, действительно восходящая к древнему причастию на -*үилюқ*. Этой формой является причастие на -*люқ*, содержащее признак долженствования, обязательности, необходимости, то есть именно те признаки, которые составляют содержание древнеуйгурского причастия на -*үилюқ*. Например, *källik kiži* 'человек, который (обязательно) придет', *kiğrik kiži* 'человек, который (непременно должен) зайти'. Это причастие составляет основу будущего определенного времени на -*люқ* в чулымско-тюркском языке, вопрос о происхождении которого до сих пор в литературе не рассматривался.

В диалектах чулымско-тюркского языка существуют две формы будущего времени — форма на -*люқ* и на -*җоқ*, которые могут пролить свет

на происхождение формы будущего определенного времени в языке чулымских тюрков и на реликты древнеуйгурской формы на -*yuluq*. Рассмотрим формы на -*lyq* и на -*yoq* в чулымско-тюркском языке подробнее.

Форма на -*lyq* образуется путем присоединения морфемы -*lyq*, представленной в языке многочисленными алломорфами (обусловленными ассимилятивными процессами), к краткой форме соединительного деепричастия. Эта форма широко распространена в среднечулымском диалекте и нередко захватывает сферу функционирования формы будущего времени на -*ar*. Данная форма будущего времени, кроме чулымско-тюркского языка, в пределах сибирского ареала не встречается. Из других же тюркских языков она встречается еще в карачаево-балкарском языке и имеет ту же семантику.

Парадигма спряжения глаголов *al*- 'брать', *pär*- 'давать'

срч. ¹	нч.	срч.	нч.
män allyqmän	alluyum	pärrikmän	perriküm
sän allyqsung	alluqsung	pärriksing	perrüksüng
ol allyq	alluq	pärrik	perrük
pis allyqpys	alluqpys	pärrikibis	perrükübüs
silär allyqsungnar	alluqsungnar	perriksingnär	perrüksüngnär
olar allyq(tar)	alluq(tar)	pärrik(tär)	perrük(tär)

Парадигма спряжения с основой на гласный
глаголы *sapa*- 'читать', *änpä*- 'лечить'

män sani:kmän	ämpi:kmän
sän sani:ksing	ämpi:ksing
ol sani:k	ämpi:k
pis sani:kpys	ämpi:kpis
silär sani:ksingnar	ämpi:ksingnär
olar sani:k	ämpi:k

По мнению А. П. Дульзона, в среднечулымском диалекте одни глаголы (с основой на согласный) образуют будущее время на -*lyq*, другие (с основой на гласный) — на -*yüq*, который, как он предполагает, является среднечулымским вариантом нижнечулымского аффикса -*yoq* — формы отличной от формы на -*lyq*. Так, форма *tyngni:qum* 'Я буду слушать', состоит из: *tyngna* + -*yüq* + -*bun* [8, с. 131], где *y* выпадает, а дифтонг *au*, согласно правилу, сформулированному для хакасского языка Ф. Г. Исхаковым [9], переходит в *i*².

В этом объяснении существования форм с элементом *i* в группе глаголов с основой на гласный сомнение вызывают два момента: 1) само существование аффикса -*yüq*, не зафиксированного в языке; 2) необычность языковой ситуации: функционирование одной группы глаголов только в форме будущего времени на -*lyq*, другой — только на -*yoq* (двух семантически разных форм).

Можно предположить, что развитие форм от глаголов с гласной основой может быть представлено следующим образом: *sapa* + *lyq* > *sapa*: + *yq* > *sapa:yq* > *sape:yq* > *sani:q*. Выпадение звука *l* и удлинение предшествующего гласного характерно для среднечулымского диалекта.

¹ Принятые сокращения: срч. — среднечулымский диалект, нч. — нижнечулымский диалект.

² Толчком для такого развития (перехода *a* > *i*) могла послужить субстратная форма, см. [10, с. 85—89].

Дифтонгический характер произношения элемента *i*: очень характерен для чулымско-тюркского языка.

Наш подход к объяснению существования элемента *i* в грамматических формах снимает необходимость привлечения формы на -yüq, не зафиксированной в чулымско-тюркском языке и, в частности, в его среднем диалекте. Кроме того, в соответствии с этой точкой зрения все глаголы как с основой на согласную, так и с основой на гласную образуют форму одного и того же будущего времени на -lyq [см. 10, с. 85—89].

Отрицательная форма образуется с помощью отрицательной частицы *ba* — *sanabuqmān* 'Я не буду читать' < *sana* + *-ba* + *-lyq* + *-mān*, где элемент *-buq* представляет собой контаминацию отрицательной частицы *-ba*, у которой выпадает гласный, и морфемы будущего времени *-lyq*, у которой выпадает согласный. Приведем примеры на употребление формы будущего времени на -lyq как с основами на согласный, так и с основами на гласный: 1) *tötä varvara, nönä ättiksing tamna?* 'Тетя Варвара, что ты завтра будешь делать?' 2) *tamna män künübelä qajnat-tuqmān, tutun čämikmān, tamna ärtängidin čunnuqmān oylannarnyng küne:gin* 'Завтра я целый день буду варить, одежду чинить, завтра с утра буду стирать рубашки детей'. 3) *sän tamna piske kiräjsing mä?* — *pirdim kirrikmān* 'Ты к нам завтра зайдешь ли? — Обязательно зайду'. 4) *sän či:ksing bā?* 'Ты будешь есть?' — *či:kmān* 'Буду есть' (форму *či:mān* — будущее на -ag употребляют, согласно утверждению информанта, когда не очень хотят есть, а когда сильно хотят есть и обязательно будут есть, говорят *či:kmān*, то есть употребляют форму на -lyq).

Таким образом, основным значением формы на -lyq, ее парадигматическим значением, выявляемым в позиции сильного противопоставления (*kirajmān* 'зайду' — *pirdim kirrikmān* 'обязательно зайду') является значение обязательности совершения действия в будущем. Это значение содержит две семы: 1) футуральность, 2) обязательность, категоричность.

По нашим данным, в среднечулымском диалекте из двух упомянутых выше форм встречается только форма на -lyq и совершенно не встречается форма на -yoq. В нижнечулымском диалекте А. П. Дульзон отмечены обе формы: форма на -lyq и форма на -yoq.

Парадигма спряжения глаголов *rag-* 'идти', *qäl-* 'приходить'
в будущем определенном времени на -yoq в нижнечулымском диалекте
[8, с. 130]:

<i>mān ragyo:m</i> (<i>paryo:m</i> , <i>paryoym</i>)	<i>kelyo:m</i>
<i>sän ragyo:ng</i>	<i>kelyo:ng</i>
<i>ol ragyoq</i>	<i>kelyoq</i>
<i>pis ragyoqvus</i>	<i>kelyoqvus</i>
<i>silar ragyoqsungnar</i>	<i>kelyoqsüngnär</i>
<i>olar ragyoq(tar)</i>	<i>kelyoq(tär)</i> .

Важно заметить, что отмеченные формы на -lyq и на -yoq семантически не дифференцированы. Форма на -yoq также обозначает «действие, которое наступит определенно вне всякой связи с желанием говорящего» [8, с. 130], то есть и та и другая формы обозначают обязательность совершения действия, причем от одного и того же глагола встречаются формы на -lyq и на -yoq, например: нч. *mān ke:llüküm* 'я (обязательно) приду' и *mān kelyo:m* 'я (обязательно) приду'. Это наводит на мысль, что здесь выступают не разные формы, а только одна, представленная двумя различными фонетическими вариантами, являющимися собой незавершенный процесс развития формы будущего времени, восходящей к

древнеуйгурской форме на -yuluq. Так, форма на -lyq (-luq) развилась из формы на -yuluq в результате выпадения первого элемента -yи³: ke:lyülük > ke:llük '(он) придет'. О выпадении слога yи свидетельствует сохранившаяся в большинстве случаев долгота гласного предшествующего слога в нижнечулымском диалекте (sa:lluym 'я положу', ke:llügüm 'я приду', ke:ssük '(он) отрежет', a:ssuq '(он) заблудится' и т. д.). Форма на -yoq развилась из формы на -yuluq в результате выпадения слога -lu и стяжения yи и q в один слог yiq с дальнейшим развитием u > o. В 1-м и 2-м лице единственного числа отмечается выпадение конечного согласного q в морфеме -yoq:paγuot 'я приду' (встречается наряду с mǎp paγuoyum, mǎp paγuot).

В то время как в среднечулымском диалекте закрепились форма на -lyq, в нижнечулымском процесс фонетического развития еще продолжается. Этим объясняется параллельное употребление того или другого фонетического варианта, хотя форма на -yoq более употребительна. Тенденция различного фонетического развития одной и той же формы характерна для диалектов чулымско-тюркского языка⁴.

В других тюркских языках, в грамматическом строе которых сохранилась рассматриваемая древнеуйгурская форма, наблюдается аналогичное развитие.

В карачаево-балкарском языке форма будущего категорического времени, имеющая тождественную семантику и форму на -lyq [11], как и среднечулымская форма на -lyq, видимо, восходит к древнеуйгурской форме на -yuluq, пройдя аналогичный путь фонетического развития, указанный выше для среднечулымской формы.

В сарыг-югурском языке также имеется будущее определенное время (на -yи/-gu), обозначающее действие, которое совершится в будущем, с оттенком неперемного долженствования [12] и восходящее к древнеуйгурской форме на -yи [13], но в отличие от чулымско-тюркской формы на -yoq, функционирующей в фонетических вариантах -yoq, -qoq, -qo, -go, представлено единой формой.

Ср. сарыг-югурскую форму:

mǎp mango 'я пойду'

sǎn mango 'ты пойдешь'

do mango 'он пойдет'.

В современном уйгурском языке при помощи суффикса -lyq/-lik, присоединяемого к имени на -qu, -gu, образуется имя, обозначающее неотложное, неперемное действие, например: qylqyluq 'неотложное дело, стоящее дело' [14]. «При помощи имен baγ и joq это имя, принимая соответствующие местоименные аффиксы, образует сочетания, выражающие оттенок неизбежности, обязательности действия» [14]. В своей полной форме рассматриваемая грамматическая морфема сохранилась в халаджском языке, обозначенная исследователями этого языка как форма долженствования на -yuluq. Например, alýuluq 'он должен взять' [15].

Примечательно, что в сибирском ареале форма будущего времени на -lyq встречается только в чулымско-тюркском языке. Будучи территориально изолированным, он сохранил, как неоднократно отмечалось ранее, архаичные черты как в области фонетики, так и в области морфологии. Подтверждением этого являются также и реликтовые формы

³ Выпадение согласных, гласных и целых слогов в рамках словоформы очень характерно для чулымско-тюркского языка. Ср. к примеру: sana:p < sanaγap 'он считал', sani:k < sanalyq 'он будет считать'.

⁴ Ср. развитие форм на byl и ot [10, с. 51].

на -luq и на -yoq, восходящие к древнеуйгурской форме на -yuluq. Изучение места чулымско-тюркского языка в классификационной схеме тюркских языков указывает на бывшие связи племен, участвовавших в тюркизации аборигенного населения побережья р. Чулым, с уйгурскими племенами. С этой точки зрения рассмотренные здесь формы являются еще одним подтверждением этого положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 66.
2. M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 230.
3. В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 36.
4. Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
5. Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941.
6. Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977, стр. 206.
7. Г. Г. Фисакова. Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976, стр. 107.
8. А. П. Дульзон. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола. — «Ученые записки Хак.НИИЯЛИ», вып. VIII, 1960.
9. Ф. Г. Исхаков. Хакасский язык. Абакан, 1956, стр. 18.
10. Р. М. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка. Саратов, 1981.
11. «Грамматика карачаево-балкарского языка». Нальчик, 1976, стр. 255.
12. Э. Р. Тенишев. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976, стр. 90—91.
13. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
14. В. М. Насилов. Уйгурский язык. М., 1940, стр. 114.
15. Г. Дёрфер. Халаджский язык — не огузский. — «Советская тюркология», 1983, № 6, стр. 39.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

И. В. ДРОН

ГАГАУЗСКИЕ ЭТНОТОПОНИМЫ И ЭТНОГИДРОНИМЫ НОГАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

После переселения¹ гагаузов (в юго-западные районы Днестровско-Прутского междуречья) Указом Правительствующего сената царской России от 29 декабря 1819 года для задунайских переселенцев, в том числе гагаузов, были отведены земли и бывшие поселения ногайцев в Буджаке².

Рапорт действительного статского советника А. Я. Коронелли М. И. Кутузову от 25 апреля 1812 года гласит о том, что «...для водворения в Бессарабии переселенцев места избираются главнейшие: при Татарбунаре, при Каушанах, при озерах: Катлабуге, Ялпухе, Китае, при речке Кагуле и при реке Прут». В этом же году 9 мая 1812 года В. И. Красно-Милашевич писал М. И. Кутузову, что «...удобнее расположить поселение задунайских переселенцев на местах, где прежде были селения буджацких татар, и именно: за Чертой Троянской, по реке Ялпухе, на вершине Кагальника. Переселенцы, жительствуя на сих местах, хотя несколько удалены будут от Дуная, и потому менее встретят возможности чинить за оный побег, или иметь какое-либо сношение с турками»³.

Однако конкретный перечень существовавших еще во времена ногайцев поселений, отведенных для поселения гагаузов и других задунайских переселенцев, был определен «Ведомостью округам, учреждаемым в Бессарабской области для поселения болгар»⁴, утвержденной в 1819 году вышеупомянутым Указом Правительствующего сената⁵.

Ведомостями определялись четыре округа: Прутский (Чишми-кёй, Вулканешты), Кагульский (Итулия, Курчи — совр. Виноградка, Балбока — совр. Котловина), Измaильский (Татар-Копчак, Кубей — совр. Червоноармейское, Сатылык-Хаджи — совр. Александровка, Каракурт — совр. Жовтневое), Буджацкий (Лунга, Гайдар, Томай, Баурчи, Казаяклия, Бешалма, Конгаз, Чок-Майдан, Кирсов, Бешгёз, Комрат, Джолтай, Авдарма, Кириет, Дизгинже)⁶.

Большинство гагаузских населенных пунктов Днестровско-Прутского междуречья расположены в долинах и по берегам рек, речек и озер юго-запада междуречья. Так, например, в бассейнах р. Ялпуг, р. Кагул, оз. Ялпуг и оз. Китай расположены следующие гагаузские населенные пункты: р. Авдарма, пр. пр. р. Лунга, л. пр. р. Ялпуг — с. Авдарма⁷; р. Кагул — с. Николаевка, п. Вулканешты, с. Етулия; р. Казаяклия, пр. пр. р. Лунгуца, пр. пр. р. Лунга, л. пр. р. Ялпуг — с. Казаклия; р. Карасулак, впад. в оз. Ялпуг — с. Кобей/Кубей (офиц. Червоноармейское); р. Лунга, л. пр. р. Ялпуг — с. Кириет-Лунга, с. Бешгёз,

г. Чадыр-Лунга; р. Лунгуца, пр. пр. р. Лунга, л. пр. р. Ялпуг — с. Томай, с. Гайдар; р. Салча, пр. пр. р. Ялпуг — с. Дерменжи, с. Карбаля; р. Сары су, л. пр. р. Ялпуг — с. Копчак/Кыпчак; р. Ялпуг — с. Буджак, г. Комрат, с. Кирсово, с. Бешалма, с. Конгаз, с. Курчи/Курчу (офиц. Виноградовка); р. Ялпужел, пр. пр. р. Ялпуг — с. Кырланень (офиц. Котовское); недалеко от впадения р. Алияга в оз. Китай — с. Еникей (офиц. Новоселовка); недалеко от впадения р. Киргиз-Китай в оз. Китай — с. Ески Тройан (офиц. Старый Троян/Старые Трояны); на правом берегу оз. Ялпуг — с. Балбока (офиц. Котловина); в междуречье р. Сака и р. Чага, л. пр. р. Когыльник — с. Михай Ынтый (офиц. Червонный).

Другая часть гагаузских населенных пунктов⁸ Днестровско-Прутского междуречья расположена к западу от линии р. Чага — оз. Китай. Таким образом, большинство населенных пунктов с гагаузским населением в Днестровско-Прутском междуречье находится именно в тех местах, в которых к началу XIX века еще проживало ногайское или смешанное ногайско-молдавское население.

Настоящая статья посвящена ногайским по происхождению и образованию этнотопонимам гагаузов Молдавии и юго-западных районов Одесской области УССР.

Названия гагаузских сел Молдавии тюркско-ногайского этнонимического происхождения приводятся в статьях И. В. Дрона⁹. Отдельные сведения об этнотопонимах гагаузов ногайско-кыпчакского происхождения, расположенных на территории современной Молдавии, имеются в работах Н. А. Баскакова¹⁰ и А. И. Еремия¹¹ (отметим, что ими не приводится ни один микроэтнотопоним). У М. Чакира¹², А. Ресмериц¹³, Ю. А. Карпенко¹⁴ приводятся недостаточно убедительные этимологии названий гагаузских населенных пунктов Южной Бессарабии. Эти авторы, объясняя происхождение того или иного названия, довольствовались сопоставлением его с каким-либо созвучным словом из романских (румынского, молдавского) или тюркских (турецкого, татарского) языков, а нередко и народной этимологией.

Известно, что на протяжении XV—XVIII веков в Днестровско-Прутском междуречье были дислоцированы пять гарнизонов турецких войск, размещавшихся в крепостях: Килия (1484 г.), Аккерман (1484 г.), Бендер (1538 г.), Измаил (1595 г.), Хотин (1711—1715 гг.). Захват этих крепостей сопровождался отчуждением прилегавших к ним земель Молдавского феодального государства. Во второй половине XVI века на юге Днестровского-Прутского междуречья турками были расселены покоренные ими ногайцы, которые в XVII веке мигрировали в глубь молдавской территории. В 1672 году северная граница расселения ногайцев в Днестровско-Прутском междуречье проходила по так называемой линии Халил-Паши, там, где верхний Траянов вал пересекался с р. Ботной. В 60—70-х годах XVIII века турецкие райи и ногайцы занимали в междуречье земли площадью 25 495 кв. км, то есть 55,7% территории междуречья, или 27,2% всего Молдавского феодального государства¹⁵.

После Ларгинской и Кагульской битв (1768—1774) 26 ногайских мурз из Буджака присягнули на верность царскому правительству и были переселены со своими ордами в Крым и на Кубань. К 1806 году в Буджаке числилось более 200¹⁶ оседлых поселений¹⁷ ногайцев, в которых проживало около 4—5 тысяч семейств (во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. они полностью были переселены в районы р. Молочные воды в Приазовье; часть буджакских ногайцев добровольно переселилась в румынскую Добруджу).

О названиях родоплеменных групп буджакских ногайцев¹⁸ в письменных источниках и сообщениях, относящихся к XVI — началу XIX века, сохранились весьма скудные сведения. Дм. Кантемир в своем знаменитом «Описании Молдавии»¹⁹ отмечал, что Бессарабия (в его время. — И. Д.) делилась на четыре части: «...Буджакская, Аккерманская, Килийская и Измаильская. Посредине находится Буджак, в настоящее время представлен для обитания ногайским татарам. Одни историки называют их Буджакскими, другие Белгородскими. ...ногайские татары делятся на 2 ветви: Орак-оглы и Орумбет-оглы, которые ревностно сохраняют свои родовые особенности...». В сообщениях турецкого писателя XVII века Шарих юл-Менароглу Ахмеда имеются данные лишь о племени буджакских ногайцев — *мансур*, к которому, по его утверждению, принадлежал и Кантемир Мырза, который именуется «сыном и беєм племени мансур»²⁰.

В настоящее время об одном из племенных подразделений бывших буджакских ногайцев напоминает название современного молдавского с. Орак Леовского района Молдавии. Генеоним *Орумбет-оглы* находит параллели в названии бывшего ногайского селения в Добрудже — *Ogumbey*²¹ (родоплеменное подразделение со схожим названием в XVII веке было известно и у приазовских ногайцев, а именно *Урумит-ногай*)²². Родоплеменное ногайско-буджакское название, по нашему мнению, сохранилось по настоящее время в гагаузской микротопонимии. Ср. гагаузский микротопоним *Манзыр могиласы* (Червонный), кург. — *Манзырский курган*. В начале XIX века *Манзыр* — известно как селение Бендерского цынута.

С фонетической точки зрения переход $з > с$ или колебание $с \sim з$ в тюркских языках вполне объяснимы. Ср.: др.-тюрк. *uzun* 'длинный, долгий', но якут. *уһун* (*усун*); др.-тюрк. *quz* 'девочка, девушка, незамужняя женщина', но якут. *кыыс* 'девочка, девушка'; тюрк. *julduz* 'звезда', но якут. *сулус*; тюрк. *jaz* 'весна', но якут. *саас*; тюрк. *söz* 'слово', но якут. *өс*; Безгюзь и Бешгиос — аллонимы села *Бешгёз* (в начале XIX века в различных источниках)²³. Переход $у > ы$ или колебание $у \sim ы$ (*мансур > манзыр > с. Манзыр*) в тюркских языках также объяснимы; ср. племенные названия тюрков: *кыпшак/купшак*; *мангыт/мангут*.

О других генеонимах буджакских ногайцев по письменным источникам пока ничего не известно²⁴, а поэтому топонимия гагаузов в рассматриваемом регионе является также важным источником информативного характера и для восстановления родоплеменной структуры буджакских ногайцев.

Ниже приводятся некоторые данные исторического и лексикологического характера и сопоставления, послужившие этимонами при образовании гагаузских этнотопонимов и этногидронимов тюркско-ногайского происхождения, которые нами сведены условно в три группы.

Первая группа. Этнотопонимы — названия населенных пунктов с гагаузским населением на юго-западе Днестровско-Прутского междуречья.

В одной из предыдущих статей²⁵ нами рассматривались названия гагаузских сел Молдавской ССР, в том числе этнонимического происхождения. Установлено, что образование названий десяти существующих и одного бывшего гагаузского поселения Молдавии связано непосредственно с проживанием на территории юга Молдавии следующих тюркско-ногайских родоплеменных подразделений: *байдынулы бесалма* — с. Бешалма (название села образовано в результате эллиптирования генеонима); *бешюз* — бывшее с. Бешюз (в данном названии сохранено

название поля *Бешиюз*, расположенного в окрестностях с. Казаклия); *жагалтай/жагылтай* — с. Джолтай (гаг. Жалтай); *ители*²⁶ — с. Етулия/Итулия; *казайаклы* — с. Казаклия (гаг. Казайаклы); *карабаглы* — с. Карбалия; *карлык* — с. Карлык (аллоним с. Чок-Майдан); *кирейт* — с. Кириет-Лунга; *конъырат/конграт/комрат* — г. Комрат; *конгаз* — с. Конгаз; *кыпчак/кыпшак* — с. Копчак (гаг. Кыпчак). К другим гагаузским этнопонимам тюркско-ногайского происхождения юго-запада Днестровско-Прутского междуречья относятся: Башкалия, Каракурт (офиц. Жовтневое), Кубей (офиц. Червоноармейское). В конце XIX века название Башкалия встречается в числе названий колоний задунайских переселенцев²⁷, однако в настоящее время в с. Башкалия преобладает молдавское население; некоторые молдаване в этом селе носят тюркско-гагаузские фамилии.

В микротопонимии гагаузов Молдавии название с. Башкалия сохранилось в форме *Бешкалы*; ср.: *Бешкалдан йаны* (Чок-Майдан), поле — «Башкалийская сторона»; *Бешкалы байыры* (Чок-Майдан), гора — «Башкалийская гора»; *Бешкалы кулаа* (Авдарма), балка — «Башкалийская балка». В молдавском языке название Башкалия, видимо, ассоциировалось со словом *бэшкэлие* (<*бэшкэ*²⁸ + *-лие*) 'деревянно-земляное укрепление'. Однако тюркско-гагаузские формы названий (аллонимы) населенных пунктов юго-запада междуречья тюркско-ногайского происхождения близки к первичным ногайским топонимам Буджака (в силу родства языков).

В прошлом у узбеков-юзов (ср. здесь фамильное имя *Юзу*, распространенное среди молдаван с. Бадику-Молдавское Кагульского района Молдавии) существовало этническое название *бешкель/бешкал*, образованное от тюркского этнонима-основы *кал* (каль)²⁹. Исходя из изложенного, мы считаем, что название села Башкалия (гаг. Башкалы/Бешкалы) образовано ногайцами Буджака и связано с приходом в Буджак родоплеменной группы *бешкал* (бешкаль).

Каракурт. В соответствии с тотемической древнетюркской версией тюрки происходят от хуннского царевича и волчицы. В легенде о рождении Чингис-хана повествуется о том, что к его матери являются солнечный луч и волк. «Тюркский хан» и «волк» в древности являлись синонимами³⁰.

В верованиях тюркских племен *тюкю* и *теле* также имелись элементы тотемических представлений, согласно которым волк и волчица являлись их прародителями³¹. В башкирских легендах и преданиях мифический волк (*корт*) выступает предводителем некоторых племен, переселившихся на Южный Урал. Происхождение самого этнонима «башкир» — *башкорт* (*баш* 'головной', *корт* 'волк') часто связывают с древним культом волка³². Культ волка был развит в древности и у гагаузов³³.

Согласно этнографическому материалу, собранному академиком В. В. Радловым, у казахов в XVII—XIX веках были следующие родоплеменные названия: *базэнтин* (в настоящее время Базатин — фамильное имя у молдаван п. Чимишлия, где до 1807 года проживали и ногайцы), *сиргэли* (в настоящее время Сиргели/Серкели — фамильное имя у гагаузов г. Комрат; *серкели*, *сергели* микроэтноним ногайцев и каракалпаков), *итэли* (ср. название с. Етулия/Итулия), *кызыл курт* — род племенного подразделения *алчын* из Малой орды казахов³⁴.

Известно, что у тюрков, и особенно у тюрков-кыпчаков, в составе родоплеменных названий имелись и дифференцирующие элементы-сигнификаты, отличавшие одно родственное родоплеменное подразделение от другого: (ср.: *акъ-ногъай* и *къара-ногъай*; *акмангыт* и *карамангыт*;

туркмен и туркменкара и др.), следовательно, можно с достаточной уверенностью предположить, что и у буджакских ногайцев существовало родоплеменное подразделение *кара курт*, которое могло послужить названием-первоосновой для образования этнотопонима *Каракурт*.

Кобей/Кубей (офиц. Червоноармейское). Данное название не находит объяснения в молдавском языке, который наряду с ногайским (к 1807 году — времени окончательного переселения ногайцев из Буджака) являлся наиболее распространенным языком в Буджаке с XV по начало XIX века. Образование топонима Кобей/Кубей, следует думать, связано также с пребыванием ногайцев в Буджаке и наличием у последних родоплеменной группы с названием, сходным с названием с. Кобей/Кубей.

Тотемические версии и представления, связанные с возникновением культа лебедя, в прошлом были довольно широко распространены среди монгольских и тюркских племен Алтайского региона. Согласно тюркским легендам и преданиям, брат главы государства северных гуннов был шаманом, рожденным от волчицы. Один из его сыновей превратился в лебедя, то есть, видимо, стал родоначальником рода лебедя. Родоплеменная группа *кезек-куулар* (где *куулар* 'лебеди') была известна у тувинцев *тоджи*. У современных народностей Саяно-Алтайского нагорья — тувинцев, хакасов, телеутов, кумандинцев — сохранились тотемические представления о лебеде³⁵. С названием *qıw* 'лебедь' связано также родоплеменное наименование алтайцев — кумандинцы. Некоторые исследователи, пишет Н. А. Баскаков³⁶, сближают название древнетюркского племени *ковуи* с названием рода у шорцев <Qobuj (Кобый), что также связано с наименованием лебедя.

У качинцев тоже имелись родоплеменные группы *кубан* и *кобий*³⁷. Исконно тюркскими формами для обозначения лебедя являются: якут. *куба*, кумык. и уйгур. *куб*, шор., кирг., г.-алт. *куу*, др.-тюрк. *кууи*. По мнению некоторых исследователей, имеется связь между названием реки Ку, впадающей в р. Бию с правой (восточной) стороны³⁸, и названием Куман/Кубан (Кубань). Этноним *куман/кубан* образовался, утверждают они, из слова *ку* 'лебедь' и форманта имени деятеля *-ман*³⁹.

Эдиге — герой ногайского героического эпоса носит и второе имя Кубугул, которое этимологизируется как Куба Огул. Древнейший ногайский термин *куба* (смысл которого не столь прозрачен), по мнению А. И.-М. Сикалиева, соответствует древнему общетюркскому *алп* и более позднему *багатыр* 'богатырь'⁴⁰. А. А. Скальковский⁴¹ связывал происхождение названия Кобей/Кубей с «центром рода или казана».

В прошлом у караногайцев племени *найман* существовал *куьп-куб* («родовое соединение») под названием *уьш куьби*, а у узбеков-юзов этническое название — *бешкуби*⁴². На карте Ф. Г. Бауэра в Южной Бессарабии отмечены четыре населенных пункта Найман⁴³. На наш взгляд, *куби/кобей* (>с. Кобей/Кубей) образовался в результате усеечения или эллиптирования этнического названия типа *уьш куьби/бешкуби* или другого подобного генеонима буджакских ногайцев. В настоящее время *Кубей* сохранилось в качестве мужского личного имени у казахов и узбеков Ташкентской области⁴⁴.

Вторая группа, более многочисленная, — это микроэтнотопонимы гагаузов. В одной из предыдущих статей⁴⁵ нами рассматривались лишь несколько названий тюркско-ногайских родов и племен, которые послужили первоосновой для образования ряда микроэтнотопонимов гагаузов. К ним относились: Алякай маалеси (с. Етулия), махала <генеонима *алакай*; Базак (с. Кирсово), долина <*бозак/базак*; Бешюз (с. Казак-

лия), поле < *бешюз*; Бурлак (с. Чишмикёй), поле; Бурлак чукуру (г. Чадыр-Лунга), овраг < *бурлак*; Йайман кулаа (с. Чишмикёй), балка < *йайман/джаман*; Казан кулаа (с. Александровка Болградского района), лощина < *къазан*; Кыргыз маалыси (г. Чадыр-Лунга), махала < *кыргыз*; Пытырак (п. Вулканешты), махала < *пытырак (бодыракъ)*; Тюркмен (с. Конгаз), овраг; Тюркмен мерасы (с. Бешалма), поле < *туьркмен/туьркпен/туркмен*; Шюльпень (с. Джолтай, г. Чадыр-Лунга), махала; Шюлюпеняска (г. Комрат), махала < *шюлпен/шолпан*.

Ниже продолжается обзор гагаузских микроэтнотопонимов буджакско-ногайского происхождения.

Бурлак (с. Чишмикёй) 'поле'; *Бурлак чукуру* (г. Чадыр-Лунга) 'овраг'. Данные названия, как и название молдавского с. Бурлаку (Кагульского района), восходят к названию родоплеменной группы ногайцев *бурлак*, упоминающейся в одном из турецких трактатов об османских крепостях Северного Причерноморья в связи с известными событиями до 1711 года⁴⁶.

Дуан (с. Казаклия) 'долина'; в «Статистическом описании Бессарабии»⁴⁷ о *Дуакъ* говорится как о бывшей «татарской» деревне на месте сёл Томай и Гайдар. Долина в настоящее время известна и под названием *Дуан салкымлы*, которое А. Еремией переводится и этимологизируется как «Акации ястребов»⁴⁸. Однако это объяснение неверно, так как в основе названия лежит тюркский этноним *дуан*, известный в прошлом как генеоним у многих тюркских народов⁴⁹, в том числе и у каракалпаков⁵⁰ — народ, относящийся к кыпчакско-ногайскому смешанному языковому ареалу.

В окрестностях с. Копкуй/Купкуй Леовского района Молдавии два поля известны под названиями соответственно: *Духанул чел Маре* 'Большой Духан' и *Духанул чел Мик* 'Малый Духан'. На наш взгляд, элемент *духан* воспроизводит этническое название буджакских ногайцев *дуған//дуһан*, но только с сохранением интервокального *ғ//һ*. Если сопоставить названия *Духанул чел Маре* и *Духанул чел Мик*, названия Джагалтай и Кагарлык (старые названия — до начала XIX века — с. Джолтай и с. Карлык — аллоним с. Чок-Майдан), с одной стороны, и названия *Дуан* (с. Казаклия), гаг. *Жалтай, Карлык*, с другой, то можно вполне уверенно предположить, что в указанных названиях интервокальный *ғ* в языке буджакских ногайцев в начале XIX века еще сохранялся, но выпал в речевой практике гагаузов Бессарабии.

Канны деря или **Канны чукур** (с. Дмитриевка Болградского района) 'овраг, ручей'. Данные аллонимы имеют этимологическим генеоним буджакских ногайцев *къаналы/къанталы* (ср. *къанталы куьп* — родовое соединение караногайцев и *къанлы* — род у акногайцев; род *къанталы урув* — из *къонъыр куьп* и *Къанталы* — ногайское село у северокавказских ногайцев)⁵¹.

Если предположить, что в языке (в гагаузском сонант *л* после *м*, *н* закономерно переходит в *н*; *нл > нн*) буджакских ногайцев (ср. также и название с. Кания Кантемирского района, где гагаузы не проживают < ног. *канны* < *канталы*), *нл* также мог переходить в *нн*, то *Канны деря* или *Канны чукур* легко выводится из ногайского генеонима *къанталы*.

Карлык (с. Бешалма) 'овраг' < генеонима буджакских ногайцев *карлык/кагарлык*.

Коруклары **арасы** (с. Карбалия) 'переулок' — название восходит к буджакско-ногайскому генеониму *коьруьк*. Генеоним *коьруьк урув*, например, был известен у караногайцев, принадлежащих к родовому соединению *къонъыр куьп*⁵².

Татар пынары (с. Бешалма, с. Кириет-Лунга) 'колодец'; *Татар*

пынарлары (с. Александровка и с. Дмитровка Болградского района) 'колодцы', в прошлом — 'зерновые ямы'. Происхождение названий с элементом *татар* не только на территории гагаузского региона, но и всего Днестровско-Прутского междуречья связано с непосредственным проживанием в этих местах родоплеменных групп буджакских ногайцев и с тем, что вплоть до окончательного переселения ногайцев из Буджака последние нередко именовались здесь и «татарами», наряду с названием *нохай/нугай* и аллоэтнонимом *бужеженъ*⁵³. Известно, что в средние века и монголы, и тюркоязычные народы, жившие в Золотой Орде, именовались европейцами «татарами».

Чага (с. Баурчи Каушанского района) р. и 'урочище'; название урочища заимствовано из молдавской топонимии, в которой оно образовалось в результате метонимии (*Чага*, урочище < *Чага*, р.). Название р. Чага, левого притока р. Когыльник, несомненно, связано с фактом проживания в данном районе родоплеменной группы буджакских ногайцев *чага* (ср. названия: горы Шага; аула Шага; урочища Шага — в различных районах Казахстана и имена родовых групп тюрков: казахов — *шага*; киргизов — *чага*)⁵⁴. Во времена пребывания ногайцев в Буджаке (см. на упомянутой карте Ф. Г. Бауэра) на р. Чага располагалось ногайское селение Мюсунт Комрад.

Третья группа. Сюда относятся этнотопонимы и этногидронимы, встречающиеся в различных источниках XIX века в связи с описанием колоний задунайских переселенцев, расположенных на юге Бессарабии. **Аран-Юрдо** («Статистическое описание Бессарабии», с. 442) — бывшее «татарское» селение; в настоящее время его территория находится в пределах городской черты г. Чадыр-Лунга. Топоним **Аран** восходит к тюркскому генеониму *аран* (топоним — *Юрдо* < тюрк. *йурт*). Ср. название каракалпакской родоплеменной группы *араншы* (< *кене-гес* < *арыса* «он торт уруу»).

С. Б. Ашурбейли высказала предположение, что раннесредневековый **Аран**, наряду с ираноязычными, населяли и тюркоязычные племена и что под понятием «аранский язык» подразумевался собственно азербайджанский⁵⁵.

Киргиз-Китай (река, берущая начало с территорий, расположенных севернее с. Твардица Чадыр-Лунгского района) содержит топонимический элемент этнонимического происхождения *китай* < *кэтай* — название, известное в этнонимии не только ногайцев, но и каракалпаков, киргизов, узбеков и других тюркских народов (недалеко от северного берега оз. Китай расположены населенные пункты: Еникёй — офиц. Новосёловка, Ески Тройан — офиц. Старые Трояны, в которых проживают и гагаузы). Первый элемент в гидрониме Киргиз-Китай, как и в названии *Кыргыз маалыси* (г. Чадыр-Лунга) — восходит к этнониму *кыргыз*. Ранее считалось, что этноним *кыргыз* отсутствует в этнонимии ногайцев, каракалпаков и казахов⁵⁶; данные топонимии, однако, позволяют считать, что у буджакских ногайцев существовала родоплеменная группа под названием *кыргыз*, или в составе названия которой имелся этнонимический элемент *кыргыз* (возможно, что элемент Киргиз в составе гидронима Киргиз-Китай образовался на молдавской почве, где *киргиз* 'киргиз', а *киргиж/киргижь* 'киргизы', то есть *киргиж/киргижь* — это форма множественного числа этнонима *киргиз*).

Чобалакчи — бывшее татарское селище («...дача колонии Конгаз вмещает два татарских селища по р. Ялпуг, одно — Чобалакчи, находится выше оной, а другое тоже называется Бесъ-Юсъ» — см. «Статистическое описание Бессарабии», с. 439). На упомянутой карте

Ф. Г. Бауэра в Южной Бессарабии отмечены пять населенных пунктов под названием Чебалакчи/Чобалакчи. В Кантемирском районе Молдавии и поныне существует молдавское село, известное под названием Чобалачия/Чобалакчия⁵⁷, (Чобалачия < Чобалакчия < Чобалакчи). Название *Чобалакчи* восходит к ногайскому генеониму *чебалакчи/чобалакчи*. «Например, в нескольких русских документах, датируемых 1604 г., в Казыевом улусе (в *Малой Ногайской орде*. — И. Д.) отмечены люди кыпчакского рода, чебалакчейского и канклыкцкого родов» (цитируется по Н. Г. Волковой)⁵⁸.

С известной осторожностью к гагаузским этномикротопонимам ногайского происхождения можно отнести и Ал кызы (с. Дмитриевка/Димитровка и с. Червоноармейское Болградского района) 'лещина, луг'. Это название по-гагаузски означает «бери девушку». По нашему мнению, образование названия *Ал кызы* связано с генеонимом *огуз*, о котором можно лишь предполагать, что он существовал и в этнонимии буджакских ногайцев. Ср. и киргизский топоним *Кыз-Арт*, в котором К. Конкобаев видит тот же этноним *огуз*⁵⁹ (термин *кыз*, по его мнению, образовался в результате эллипсиса).

В заключение необходимо отметить, что существовавшая к периоду переселения гагаузов ногайская этнотопонимия в рассматриваемом регионе образовалась после прихода в Буджак тюркско-ногайских племен и родов, то есть с XVI по начало XIX века. В начальный период пребывания гагаузов в Днестровско-Прутском междуречье созданные ногайцами топонимы и гидронимы играли важную роль в коммуникативной деятельности гагаузов. Ногайские этнотопонимы и этноэлементы, ставшие неотъемлемой частью гагаузской топонимии, в своем дальнейшем развитии адаптировались в соответствии с фонетическими и грамматическими законами гагаузского языка.

Сопоставление ногайских этнотопонимов и этногидронимов рассматриваемого региона, с одной стороны, и тюркских этнонимов и генеонимов, с другой, показывает, что буджакские ногайцы находились в наиболее близких родственных отношениях с соответствующими родоплеменными группами ногайцев Северного Кавказа — Кубанского региона — добруджскими ногайцами и каракалпаками. Существование родоплеменных групп: *аран, бешалма* (< *байдынулы бесалма*), *бешкал, бешиюз, бурлак, дуан, *каракурт, карлык, кыргыз, манзыр/мансур, *огуз, чага, чобалакчи, чолпан/шолпан/шюльпень* у буджакских ногайцев (ранее в печати упоминания о перечисленных генеонимах не встречались) служит доказательством общего их этнического происхождения с соответствующими группами в составе узбеков-юзов, казахов, каракалпаков, туркмен, башкир, киргизов, алтайцев, древних тюрков. Генеонимы: *аран, бешалма, бешкал, бешиюз, бурлак, дуан, *каракурт, кыргыз, манзыр/мансур, *огуз, чага, чолпан/шолпан/шюльпень* в исследованной этнонимии акногайцев и караногайцев неизвестны.

Тюркская этнотопонимия Буджака является ценным источником изучения этногенеза не только бывших буджакских ногайцев и ногайского народа в целом, но и ряда локальных групп молдаван и гагаузов юга Днестровско-Прутского междуречья.

¹ Основное массовое переселение гагаузов в юго-западные районы Бессарабии происходило во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Однако отдельными группами гагаузы, болгары и другие задунайские переселенцы переходили из-за Дуная на территории юго-запада междуречья еще до 1794 г. («История Молдавии. Документы и материалы», том 2. Кишинев, 1957, стр. 27).

² В 60—70-е годы XVIII века турецкие райи и ногайцы занимали в Днестровско-Прутском междуречье земли площадью 25495 кв. км, то есть 55,7% территории междуречья, или 27,2% всего Молдавского феодального государства (П. Г. Дмитриев. Народонаселение Молдавии по материалам переписей 1772—1773, 1774 и 1803 годов. Кишинев, 1973, стр. 33). В 1672 году северной границей расселения ногайцев в междуречье была установлена так называемая линия Халил-паши, которая проходила в месте пересечения верхнего Траянова вала с р. Ботна. После событий 1711 года турецкие власти разрешили ногайцам поселяться и к северу от линии Халил-паши (В. С. Зеленчук. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. Кишинев, 1979, стр. 39). Буджак — историческая область на юге междуречья. Во времена Дм. Кантемира (1673—1723) Бессарабия — юг Днестровско-Прутского междуречья, к югу от верхнего Траянова вала, делилась на четыре части: Буджакская, Аккерманская, Килийская и Измаильская (Дм. Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, стр. 24—25).

³ «История Молдавии. Документы и материалы», том 2. Кишинев, 1957, стр. 41, 55 (далее — ИМ). В молдавском фольклоре XIV—XVII вв. содержатся данные об одном из центров ногайцев во главе со «старым ханом Гирей...», расположенном в верховьях р. Ялпуг (V. Alecsandri. Poezii populare ale românilor. București, 1982, стр. 96—97).

⁴ До 1897 года в официальных документах не делалось различий между болгарами и гагаузами — гагаузов причисляли к болгарам (В. С. Зеленчук. Население Бессарабии..., стр. 14).

⁵ ИМ, стр. 542—547.

⁶ В скобках приведены названия только тех ныне существующих селений, в которых селились задунайские переселенцы и в которых в настоящее время гагаузы составляют значительную часть или абсолютное большинство населения. Во всех без исключения указанных селениях до переселения гагаузов проживали буджакские ногайцы.

⁷ Наименования населенных пунктов приводятся в порядке их расположения по отношению к истокам конкретной реки. Условные сокращения означают: пр. пр. — правый приток; л. пр. — левый приток; г. — город; с. — село, селение; п. — поселок.

⁸ Список населенных пунктов, в которых проживают гагаузы Молдавии (138000, или 80% от общего количества гагаузов СССР, — 173000 по данным Всесоюзной переписи 1979 года), см. в статье И. В. Дрон. Названия гагаузских сел Молдавской ССР. — «Советская тюркология», 1982, № 4. Небольшими группами гагаузы Молдавии проживают и в населенных пунктах: Башкалия, Бессарабка, Вишневка, Гаваноаса, Самурза, Светлый, Софиевка; при ж.-д. ст.: Вулканешты, Гречены, Етулия; на хуторах: Ени Етули (Новая Етулия), Ени Кырбаалы (Новая Карбаля). Меньшая часть гагаузов (около 25000; в 1959 г. на территории Украины проживали 23530 гагаузов — см. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Украинская ССР», М., 1963, стр. 168) проживает в прилегающих к Молдавии районах Одесской области: Болградском (Александровка, Виноградовка, Димитровка, Жовтневое, Червоноармейское), Килийском (Новоселовка, Старый Троян), Ренийском (Котловина), Тарутинском (Червонный). Отдельные группы гагаузов на территории Одесской области проживают и в населенных пунктах: Болграде, Долинское, Залізничное, Табак/Тобак, Новое Жовтневое (Ени Каракурт). Незначительная часть гагаузов СССР (около 5—7 тысяч) в настоящее время проживает в различных областях Казахстана и Узбекистана (например, с. Майское близ Ташкента) — их переселение в Среднюю Азию и Казахстан было связано со Столыпинской реформой в России — здесь они известны под самоназванием *гагауз* или (реже) *гайжал*, а в официальных документах числятся болгарами.

За пределами СССР гагаузы проживают в ряде населенных пунктов Болгарии, Румынии, Турции. Общее количество гагаузов в этих странах, по статистическим данным, не превышает 5000 (С. И. Брук. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, стр. 255). Однако общее количество гагаузов за пределами СССР в несколько раз превышает указанную цифру.

По Н. А. Баскакову (Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 135), только в юго-восточной Македонии и в районе Адрианополя проживают около 11000 гагаузов. Занижение данных о количестве гагаузов объясняется, например, тем, что гагаузов в Болгарии обычно относят к одной из болгарских этнографических групп (Е. Гунчева. Описание гагаузского говора села Раковски Толбухинского округа. — «Балканско езикознание», XXI, 3. София, 1978, стр. 62). Гагаузы в этой стране в официальных документах очень часто записываются болгарами с соответствующими именами и фамилиями.

⁹ И. В. Дрон. Названия гагаузских сел...; И. В. Дрон. Комрат — этнопоним югайского происхождения. — «Советская тюркология», 1981, № 1.

¹⁰ Н. А. Баскаков. Родоплеменные названия кыпчаков в топонимии Южной Молдавии. — В кн.: «Топонимика Востока», М., 1964.

¹¹ А. Еремия. Нуме де локалитэць. Кишинэу, 1970, стр. 106—108.

¹² Protoiereu M. Ciachir. Explicatia numirilor turco-fatate ale oraşelor, cătunelor şi fermelor din Moldova dintre Prut şi Nistru şi unele tradiţiuni păstrate în legătură cu aces-

- te numiri. — В журн.: «Revista societății istorico-arheologice Bisericești din Chișinău», Chișinău, 1921, vol. XIII, стр. 49—55; 1922, vol. XIV, стр. 62—73; 1924, vol. XV, стр. 77—80.
- ¹³ *Al. Resmeriță*. Dictionarul etimologico-semantic al limbii române. Craiova, 1924.
- ¹⁴ *Ю. А. Карпенко*. Топонимия болгарских сел Одесской области. — В кн.: «Историческая ономастика», М., 1977.
- ¹⁵ *П. Г. Дмитриев*. Народонаселение Молдавии..., стр. 33.
- ¹⁶ «История народного хозяйства Молдавской ССР», Кишинев, 1976, стр. 334, 409.
- ¹⁷ К этому времени большая часть буджакских ногайцев перешла к оседлому образу жизни [*И. В. Дрон*. Комрат — этнопоним...; *С. В. Кириков*. Человек и природа степной зоны. Конеч Х—середина XIX в. (Европейская часть СССР). М., 1983, стр. 39].
- ¹⁸ На юге Днестровско-Прутского междуречья одновременно с ногайцами непосредственно в крепостях турецких военных гарнизонов и вокруг крепостей (Аккерман, Бендер, Килия, Измаил, Рени) проживало молдавское, ногайское население, а также турецкие и крымско-татарские военнослужащие со своими семьями (*Дм. Кантемир*. Описание Молдавии..., глава IV; *M. Guboglu*. Crestomatie turcă. Izvoare narative privind istoria Europei Orientale și Centrale (1263—1683), București, 1978, стр. 541; *Ион Некулче*. Летописец Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1969, стр. 191).
- ¹⁹ *Дм. Кантемир*. Описание Молдавии..., стр. 24—25. Работа им написана в 1714—1716 гг.
- ²⁰ *M. Guboglu*. Crestomatie..., стр. 574.
- ²¹ *Enver Mamut*. Nogaii dobrojeni și dialectul lor. — «Analele Universității București», Seria științe sociale. Anul XIII. 1964, стр. 320.
- ²² *Г. З. Анчабадзе*. Эвлия Челеби о закубанских ногайцах. — «Тюркологический сборник. 1976», М., 1978, стр. 19.
- ²³ «Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака», Аккерман, 1899, стр. 425; «История Молдавии. Документы и материалы». Том 2..., стр. 297.
- ²⁴ Сказанное выше обуславливается и скудостью источников, уничтоженных во время непрерывных войн на территории Молдавии в XV—XVIII вв., частыми набегами крымских татар и нашествием турецких войск, пожаром 1827 г. Много материалов погибло и во время войн XX в. (*П. Г. Дмитриев*. Народонаселение Молдавии..., стр. 13). Первичные материалы, хранившиеся в архиве Управления задунайскими поселенцами в г. Болграде на протяжении многих десятилетий, по мнению историка *И. И. Мещерюка* (*И. Мещерюк*. Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828—1834. Кишинев, 1965, стр. 17), тоже не сохранились. По настоящее время остаются неопубликованными более 216 молдавских документов и рукописей, относящихся к событиям XIV—XIX вв., которые хранятся в ЦГА Молдавской ССР (см. журнал: «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1983, № 1, стр. 75).
- ²⁵ *И. В. Дрон*. Названия гагаузских сел..., стр. 47.
- ²⁶ Ср. и бывшее родоплеменное название каракалпаков Зерафшанской долины: *Етыгуль* (*А. Д. Гребенкин*. Узбеки. — В кн.: «Русский Туркестан». Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, выпуск 2. М., 1872).
- ²⁷ *Н. С. Державин*. Болгарские колонии в России. Т. I. Петроград, 1815.
- ²⁸ *А. Еремия*. Кестнионар топонимик. Кишинэу, 1967, стр. 23; *Iorgu Iordan*. Toponimia românească. București, 1963, стр. 311.
- ²⁹ *У. Туйчиев*. Отражение этнонимов в топонимии Булунгурского района Самаркандской области. — В кн.: «Ономастика Средней Азии», выпуск 2, Фрунзе, 1980, стр. 37, 42. Числовое обозначение *беш* в составе этнонимов: *бешкалы*, *бешалма* < *байдынулы бесалма* и других является обычным явлением в тюркской этнонимии. Ср. наименования тюркских племен и родов: *джетышкул* ('семь углов', племенное объединение ногайцев), *джетысан* ('семь чисел', племенное объединение ногайцев), *тёртоул* ('четыре сына', племя ногайцев), *бестамгалы* ('пять имеющих тамгу', род найманов), *беш-берен* ('пять бериндичей', родоплеменное подразделение кара-киргизов), *беш бояк* ('пять бояков', род шорцев) и др. (*А. В. Суперанская*. Групповые обозначения людей в лексической системе языка. — В кн.: «Имя нарицательное и собственное», М., 1978, стр. 80).
- ³⁰ *Л. М. Селяметев*. Имя и легенда. — В кн.: «Ономастика Средней Азии». Выпуск 2, Фрунзе, 1980, стр. 113. У ряда тюркских народов в антропонимии широко были представлены имена с основой *курт* 'волк'; ср. у крымских татар: *Кьуртали*, *Кьуртмудла*, *Кьуртсеит* и др.
- ³¹ «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. I, Л., 1968, стр. 283.
- ³² *Р. Ф. Ильясов*. Башкирские сказки о животных. — «Советская тюркология». 1981, № 3, стр. 14.
- ³³ *М. Губогло*. Гагаузы. — «Наука и жизнь», 1969, № 10.
- ³⁴ *В. В. Радлов*. Этнографическое обозрение турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929, стр. 21, 22. Племена Младшего жуза (Киши жуз) в XIII—XVIII вв. занимали земли от Кызыл-Орды до Каспийского моря (*А. Х. Маргулан*. О значении этнографических памятников Казахстана. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», 1981, № 3).

гическая», 1983, № 2, стр. 2), то есть соседствовали с каракалпаками и предками ногайцев.

³⁵ С. И. Вайнштейн. Тувинцы Тоджи. Историко-этнографический очерк. Автореф. канд. дисс., М.—Л., 1956, стр. 5; Л. П. Потапов. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарить убитого лебедя у хакасов). — «Советская этнография», 1959, № 2. Охота на стерха, лебедя и чаек и доставка их домой у якутов, например, сопровождалась сложными обрядами. Эти птицы часто становились тотемами и очеловечивались, а охота на них запрещалась. При очеловечивании лебедь и стерх у всех аборигенов Якутии «становятся» женщинами и редко — молодыми парнями (С. И. Николаев. Птичеловек в хороводных танцах аборигенов Якутии. — «Полярная звезда», 1982, № 4, стр. 125).

³⁶ Н. А. Баскаков. Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве». — «Советская тюркология», 1982, № 4, стр. 22.

³⁷ К. И. Петров. Этнический состав населения Енисейско-Иртышского междуречья до XIII в. — В кн.: «История Киргизии», т. I, 1963, стр. 240.

³⁸ «Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе „Изобразов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым“. Составил Н. Ф. Катанов. СПб., 1888, стр. 12.

³⁹ В. Г. Родионов. К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора. — «Советская тюркология», 1983, № 6, стр. 22.

⁴⁰ А. И.-М. Сикалиев. Общество и герой в ногайском героическом эпосе. — В кн.: «Традиции и современность. Фольклор и литература народов Карачаево-Черкессии», Черкесск, 1980, стр. 12, 13 и примеч. 44 на стр. 169.

⁴¹ А. А. Скальковский. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Статистический очерк. Одесса, 1848, стр. 61.

⁴² С. Ш. Гаджиева. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX—начала XX вв. М., 1979, стр. 59; Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 136; У. Туйчиев. Отражение..., стр. 42.

⁴³ «Карта Молдавского княжества, составленная генеральным штабом П. А. Румянцева, отображающая передвижение и победы русской армии над турецко-татарскими войсками в 1769—1770 гг.». Карта составлена (на французском языке) под руководством Ф. Г. Бауэра. Название карты приводится на французском и русском языках. Копия ее под инвентарным № 757 хранится в Государственном историко-краеведческом музее МССР. Впервые карта была издана в Амстердаме в 1783 г.

⁴⁴ На территории Каракалпакии известна горная возвышенность Кубатау/Кубетау вблизи г. Кунград («Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962, стр. 408, 416—417). В народных легендах гагаузов название *Кубей* связывается с именем трагически погибшего юноши *Ку*, сына «татарского» бая (М. В. Маруневич. Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX—начале XX в. Кишинев, 1980, стр. 158).

⁴⁵ И. В. Дрон. Некоторые вопросы гагаузской топонимии Молдавской ССР. — «Советская тюркология», 1983, № 5. Данные по микротопонимии гагаузов юго-запада СССР приводятся из личного архива автора; микротопонимия гагаузов автором была собрана в ходе полевых поездок по гагаузским селам в течение 1978—1981 гг.

⁴⁶ Весела Зденка. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. — В кн.: «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы». Часть 2, М., 1969, стр. 106, 124, 127.

⁴⁷ «Статистическое описание Бессарабии, собственно так называемой, или Буджак-ка...», Аккерман, 1899, стр. 441.

⁴⁸ А. Еремия. Граюл пэмынтулуй. Кишинэу, 1981, стр. 65.

⁴⁹ А. Гусейнзаде. Об одном топониме Апшеронского полуострова («Дуванны»). — «Советская тюркология», 1980, № 5, стр. 20—24.

⁵⁰ Л. С. Толстова. Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР. — «Советская этнография», 1965, № 5, стр. 46.

⁵¹ Н. А. Баскаков. Ногайский язык..., стр. 133, 136—138, 141. Подробнее об этнониме *канлы* — *кан* у кыпчаков см. статью: Т. Ж. Жанузаков. Этюды о казахских этнонимах. — В кн.: «Ономастика Средней Азии», вып. 2, Фрунзе, 1980, стр. 20—21.

⁵² Н. А. Баскаков. Ногайский язык..., стр. 137.

⁵³ И. В. Дрон. Некоторые вопросы..., стр. 39.

⁵⁴ Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974.

⁵⁵ Б. А. Будагов, Н. Г. Мамедов. Научная конференция по изучению топонимии Азербайджана. — «Советская тюркология», 1982, № 3, стр. 108.

⁵⁶ Н. А. Баскаков. Микроэтнонимы и проблемы изучения этногенетических связей между народностями. (На материале этнонимии ногайцев и каракалпаков). — В кн.: «Ономастика Средней Азии», выпуск 2. Фрунзе, 1980, стр. 7. В тюркской гидронимии наблюдается образование названий рек от названий народов. Ср. название *Ulug suwi* < *Ulak suwi* ('Река румына') — название одной из крупных водных преград (Дунай или Днестр) на территории расселения восточных романцев, упоминаемое в «Oguzname» (XI в.) (O metiune inedită despre românii din secolul al IX-lea în *Oguzname* — cea mai

veche cronică turcă de Mehmet Ali Ekrem. — В журн.: «Studii și cercetări de istorie veche și arheologie», 1980, № 2 (Tomul 31), București).

⁵⁷ Название с. Чобалакчия (Кантемирского района Молдавии) А. Еремией (*А. Еремия. Нуме де локалитэць...*, стр. 127) отнесено к топонимам неизвестного происхождения.

⁵⁸ Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, стр. 81.

⁵⁹ К. Конкобаев. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980, стр. 24. Возможно, название *Ал кызы* было заимствовано гагаузами у буджакских ногайцев, в языке которых и образовалось данное название в результате эллипсиса (или усечения) или же при уподоблении известному термину *кыз*; при этом смысл термина *огуз*, видимо, был забыт. В тюркской этнонимии известны этнонимы и генеонимы: *огуз*; *секиз-огуз*, *токуз-сгуз* (ДТС, стр. 365); (здесь ср. название с. Токуз Каушанского района Молдавии); *огуз-татары* («История Сибири с древнейших времен до наших дней», стр. 291).

Одновременно необходимо отметить, что уход и переселение (выселение) буджакских ногайцев из Буджака не следует понимать буквально. Какие-то части ногайцев Буджака остались на месте; о ногайцах, которые позже были ассимилированы молдаванами, напоминают молдавские фамилии тюркско-ногайского происхождения, рассмотрение которых является предметом отдельной статьи.

Р. КУНГУРОВ, Н. АБДУРАХМАНОВ

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ СЛОВ, ЗАИМСТВОВАННЫХ В ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ ИЗ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

В настоящее время проблема сложных слов, особенно заимствованных в тюркские языки из генетически неродственных им языков, остается одной из малоизученных в тюркологии. Правда, в последние годы было опубликовано несколько монографий и научных статей, а также написан ряд диссертаций, посвященных тюркским сложным словам. На этой проблеме останавливаются также авторы грамматик и учебных пособий. Ученые, пишущие о сложных словах, как правило, акцентируют внимание на различиях между сложными лексемами и простыми словами, на словосочетаниях и повторах, а также на отношениях сложных слов к частям речи.

Известно, что лексика тюркских языков постоянно обогащается, причем пути ее обогащения разнообразны. Во-первых, пополнение лексики происходит за счет ресурсов самих тюркских языков с использованием собственно грамматических, лексических и семантических способов словообразования; во-вторых, путем заимствования слов из других языков. Этот многовековой процесс продолжается и в настоящее время.

Как пишет В. Г. Гак, сравнительное (сопоставительное) изучение языков ведет к выявлению генетической общности языков и языковых явлений, к раскрытию типологических особенностей и сходств языков, причем объектами такого изучения могут быть как родственные языки, так и любые другие языки, независимо от их родства¹. Процесс заимствования тюркскими языками слов из неродственных им языков, как показывают факты, протекает неравномерно.

Как известно, тюркоязычные народы издавна находились в тесных контактах с ираноязычными. Это привело к лексическому взаимообогащению как тюркских, так и иранских языков. Персидско-таджикские лексические элементы в тюркских языках отмечаются еще в произведениях авторов XI—XV веков². Взаимовлияние и взаимообогащение персидско-таджикского и тюркского языков рассматривались в работах отдельных исследователей³.

¹ См.: В. Г. Гак. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977, стр. 5.

² Махмуд Қошғарий. Девону луготит турк, I том. Тошкент, 1960; Алишер Навоий. Танланган асарлари, 3 том. Тошкент, 1948.

³ А. К. Боровков. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос взаимоотношения таджикского и узбекского языка. — «Ученые записки Института востоковедения», М., 1952, стр. 166; Х. Гулямов. Узбекско-таджикские языковые связи. Ташкент, 1983; К. Юсупов. Ленинизм ва лексикография. Тошкент, 1976.

В настоящее время в тюркских языках имеется достаточное количество сложных слов, одним из компонентов которых являются слова персидско-таджикского происхождения. Их можно квалифицировать как заимствования из персидско-таджикского языка или как формы, образованные сочетанием персидско-таджикских и тюркских слов. Некоторые авторы трактуют слова типа *пиштахта* (азерб.), *навбахор*, *оқшом*, *навниҳол*, *чордедон*, *бадном*, *дилнавоз*, *ҳамроҳ*, *винофуруш*, *хушомадғўй*, *аравакаш*, *зардўз*, *обдаста*, *серҳосил*, *ширгурунч*, *тилишнос*, *шабнам*, *паркент*, *дурбин* и т. д. как сложные⁴, другие же — как простые⁵.

Заимствованные слова таджикско-персидского происхождения структурно выглядят следующим образом: 1) первый компонент — самостоятельное слово, второй компонент — аффиксид (с точки зрения тюркских языков): *аравакаш*, *тилишнос*, *винофуруш*, *самсапаз*; 2) первый компонент — префикс, второй компонент — лексема: *пиштахта* (азерб.), *серташвиш*, *сердаромад*, *беташвиш* (узб.); 3) оба компонента являются самостоятельными персидско-таджикскими и тюркскими словами. Последняя группа слов подразделяется на следующие подгруппы: а) слова, оба компонента которых являются персидско-таджикскими: *чордедон*, *дурбин*, *навниҳол*; б) слова, первый компонент которых тюркский, а второй — персидско-таджикский: *ошхона*, *тошбағир*, *молхона*, *чўлбиёбон*, *шакарпалак*; в) слова, первый компонент которых персидско-таджикский, второй — тюркский: *ҳуснбузар*, *шайтонковуш*.

Хотя заимствованные таджикско-персидские слова на родной почве и считаются сложными в тюркских языках, они не могут быть отнесены к таковым, ибо: во-первых, ни один из заимствованных компонентов слов типа: *ҳамроҳ*, *ҳамсуҳбат*, *хушомадғўй*, *чордедон*, *дурбин*, *обдаста*, *шабнам*, *узундыраз* (азерб.), *оқшом* (узб.), *ошпаз*, *қиморбоз*, *тилишнос*, *этикдўз*, *аравакаш* и т. д. в тюркских языках самостоятельно не употребляется; во-вторых, в ряде приведенных примеров (*қимарбоз*, *тилишнос*, *этикдуз*, *аравакаш*) морфемы типа *-боз*, *-шунос*, *-дуз*, *сер-*, *-боп*, *-каш*, *-зода*, *-нома*, *-зор*, *-кор*, *-бахш*, хотя и употребляются в таджикско-персидском как самостоятельные лексемы, в тюркских языках являются аффиксами или аффиксоидами.

Таким образом, нам представляется, что более оправдано считать слова с элементами *-зор*, *-боз*, *-кор*, *-дўз* и т. д. в тюркских языках не сложными словами, а простыми производными.

Звуковое совпадение аффиксоидов *-зор*, *-соз*, *-дор* и других с самостоятельными тюркскими словами *зор*, *соз*, *дор*, на наш взгляд, явление чисто случайное. Их можно считать структурными омонимами разных языковых уровней. Поэтому мы не можем согласиться с мнением А. Х. Хаджиева, считающего производные слова типа *илҳомбахш*, *хушбичим* сложными словами⁶.

Мы полагаем, что из числа заимствованных из персидско-таджикского языка к сложным можно отнести такие слова, как: *дилором*, *гулғи*, *косагул*, *гулбодом*, *тошбағир*, *шайтонковуш*, *ҳуснбузар*, *белкурак*,

⁴ М. И. Адиллов. Сложные слова в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. (далее — АКД). Баку, 1958, стр. 9; Б. Бафаев. Сложные слова в лирике Алишера Навои. АКД, Ташкент, 1968, стр. 10—11; Н. Маматов. Қўшма сўзлар билан содда сўзларнинг ўзаро муносабати масаласига доир. — «Ўзбек тили ва адабиёти», № 2, Тошкент, 1982, стр. 7—12; А. Н. Холмуратов. Заимствованные элементы словообразования в узбекском литературном языке. — «Советская тюркология», 1982, № 2, стр. 14; Б. Мадалиев. Ҳозирги ўзбек тилида қўшма сўзлар. Тошкент, 1966, стр. 39—41.

⁵ А. Хаджиев. Ўзбек тилида қўшма, жуфт ва такрорий сўзлар. Тошкент, 1963, стр. 12; «Ҳазирги қарақалпақ тили», Нөкис, 1974, стр. 47.

⁶ А. Хаджиев. Указ. раб., стр. 12.

ялангбош, ахлоқбузар, оммабон, ҳамсухбат, камқувват и т. п. Отнесение их к сложным лексемам оправдано тем, что оба компонента данных слов в тюркских языках могут употребляться в качестве самостоятельных слов.

Большинство арабских по своему происхождению слов в последнее время в тюркских языках стали малоупотребительными. Они часто стали заменяться интернациональными словами и терминами. Однако распространение интернациональных лексических единиц не вытеснило из употребления все арабские слова.

Заемствованные сложные слова могут быть классифицированы, в зависимости от их структурных особенностей, нижеследующим образом: 1) сложные слова, оба компонента которых являются полнозначными словами: *аксил инқилоб*, *нуқтаи назар*, *саломалайкум* и т. п.; 2) слова, где первый компонент тюркский, а второй — арабский: *йигчам* (азерб.), *ёзфасли* (узб.), *sözehtli* (тур.); 3) слова, где первый компонент арабский, а второй — тюркский: *имзо чекди*, *тасдиқ қилди*, *забт қилди*, *воқе бўлди*, *зое кетди* и т. д.; 4) слова, где первый компонент арабский, а второй — персидско-таджикский: *кироатхона*, *жинояткор*, *баённома*; 5) слова, где первый компонент персидско-таджикский, а второй — арабский: *жаҳоншумул*.

Слова типа *феъл-атвор*, *фикрхона*, *аксилинқилоб*, *саломалайкум*, *нуқтаи назар*, *зое кетмади*, *воқе бўлди*, *забт қилди*, имеющие арабские компоненты, в тюркологии интерпретируются по-разному: одни авторы считают их сложными словами⁷, другие же — нет⁸. Мы придерживаемся второй точки зрения, ибо вторые компоненты таких слов, как *феъл-атвор*, *кайф-сафо*, *саломалайкум*, не употребляются самостоятельно. То же следует сказать и о словах: *акси садо*, *нуқтаи назар* и т. д.

Слова же типа: *бош вакил*, *очиқ фикр*, *қабртош*, *бартараф қилди*, *тасдиқ қилди*, *имзо қўйди* можно отнести к сложным словам, поскольку оба компонента этих конструкций в современных тюркских языках употребляются самостоятельно.

В современных тюркских языках, помимо слов, составленных по схеме персидско-таджикское + тюркское, арабское + тюркское слово, часто встречаются также русские или интернациональные (заемствованные через русский) слова: *кинорежиссер*, *фотомонтаж*, *киноочерк*.

Некоторые языковеды⁹ такие слова, как *гидроқурилиш*, *агрохўжалик*, *самолёт*, *вертолёт*, *телефон*, *магнитофон*, *биохимия*, *аэровокзал*, *автомобиль*, *колхоз*, *совхоз*, считают сложными словами. С этой точкой зрения трудно согласиться, ибо первые компоненты слов: *агрохўжалик*, *гидроқурилиш* (*агро*, *гидро*) в русском и в тюркских языках не употребляются как самостоятельные лексемы. Лексемы (*агро*-, *теле*-, *верто*- и др.) — аффиксоиды. Следовательно, образования с ними правомерно считать простыми словами.

Обогащение лексики тюркских языков в настоящее время осуществляется в значительной мере путем заимствования слов из русского и других языков народов СССР. Этой тенденции способствует сближение, взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур братских народов в условиях развитого социализма.

⁷ Фахри Камол. Узбек тили лексикаси. Тошкент, 1953, стр. 39.

⁸ А. Хаджиев. Указ. раб., стр. 19.

⁹ В. Н. Тадыкин. Орфография алтайского языка. — В кн.: «Орфографии тюркских литературных языков СССР», М., 1973, стр. 72; Б. Мадалиев. Указ. раб., стр. 25.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

ДЕВУШКА — ШАКИРД И ВОИН

(МОТИВ «ПЕРЕМЕНИ ПОЛА» В ТАТАРСКИХ БАИТАХ)

Тема женщины, ее судьбы занимает одно из центральных мест в татарских народных байтах¹, начиная со времени возникновения этого жанра. В период существования Волжской Булгарии, примерно в XIV веке, были созданы такие произведения, как «Баит Ханэкэ-султан» («Ханэкэ-солтан баете») и «Булгарские сиротки» («Болгар ятимэлэре»)², в которых повествуется о тяжелой участи пленниц или проданных в рабство девушек. По сюжету эти произведения типологически близки европейской, в том числе и славянской исторической балладе, украинским «невольничьим думам» и т. п.³

Такая же широкая типологическая близость с поэзией разных народов характерна и для байтов, основанных на известном сюжетном мотиве «перемены пола». Одним из старинных образцов последних является «Баит семи девушек» («Жиде кыз баете»)⁴. Г. Тулумбайский приводит зачин одного из вариантов байта, указывающий на время его создания — 40-е годы XIX века:

*Тарих мең дә сигез йөз дә кыргынчы ел эчендә,
Мондый хикмет һич булмады безнең гомер эчендә⁵.*

‘В тысяча восьмисотые (годы) истории, в году сороковом,
Такого чуда не бывало за всю нашу жизнь’.

Приблизительно такую же дату приводит и Х. Ярмухаметов из рукописи, хранящейся в Научной библиотеке им. Н. Лобачевского Казанского университета: «В 1825 году дочери семи богачей, переодевшись в мужскую одежду, поехали в Каргалинское медресе (около г. Оренбурга. — Ф. У.) и, не узанные, проучились там семнадцать лет»⁶. Число лет — семнадцать — повторяется и в тексте произведения: *Унҗиде ел укып чыктык — белмәделәр кыз диеп* ‘Семнадцать лет мы проучились — не догадывались (никто), что мы — девушки’. В данном случае имеется эпическая гиперболизация, не поддающаяся логическому объяснению, что характерно для фольклорных произведений⁷. Таким же эпическим является и число семь, встречающееся и в некоторых других байтах, например в «Баите семи человек» («Жиде кеше баете»)⁸, и широко распространенное в фольклоре многих народов мира. «Из глубокой древности ведет свое начало почитание числа семь как священного. Тогда в основу календаря был положен лунный месяц. В течение лунного месяца — 28 дней — Луна прибывает и убывает, проходя при этом 4 фазы... Эти фазы Луны сменяются через каждые 7 дней. Они положены

в основу нашей семидневной недели. Наблюдая за сменой фаз Луны, древние приписали особое, священное значение числу 7»⁹. Позже это число проникло и в каноны ислама: «Согласно мусульманским представлениям, Вселенная состоит из семи миров, а небо из семи сфер»¹⁰. Встречается оно и в дошаманистических и шаманистических воззрениях бурят¹¹.

Определенная связь байта с традициями сказочно-мифологического и героического эпоса прослеживается и в его содержании. Так, в нем подчеркивается, что семь девушек внешне очень похожие: *Жиде байның жиде кызы — жидесе да бер манир* 'Семь дочерей семи богачей — все они похожи друг на друга'. Как известно, такой мотив обычен для народных сказок. И одеты девушки одинаково, что подчеркивается лишь одной деталью: *Жиде байның жиде кызы кигән плюш тубатәй* 'Семь дочерей семи богачей надели плюшевые тубетейки'. Родились они также чуть ли не одновременно: *Жиде байның жиде кызы жиде төндә тудык без* 'Семь дочерей семи богачей — родились мы в семь ночей'. Как бы то ни было, неоднократное и настойчивое повторение числа семь свидетельствует о несомненном влиянии на байт традиций сказочно-мифологического или героического эпоса.

Об этом же говорит и главный мотив байта — «перемена пола». На основе анализа обширного материала в сравнительно-историческом плане Ю. Кржижановский приходит к следующему заключению: «Мотив „перемены пола“, если учесть Гомера и его амазонку Пентесилею, проходит путь более чем в две тысячи лет»¹². Среди материалов, анализируемых Ю. Кржижановским, есть и такие, которые по своему сюжету близки к «Байту семи девушек». Речь идет о польском рассказе о женщине-студенте, записанном в XV веке венским аббатом Мартином. «Причем этот автор, воспитанник Ягеллонской Академии, в своем повествовании придал происшествию все черты достоверности. Согласно ему, одна девушка из Великой Польши, дочь учителя, после смерти родителей прибыла в Краков и в течение двух лет в мужской одежде посещала университет; разоблаченную, ее отдали в женский монастырь, где она дождалась сана настоятельницы»¹³.

Совершенно другое, не столь оптимистическое звучание обретает тот же сюжет в «Байте семи девушек» — здесь сильны драматические мотивы, чего требовала специфика жанра. В байте последовательно рассказывается о пути, пройденном девушками: *Илебездән чыккан чакта хәер бирдек бер талир* 'Выходя из дома, мы пожертвовали монетой'. Перед долгой и опасной дорогой девушки должны принести жертву — это отголоски древних мифологических верований. В дороге девушки преодолевают трудности, препятствия: *Илебездән чыгып киткәч, кара урманда тордык без* 'Когда ушли из родного края, мы жили в дремучем лесу'. В этом можно усмотреть некоторую связь с мотивами народных сказок¹⁴.

Как и в приведенном выше польском рассказе, в байте далее повествуется о том, как девушки учились в медресе, стали шакирдами. Лишь когда им пришлось носить воду в баню, они невольно выдали себя, и за нарушение заповедей шариата, за попытку учиться в медресе были наказаны — заперты в белой мечети. В то же время у них нашлись, как говорится в байте, и защитники: *Арада аңлы халык бар — безне азрак яклылар* 'Есть и сознательные люди — нас немного защищают'. Сам факт создания байта свидетельствует о резко отрицательном отношении народа к запретам шариата, к религиозному фанатизму. Дальше в байте рассказывается о том, что на одной из девушек,

изгнанных из медресе, мулла Вафа женил своего сына. Исполнены печали строки байта, посвященные этой девушке Бадриджамал, тоскующей по родному дому. Идейное содержание байта глубоко прогрессивно. Международный сюжет в данном случае получил сугубо национальную интерпретацию.

В конце XIX века в Казани было опубликовано еще одно произведение с приведенным мотивом. — «Баит науруз» («Нәүрүз бәете») ¹⁵. В свое время его подробно проанализировали Али Рахим и Г. Газиз ¹⁶. Доисламский языческий обряд иранцев — науруз, связанный с днем весеннего равноденствия ¹⁷, отмечался как большое торжество ¹⁸, и позже был заимствован мусульманским духовенством. Как и всякая другая мировая религия, ислам использовал языческие обряды для популяризации в народе своей идеологии. В дальнейшем науруз распространился среди татар, живших (возможно, временно) в Таджикистане или Азербайджане, а потом проник в Поволжье ¹⁹. В опубликованной в конце XIX века поэтической легенде повествуется о том, как две сестры, переодевшись в мужскую одежду, поступили в медресе и проучились там семь лет, а потом были вынуждены его покинуть. Легенда рассказывает об их дорожных приключениях, о том, как они попали к одному помещику, и его дочь, приняв их за юношей, влюбилась в одного из них. Возможно, в данном сюжете нашли отражение мотивы народных сказок, героического эпоса.

В стихотворной части произведения рассказывается и о многих других приключениях девушек. В «Баите науруз», несомненно, представлен мотив «перемены пола», что вполне естественно, ибо его содержание почти полностью совпадает с сюжетом «Байта семи девушек». Между тем «Баит науруз», опубликованный в конце XIX века, включен в учебник-хрестоматию «Древняя татарская литература» (1963) в раздел болгарско-татарской литературы VIII—XIII веков ²⁰. Составители книги почему-то не приняли во внимание, что Али Рахим и Г. Газиз в свое время дали вполне убедительное объяснение утверждению историка Казанского края Марджани о том, что в период Волжской Булгарии здесь бытовали «байты науруз». Говоря о древнейших произведениях, Марджани, вероятно, имел в виду не байты в современном понимании этого термина, а двустипий-бейты, исполняемые во время весеннего праздника. Возможно также, что он писал о каком-то не дошедшем до нас баите, но никак не о публикации конца XIX века, более поздней по времени, нежели книги самого Марджани ²¹.

Говоря об исторических основах таких произведений, как «Баит семи девушек» и «Баит науруз», следует иметь в виду, что в период Волжской Булгарии и Казанского ханства просвещение находилось на достаточно высоком уровне. Об этом свидетельствуют и сообщения арабских путешественников о наличии школ в болгарских селениях, и более поздние исторические данные ²². По-видимому, в то время еще не было строгих ограничений в обучении девушек. Они появились позже, в период усиления религиозного фанатизма мусульманского духовенства и части верующих, а также в связи с проводимой царским самодержавием политикой насильственной христианизации, нередко принимавшей жесткие формы ²³. Своеобразным отражением этих социальных условий и явились названные байты.

По своим основным мотивам близок к рассмотренным выше «Баит девушки-солдата» («Кыз-солдат бәете»), записанный и опубликованный сравнительно недавно ²⁴. В этом баите рассказывается о том, как девушка Шамсикамар, переодевшись в мужскую одежду, пошла служить в

армию вместо своего младшего брата и участвовала в сражениях. Героиня с гордостью заявляет: *Өч мең солдат арасында кыз солдаты мин генэ* 'Среди трех тысяч солдат я — единственная девушка'. Далее в байте говорится: *Шамсекамар зирэк бала — өч мең солдат өйрөтө* 'Шамсикамар — очень сметливая, обучает три тысячи солдат'.

В байте сохраняется связь с весьма древними героико-эпическими традициями, о чем говорит, в частности, поэтизация обычного в эпосе многих народов числа двенадцать²⁵: *Унике ел мин сугыштым, белмаделар кыз диеп* 'Двенадцать лет я воевала, никто не думал, что я девушка'. Байт заканчивается традиционным сообщением о гибели героини: *Шамсекамар үлде дигач, елашалар тиңнәре* 'Услышав о гибели Шамсикамар, плачут ее сверстницы'.

«Байт девушки-солдата» — сравнительно поздний образец жанра, но по сюжету он тесно связан с одним из важных направлений развития мотива «перемены пола», когда «девушка утаивает свой пол не под рясой, а под воинскими латами»²⁶. Значительное развитие получил этот мотив в средневековом фольклоре, как, например, в русской былине «Ставр Годинович»²⁷, основанной на реальном историческом факте. «В 1118 году киевский князь Владимир Мономах за какие-то провинности заточил в темницу новгородского боярина Ставра»²⁸. Его жена Василиса Микулишна, переодевшись послом, приехала в Киев, прошла через все испытания, умом и хитростью освободила своего мужа из заточенья. Она предстает в былине как «необыкновенно мудрая, разносторонне одаренная, сильная и волевая женщина», которая «во всем превосходит не только своего мужа, но и всех мужчин, изображенных в былине»²⁹. О былине «Ставр Годинович» Ю. Кржижановский пишет: «Красочное повествование с приключением жены Ставра причисляют... не к героическим былинам, хотя Василиса Микулишна — это настоящая женщина-богатырь, а к былинам-сказкам. Таким образом, русская народная эпика, связанная со сказкой, вступает одновременно на древний литературный путь, восходящий к Илиаде»³⁰.

Образ девы-богатыря Сайкал выведен в киргизском эпосе «Манас», Карлыга — в казахском эпосе «Кобланды-батыры», Ай-Барчин — в узбекской версии эпоса «Алпамыш» и др.³¹ Однако поскольку байты по своим жанровым особенностям стоят ближе к более позднему героическому эпосу и балладам, то сопоставление их с последними представляет определенный интерес. Выразительно представлен мотив «перемены пола» в русской народной балладе «Девина — атаман разбойников»³², в эпических и лиро-эпических произведениях южных славян. Близки к былине «Ставр Годинович» и к «Байту девушки-солдата» болгарская гайдуцкая песня «Мирчо и Бояна», хорватские баллады «Жена освобождает Грую из темницы» и «Султанья»³³.

«Байт семи девушек» и «Байт девушки-солдата» сюжетно в той или иной степени родственны многочисленным произведениям фольклора разных народов: древнегреческой мифологии и гомеровскому эпосу, сказаниям тюркоязычных народов, сказкам, легендам, песням народов Европы, русским былинам, гайдуцким песням, славянской балладе. Известно, что иногда подобные произведения завершаются трагической развязкой³⁴. Однако, обобщая материалы фольклора многих народов, В. М. Жирмунский писал: «У старика-отца нет сыновей. На войну идет его дочь, переодетая воином. Пол девушки-воина подвергается испытаниям, из которых она выходит с честью. Она благополучно возвращается домой. Обычна заключительная формула: „Девушкой пришла, девушкой уйду“»³⁵. Ученый отмечал, что песни-баллады о девушке-воине с

таким финалом распространены не только у всех славянских народов, но и в южнороманских странах: в Италии, Испании, Португалии. Славянские баллады на этот сюжет имеют вполне благополучный конец, хотя в целом исторические баллады славян чаще всего заканчиваются трагически. Оптимистическое разрешение коллизии «девушка-воин» связано, очевидно, с тем, во-первых, что она так или иначе соотносится с легендами и сказаниями об амазонках. Во-вторых, это объясняется влиянием на баллады с этим сюжетом народных сказок, всегда пронизанных оптимизмом. Кроме того, трагический конец во многом противоречил бы фактам действительности. Известно, что у многих народов в древности и в средние века правитель делил власть с супругой, наделенной немалыми правами³⁶. По словам В. М. Жирмунского, у кельтов, германцев, славян, у тюркских, монгольских и кавказских народов и в период родовых отношений, и в период развивающегося феодализма «сохранились пережитки более независимого положения женщины в семье и обществе, которые сказывались, в частности, в ее сперва равноправном, а позднее — более эпизодическом участии в воинских предприятиях своих родичей и соплеменников и могли быть реальными бытовыми предпосылками эпического образа девушки-воина»³⁷.

Эти слова ученого подтверждаются рядом исторических фактов. В анонимном «Таварих-и гузида Нусрат-наме», относящемся к XVI веку, отмечается, что «татары долгое время платили дань китайскому императору и часто бунтовали против центральной власти. Они были весьма воинственным народом, и даже женщины их участвовали в войнах с китайцами»³⁸. Держава Ашина, куда входили названные татарские племена, существовала в VI—IX веках. Значит, реальные основы мотива «девушка-воин» в татарском народном творчестве восходят к далекому прошлому. Об этом же говорят и распространенные среди волжских булгар, в свое время также входивших в состав державы династии Ашина, легенды о богатырских девах, что нашло отражение в записях Абу Хамида ал-Гарнати (XIII век)³⁹.

Реальное положение женщины в древнем обществе, очевидно, привело к возникновению культа женщины, что нашло яркое отражение в архаических представлениях о богине-матери, широко распространенных у разных народов: Кибела или Рея в Малой Азии, Великая Мать богов в Древнем Риме, мать-богиня Умай у древних тюрков, образ которой отражен, например, и в киргизском эпосе «Манас», и другие⁴⁰. Стадиально еще более архаичны представления о духах-покровителях или покровительницах шаманов и шаманок, что имело следствием ритуальный травестизм — переодевание мужчин в женскую, а женщин в мужскую одежду. В Средней Азии, например, были шаманы-мужчины, носившие женское платье. Б. Н. Басилов об этом пишет: «Не свидетельствует ли женское платье среднеазиатских шаманов о том, что в глубокой древности шаманский культ находился исключительно в женских руках и лишь со временем к участию в нем были допущены мужчины? При стойком консерватизме культа не требовалось ли от новых служителей сохранить облик жрицы?»⁴¹.

В более позднюю эпоху на основе аналогичных представлений возникло и получило развитие и другое направление ритуального травестизма — переодевание женщин-шаманок в мужскую одежду, как, например, у некоторых народов Малайзии и Западной Индонезии⁴². И первобытные истоки мотива «девушка-юноша» в конечном итоге тоже связаны, видимо, с ритуальным травестизмом. В некоторых произведениях народного эпоса подчеркивается утаивание пола девой-воительни-

цей, позже — девушкой-воином, как в былине «Ставр Годинович», в «Баите девушки-солдата», балладе «Султания» и др. Можно сослаться и на сказки — азербайджанские, монгольские, узбекские или адыгейские («Кан батрачки», «Красавица Елена и богатырь-женщина», «Дочь одного старика»), где представлен этот мотив⁴³. Вторую из этих сказок В. Ф. Миллер считал связанной с древнегреческими сказаниями и с «Одиссеей» Гомера⁴⁴.

В целом для народного эпоса вовсе необязателен мотив переодевания девы-воительницы в мужскую одежду. Участие женщины в сражениях в женской одежде характерно, очевидно, для более архаичных произведений, относящихся ко времени, когда участие женщин в боевых походах было более или менее обычным делом. Переодевание женщин в мужскую одежду — явление типологически гораздо более позднее, оно обусловлено изменениями в общественно-бытовом укладе, новыми социальными, этическими, религиозными нормами.

¹ См.: Ф. Урманчеев. Ник акмадым дэрьяга боз булып? — «Казан утлары», 1973, № 11.

² Гали Рәхим, Г. Газиз. Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1925, стр. 144—145; «Борынгы татар әдәбияты», Казан, 1963, стр. 353—354; А. Яхин, М. Бакиров. Фольклор жанрларын система итеп тикшерү тәҗрибәсе. Казан, 1979, стр. 100.

³ «Скандинавская баллада», Л., 1978, стр. 54—69; Б. Н. Путилов. Славянская историческая баллада. М.—Л., 1965; «Украинские народные думы», М., 1972, стр. 101 и сл.

⁴ «Бәетләр (революциягә кадәргеләр)». Төз. Г. Толымбай. Казан, 1935, стр. 74—80.

⁵ Там же, стр. 74.

⁶ «Бәетләр». Төз. Х. Ярми. Казан, 1960, стр. 345 (далее — Х. Ярми. Бәетләр); «Баит семи девушек». — Там же, стр. 72—75.

⁷ См.: В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 145.

⁸ Х. Ярми. Бәетләр, стр. 150.

⁹ А. А. Нейхардт, И. А. Шилова. Семь чудес древнего мира. М.—Л., 1966, стр. 7.

¹⁰ «Хурлукка и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос», М., 1971, стр. 265; см. также: Алишер Навои. Сочинения в десяти томах. Т. IV. Ташкент, 1968, стр. 391.

¹¹ И. А. Манжигеев. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978, стр. 43.

¹² Юлиан Кржижановский. Девушка-юноша (К истории мотива «перемена пола»). — «Русский фольклор», VIII. Народная поэзия славян. М.—Л., 1963, стр. 65.

¹³ Там же, стр. 59.

¹⁴ См.: В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976, стр. 158; его же. Мужской дом в русской сказке. — «Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук», вып. 1. Л., 1939.

¹⁵ «Кыйсса-и нәүруз, ике былбыл, ике кызлардыр», Казан, 1881, 1889; А. Яхин, М. Бакиров. Указ. раб., стр. 85.

¹⁶ Гали Рәхим, Г. Газиз. Указ. раб., стр. 279 и сл.

¹⁷ См.: Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, стр. 245.

¹⁸ «Народная поэзия Азербайджана», Л., 1978, стр. 16, 48—49, 425.

¹⁹ См.: Х. Ярми. Бәетләр, стр. 24—25.

²⁰ «Борынгы татар әдәбияты», стр. 51—63.

²¹ Х. Ярми. Бәетләр, стр. 24.

²² Д. А. Хвольсон. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 23.

²³ А. Н. Григорьев. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (с половины XVI в. до февраля 1917 г.). — «Материалы по истории Татарии», вып. 1. Казань, 1948, стр. 226—285; Ю. Г. Мухаметшин. Татары-кряшены. М., 1977, стр. 15—19.

²⁴ «Азат хатын», 1966, № 7, стр. 17.

²⁵ О почитании числа двенадцать как священного см.: В. Г. Ардзинба. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982, стр. 40—44.

²⁶ Юлиан Кржижановский. Указ. раб., стр. 60.

- ²⁷ «Былины», т. 2. М., 1958, стр. 120—128.
- ²⁸ «Былины», М., 1969, стр. 228.
- ²⁹ Там же, стр. 229.
- ³⁰ Юлиан Кржижановский. Указ. раб., стр. 64.
- ³¹ «Манас. Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча». II китеп. Фрунзе, 1980, стр. 47, 49, 53 и др.; III китеп. Фрунзе, 1981, стр. 103, 175, 256 и др.; «Кобланды-батыр. Казахский героический эпос», М., 1975, стр. 291 и сл.; «Героический эпос народов СССР», т. 2, М., 1975, стр. 97 и сл.
- ³² «Народные баллады». М.—Л., 1963, стр. 273.
- ³³ «Песни южных славян». М., 1976, стр. 330—331, 407—409, 410—413.
- ³⁴ Юлиан Кржижановский. Указ. раб., стр. 60.
- ³⁵ В. М. Жирмунский. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979, стр. 271.
- ³⁶ См.: В. Г. Ардзинба. Указ. раб., стр. 149 и сл.
- ³⁷ В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 224—225.
- ³⁸ «Таварих-и гузида Нусрат-наме», Ташкент, 1967, стр. 82.
- ³⁹ «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153)». М., 1971, стр. 83.
- ⁴⁰ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. Л., 1969, стр. 84, 412; И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965, стр. 117; З. Мамытбеков, Э. Абдылбаев. «Манас» эпосун изилдөөнүн кээ бир маселелери. Фрунзе, 1966, стр. 65—68.
- ⁴¹ Б. Н. Басилов. Ташмат-бола. — «Глазами этнографов», М., 1982, стр. 178.
- ⁴² Е. В. Ревуненкова. Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980, стр. 209—220.
- ⁴³ См.: «Азербайджанские сказки», Баку, 1977, стр. 21—33, 39—58; «Монгольские сказки». М., 1962, стр. 78—86, 148—154; «Караван чудес. Узбекские народные сказки», Ташкент, 1981, стр. 20—30, 47—53, 91—97; «Сказки адыгских народов», М., 1978, стр. 92—104, 191—204, 250—253.
- ⁴⁴ «Сказки адыгских народов», стр. 364—369.

ОНОМАСТИКА

О. Т. МОЛЧАНОВА

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ «ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ» И «БЕЛЫЙ ЦВЕТ» В ОНОМАСТИКОНЕ АЛТАЙЦЕВ

Известно широкое участие цветовых прилагательных в образовании тюркских имен, особенно топонимов. В Горно-Алтайской автономной области 14% всех тюркских географических имен содержат в своем составе одно из перечисленных ниже обозначений цвета: *кара/кара*¹¹⁴ 'черный'; *ак*⁸⁷ 'белый'; *сара-сары/-сары*⁵⁹ 'желтый'; *кызыл*⁴⁹ 'красный'; *кёк/кёк*²⁶ 'синий, голубой; зеленый'; *куу*¹² 'белый, бледно-желтый, бледно-синий'; *бараан/бараан*⁹ 'темный'; *ала/ала*⁸ 'разноцветный, пестрый'; *боро*⁷ 'сивый, серый'; *куба*⁶ 'бледный, бледно-желтый, светло-серый, бледно-серый'; *чаңкыр-шаңыр*⁶ 'светло-синий, голубой, синий, лазурный'; *јеерен*⁵ 'рыжий, пестрый'; *сур*⁵ 'светло-серый, светло-коричневый; голубой (о масти лошади); серый; серо-коричневый, серо-бурый, блестящий'; *чал*⁵ 'седой'; *булан*⁴ 'светло-рыжий'; *өлө/өлө*⁴ 'сивый, седой, пегий'; *коңыр*³ 'темно-бурый, смуглый, карий, рыжеватый, коричневый, каштановый; каурый'; *корз*³ 'каурий, серый, желтый'; *чибит/чибит*³ 'желтый; цвета охры'; *чоокырз*³ 'пестрый, чубарый, пятнистый'; *буурыл*² 'седой, чалый'; *кан*² 'цвета крови'; *күрең*² 'коричневый'; *теңери*² 'цвета неба'; *чаган-сагаан*² 'белый'; *калтар*¹ 'мухортый'; *кер*¹ 'красновато-рыжий с черным хвостом и гривой (о масти лошади)'; *көрнө*¹ 'низовой огонь — синоним красного цвета'; *кугу*¹ 'зеленый'; *кугул-куйкул*¹ 'желтоватый'; *кызарык*¹ 'краснеющий'; *өшке*¹ 'розовый'; *улан*¹ 'красный'; *чаптар*¹ 'рыжий со светлой, белой гривой и хвостом (о масти лошади)'; *шалтыр*¹ 'блестящий'

Такое значительное число прилагательных цвета в географических именах является одной из отличительных особенностей тюркской топонимии по сравнению с индоевропейской (1% в русской², 4,1% в литовской³, например). Известны также разные мнения ученых относительно происхождения, и значений прилагательных цвета в тюркских языках, вот почему целесообразно остановиться на них особо. В данной статье речь пойдет о группе прилагательных, обозначающей черный цвет: *кара*,

¹ Цифра внизу указывает семную частотность; запись *өлө/өлө*⁴ означает, что элемент *өлө* в топонимии фиксируется и как самостоятельное слово, и с аффиксом, а его общая семная частотность равна 4.

² Е. Е. Черкасов. «Цветовые» прилагательные в составе топонимов. — «Топонимика», М., 1967, вып. 2, стр. 14—15.

³ А. П. Ванагас. Образование, происхождение и семантика литовских гидронимов. Автореф. докт. дисс. Вильнюс, 1983, стр. 39.

бараан, караңуй, и группе, указывающей на белый цвет: ак. Некоторые из сведений по ним сообщались нами ранее⁴, здесь они будут дополнены и уточнены.

Семантическое поле «черный цвет». КАРА. Происхождение и этимологические связи прилагательного *кара* нами не будут рассматриваться. Об этом достаточно специальной литературы⁵. Прилагательное *кара* в алтайском имеет широкую семантическую наполненность, начиная от обозначения пигмента, краски, красителя (*кап-кара чачту үй киж* 'брюнетка', *кап-кара чачту/кара чырайлу киж* 'брюнет', *кара чачту* 'черноволосый', *кара башту* 'черноголовый', *кара терелү* 'чернокожий', *кара ат* 'вороная лошадь', *кара-күрең* 'чернобурый') до значений «отрицательный, плохой», «злостный, коварный, преступный» (*кара санаалу киж* 'злодей', *кара сагыш* 'злой умысел')⁶. Кроме того, *кара* может выступать как составная часть некоторых ботанических и зоологических названий (*кара агаш јиулек* 'ежевика', *кара торбос* 'черника', *кара тит* 'вяз', *кара-күрең мешке* 'березовый гриб', *кара бака* 'жаба', *кара чилен цапля')*⁷.

Далее в статье основное внимание будет сконцентрировано на ономастическом материале. Сперва остановимся на участии *кара* в образовании топонимов. В топонимии Горного Алтая прилагательное может составить наименование и самостоятельно: р. *Кара* (л. п. Куучака), г. *Кара* (н. п. Шебалино), но гораздо чаще является компонентом в сложных образованиях. Ими могут быть имена практически любых географических объектов территории (рек, ручьев, родников, ключей, водопадов, озер, ледников, логов, урочищ, долин, ущелий, гор, хребтов, перевалов, мысов, стоянок, населенных пунктов). Подавляющее большинство из них — гидрообъекты. В них реализуются следующие из указанных А. Н. Кононовым значений — родниковый, прозрачный, без мути и примесей, иногда обильный и черный⁸, особенно в *кара + суу*. По мнению А. Н. Коконова, в географической терминологии слово *қара* означало сушу, землю, материк, а потому *қарасу* — тип рек, получающих питание из земли, из родника. Поддерживая точку зрения А. Н. Коконова, Э. М. Мурзаев уточняет географическое содержание *қарасу* так: «Карасу — родниковые воды, немногочисленные реки, питающиеся выклинива-

⁴ О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979; *её же*. Прилагательные *ак* и *кара* в алтайском ономастиконе. — «Вопросы изучения алтайского языка (сборник научных трудов)». Горно-Алтайск, 1981.

⁵ См. некоторые из них: В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 218; «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 422; «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», Л., 1975, стр. 379; Г. Ф. Саттаров. Татар ономастикасында *ак* һәм *кара* сүзләре. — «Татар тел белеме мәсьәләләре (дүртенче китап)», Казан, 1972, стр. 29—41; G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972, стр. 643, 644; G. Doerfer. Khalaj materials. — «Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series», Bloomington, 1971. Vol. 115, стр. 300.

⁶ Ср. русск. «черные мысли», «черное дело» и др.

⁷ См. также многие другие значения прилагательного, особенно употребление *кара* для обозначения природных явлений, приведенные в работах А. Н. Коконова, которые в этом плане стали направляющими для нашего исследования: А. Н. Кононов. О семантике слова *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. — «Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 5, 1954; *её же*. Способы и термины определения стран света у тюркских народов. — «Тюркологический сборник. 1974», М., 1978; *её же*. Семантика цветообозначений в тюркских языках. — «Тюркологический сборник. 1975», М., 1978; *её же*. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.). Л., 1980, стр. 102, 110.

⁸ Ср. с монг. *хар хөлс* 'обильный пот'; *хар хөлс асгак* 'сильно потеть'; *хар цай* 'чай без молока, незабеленный чай'; *хара уһан* 'чистая вода, одна только вода'; *лунхын хара уһан* фольк. 'живая вода' (букв. 'кристальная вода вечности'); калм. *хар цэ* 'незабеленный чай'; *хар усн* 'чистая (без примесей) вода'.

нием подземных вод, обычно обладающие прозрачной водой»⁹. Эту особенность вод Алтая отмечает В. И. Верещагин:

«В центральном Алтае встречается белая вода (*ак суу, ак коол* и пр.), молочный цвет которой зависит от примеси ледниковой мути. В противоположность „белым“ рекам — речки, имеющие прозрачную воду, называются иногда „черными“ (*кара суу, кара коол* и пр.). Нахождение в восточном Алтае рек и озер с черной водой, богатой растворенными в ней органическими (гуминовыми) веществами, — факт, чрезвычайно интересный»¹⁰. Вспомним черный цвет воды в р. Кара-Алаха или знаменитое озеро Кара-Кӧл на пути из Ак-Таша в Улаган. Приведем названия водных источников на Алтае, где имеются отмеченные для *кара* и *карасу* значения: несколько рек Кара-Айры, р. Кара-Булак, реки Кара-Жарык, р. Кара-Жери, реки Кара-Жул, р. Кара-Кан и, наконец, многочисленные реки Кара-Кем, реки и лога Кара-Коол, озера Кара-Кӧл, реки Кара-Ойык, реки и лога Кара-Ӗзӧк, все Карасу (реки, родники, ключи, ручьи, водопады, лога). *Карасу* является на Алтае одним из самых распространенных географических номенов, выступая со значением «родник, ключ; вода, вытекающая из-под земли». Так, почти из 400 географических объектов территории, содержащих *кара* в составе своих названий, более 120 именуются *карасу*.

В названиях гор, хребтов, долин, урочищ, логов, имеющих в своем составе географические номены, *кара* выступает со значением «черный, не покрытый снегом», а также «с густым (часто хвойным) лесом». Таковы ур. Кара-Арка, горы Кара-Бел, скалы Кара-Боом, сопки Кара-Жӱрек, скалы Кара-Кайа, горы Кара-Корум, горы Кара-Кыр, горы Кара-Тайга, камни Кара-Таш, урочища Кара-Турук, горы Кара-Туу и др. Это подтверждается исследователями Алтая: «Вправо и влево от дороги выросли довольно значительные хребты. Особенно выделяются вершины: направо Кара-Кайа, покрытая хорошими кедровниками, подальше Куль-Темир и Байдара...»¹¹. Или, например, гора Кара-Жӱрек (н. п. Белый-Бом) покрыта кедрами, отчего издали кажется темной; там есть река того же названия, вытекающая из оз. Кара-Жӱрек, река пересыхает, весной впадает в Чую слева. Об этом же говорит следующее описание: «Черневые татары считают гору Кара-Чобра (система Каракокши, с нее берет начало р. Ынырга) священной и приносят ей жертвы. „В старину, когда приходили войной монголы, — рассказывали татары миссионеру Чевалкову, — богом нашим была вот эта гора со скалой, и мы теперь каждое лето приносим ей жертвы. И теперь она со своими растущими на ней орехами дает нам хлеб и подати... Когда монгольское войско преследовало народ наш, и он, взойдя на эту гору, принес ей жертву, то она стала непроходимым и, как ночь, черным лесом...»¹².

По всей вероятности, в оронимах следует учитывать и этнографическую сторону вопроса — существование в представлении алтайцев, давших имена, нечистых (*кара туу*) и чистых (*ак туу*) горных духов¹³, иначе трудно было бы искать мотивирующую основу у такого наименования, как Кара-Кайа: «На северо-восток и север тянулся высокий гор-

⁹ Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974, стр. 200, 217.

¹⁰ В. И. Верещагин. По восточному Алтаю. Дневник путешествия в 1905 г. — «Алтайский сборник», Барнаул, 1907, стр. 43.

¹¹ Там же, стр. 12.

¹² В. И. Верещагин. Поездка по Алтаю летом 1908 г. Путевые заметки. — «Алтайский сборник», т. 10, Барнаул, 1910, стр. 15.

¹³ Ф. Сатлаев. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX — первой четверти XX века). Горно-Алтайск, 1974, стр. 155.

ный хребет Шапшал, на северо-западе белели Чолушманские горы, на юге Саймагом, покрывшийся уже снегом, и наконец на юго-востоке ослепительно сверкала Кара-кая, покрытая вечным снегом»¹⁴.

В ряде топонимов, второй частью основ которых являются названия деревьев, кустарников (*мõш* 'кедр', *тыт* 'лиственница', *чагал* 'низкий кустарник', *чет* 'поросль' и т. д.), *кара* приобретает несколько вторичных значений: «чистый (без примеси)», «густой, с густой кроной». В некоторых топонимах *кара* сохраняет свое апеллятивное значение, например: р. Каракуш 'глухарь', лог Кара-Бука 'черный бык', лог Кара-Малы 'крупного рогатого скота', лог Кара-Тобрак 'чернозем', р. Кара-Торбок 'черный бычок' и др. Топонимия Горного Алтая фиксирует и производные от *кара*: р. Караджа (п. п. Катунь, п. п. Чолушмана), ур. Карамтык (н. п. Ело), ур. Карас-Тайга (верховье Уйменя), р. Карачкы (н. п. Кудаты), обладающие дополнительными оттенками.

В научной литературе неоднократно ставился вопрос о нецветовой сущности *кара* и *ак* в географической терминологии и топонимии. Так, например, Р. Юзбашев указывал на то, что азерб. *аг* 'белый' и *гара* 'черный' в названиях ветров означают страны света: восток и запад¹⁵. А. В. Суперанская, посвятив этому вопросу специальную статью, отмечала, что «собственно цветное объяснение справедливо далеко не во всех случаях. Черная Тиса отнюдь не черна, во всяком случае не чернее реки Латорицы или Ужа, как не бела и Белая Тиса, и, очевидно, столь же мало связаны с цветом и остальные подобные названия. Поэтому возникает вопрос, не связаны ли цветные названия с какими-либо другими показателями»¹⁶. И далее: «Черные и Белые реки часто текут в широтном направлении и значительно реже с с-з на ю-в или с ю-з на с-в... Термины *черная* и *белая* не могут всегда обозначать правые или левые притоки, потому что многие черные реки впадают в моря и озера. Белых рек, впадающих в моря и озера, нам не встретилось. Термины *черная* и *белая* не могут всегда относиться к притокам, впадающим в основное русло выше или ниже по течению, так как в одних случаях река Черная впадает в основное русло ниже Белой, а в других — наоборот» (там же, стр. 126). А. Н. Кононов в упоминавшейся выше статье «Семантика цветообозначений в тюркских языках» отмечает, наряду со многими другими значениями *кара*, что «тюрки, как и многие другие народы, для обозначения стран света пользовались цветовой геосимволикой. Словом *кара* тюрки обозначали север, темное небо которого с яркой Полярной звездой (Темир *қазық*) служило основой для ориентации на местности и для обозначения всего главного, великого, большого [Л. Будагов, II, 53], а потому это слово служило титулом: *Қара хақан* — т. е. великий хақан — и обозначением главной ставки хана: *Қара орду*, *Қара қум* — 'северная стоянка'...» (стр. 165). А. Н. Кононов приводит множество весьма убедительных и интересных фактов для доказательства одного из значений *кара* — «северный».

Что же в этом аспекте показывает топонимия Горного Алтая? Подсчет того, сколько правых и левых притоков обозначается *кара* и *ак*,

¹⁴ А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Русского географического общества. — «Записки Русского географического общества по общей географии», 1888. Т. II, стр. 236.

¹⁵ Р. Юзбашев. Азербайджанская географическая терминология. Баку, 1966, стр. 140. См. также примеры азербайджанских топонимов, где *аг* и *гара* обозначают *белый* и *черный* соответственно: А. А. Ахундов. Тюркская топонимия Азербайджана. — «Ономастика Кавказа», Орджоникидзе, 1980, стр. 103.

¹⁶ А. В. Суперанская. Терминологичны ли цветные названия рек? — «Местные географические термины», М., 1970, стр. 122.

не приводит ни к каким выводам. Картографирование топонимов Горно-Алтайской автономной области, включающих *кара* и *ак*, показывает их почти равномерное распределение по всей изучаемой территории с незначительным преобладанием *ак* в Шебалинском и *кара* в Улаганском районах, что не позволяет говорить об иных, кроме перечисленных, топонимических значениях данных прилагательных. Территориальное распределение некоторых объектов, имеющих *кара*, *ак* в своем составе, таково: р. Алтыгы-Кара-Тыт, п. п. Шавлы (п. Чолушмана) — такая же приблизительно по величине р. Устиги-Кара-Тыт, тоже п. п. Шавлы, расположена выше первой по течению — р. Кара-Тыт приблизительно такая же по величине, как первые две, но является л. п. Шавлы ниже по течению; р. Ак-Өзö, л. п. Башкауса — р. Кара-Өзö, л. п. Башкауса, расположена ниже первой; р. Кара-Кокша течет в меридиальном направлении — р. Сары-Кокша течет с юго-запада и запада на восток и впадает в Кара-Кокшу слева; р. Белый Ануй (алт. Ак-Жалаңай), п. п. Ануя, скорее его исток, течет с юго-востока на северо-запад, здесь расположен н. п. Белый Ануй — р. Черный Ануй (алт. Кара-Жалаңай), л. п. Ануя, течет с юго-запада на северо-восток, впадает в реку далеко на северо-западе от Белого Ануя, но между ними, близко к Ак-Жалаңай, есть р. Кара-Коол, л. п. Ануя; н. п. Черный Ануй расположен на северо-запад от н. п. Белый Ануй.

Известно также, что для обозначения различных цветов употребляется ряд существительных, денотативное содержание которых указывает на характерный естественный пигмент¹⁷. Переносится ли это в топонимию — сказать трудно, но зато здесь представлены как прилагательные, так и существительные, обозначающие ослабленную или усиленную черную окрашенность естественных реалий: *караджа* 'черноватый', *карамтык* 'темноватый, черноватый; непроходимое, заросшее место, девственный лес; место, представляющееся издали черным', *карас* 'чернота; черный', *карачкы* 'мрачный, темный'.

Прилагательное *кара* участвует также в образовании личных имен алтайцев: Кара ('черная, черный'), Карабала ('темный ребенок'), Карабаш ('черноголовая, черноголовый'), Каракыс ('черная девушка'), Карамандай ('черный лоб'). Основное значение *кара* в антропонимах — смуглый, черноволосый, кареглазый.

Кара нередко отмечается в эпических и исторических именах людей и их эпитетах у всех тюрков Южной Сибири: Кара-Каан — богатырь, отец девицы Алтын-Арыг, его эпитет — *кара аттыг* 'имеющий вороного коня'¹⁸; Кара-Кула-Маатыр ('черносаврасый богатырь, богатырь-лев') — имя богатыря; Кара-Моос — имя богатыря, его эпитет — *ай кара аттыг* 'имеющий чернолунного коня'; Жер-Кара — имя подземного обитателя, зятя семи ведм, его эпитет — *жер айназы* 'земной, подземный черт'¹⁹ и многие другие, где чаще отмечаются значения 'главный, великий, могучий, сильный', указанные А. Н. Кононовым. В алтайском героическом эпосе «Маадай-Кара»²⁰ анализируемое прилагательное встречается неоднократно в сочетаниях *кара тайга* 'черная гора' (стр. 87), *кара кал-*

¹⁷ Е. Ф. Васильева. Названия цвета в чувашском языке. — «Диалекты и топонимия Поволжья». Чебоксары, 1980, стр. 148, 153, 160.

¹⁸ Н. Ф. Катанов. Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым. СПб., 1888, стр. 9, 17.

¹⁹ Там же, стр. 23; О. В. Субракова. Синтаксические функции имен прилагательных в языке хакасского героического эпоса. — «Ученые записки Хакасского НИИИЯЛ», вып. 20, серия филологическая, № 3, 1976, стр. 183.

²⁰ «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос», М., 1973.

тар јакшы атту 'темно-гнедого драгоценного коня имеющий' (стр. 71), *Кара-Кула* — имя (стр. 102), *кара мјркјүт* 'черный беркут' (стр. 69), *кара тайгыл* 'черная собака' (стр. 69), *кара көс* 'черные глаза' (стр. 70) и т. п., в которых реализуется одно из отмеченных выше значений *кара*, а также, вероятно, дополнительные — злой, недобрый, враждебный (сам Кара-Кула, его черный народ, черные горы). Небезынтересно то, что «прилагательное *черный* в древних памятниках русского языка используется и как *белый* в христианской символике, где *черный* значит, в противоположность *белому*, „принадлежащий темным силам“, „причастный к сонмищу бесов“»²¹.

Сложнее обстоит с этнонимами. Указанное прилагательное является частью многих алтайских названий родов: *кара-алмат*, *кара-јагырык*, *кара-јарык*, *кара-иркит*, *кара-майман*, *кара-мундус*, *кара-сойоң*, *кара-тогус*, *кара-тодош*, *кара-тумат*, *кара-чагат*. Видимо, все они требуют особого рассмотрения, сравнения с другими тюркскими родовыми названиями, особенно сибирскими, поэтому решить вопрос о значении *кара* во всех алтайских этнонимах преждевременно. Уместно вспомнить обзор этнографической деятельности Г. И. Спасского и А. М. Горохова, сделанный А. Д. Сергеевым, в котором последний пишет: «...Г. И. Спасский отвергает предположение ученых XVIII в. о том, что название белые калмыки (телеуты) и черные калмыки (телесы) происходит от цвета их лица или от места жизни одних у снежных гор. Г. И. Спасский считает, что разные названия алтайских племен происходят от „преимущественной верности России одних перед другими“. Иначе говоря, он подчеркивает историчность названия „белые — черные“ от русских: „В сибирских старинных письменных делах телеуты известны под именем белых калмыков, а телесы под именем черных“. Ученый прав. Название „белые — черные“ были даны русскими источниками для отличия алтайских племен, которые давно имеют сношения с Россией (телеуты), от других алтайских племен, находившихся тогда в составе джунгарских ханов»²².

БАРААН. Прилагательное *бараан* отмечено нами в следующих топонимах Горно-Алтайской автономной области: р. Бараан-Коол (н. п. Узнезя), н. п. Бараан-Коол (Майминский р-н), н. п. Бараан-Коол (Шебалинский р-н), лог Бараан-Суу (н. п. Малая Черга), руч. Бараан-Туу (н. п. Барагаш), лог Бараан-Јул (н. п. Верхняя Мута), руч. Бараан-Чаакту (н. п. Ябаган), кл. Бараан-Чоку (н. п. Кырлык), р. Бараан-Чоку (н. п. Тулайты), р. Бараанчы (п. п. Песчаной). Словари чрезвычайно скупо толкуют анализируемое слово: алт. *бараан* '1) темный цвет, 2) вид предмета на взгляд'; *кара-бараан* 'черноватый'; *бараан-чырайлу* 'со смуглым лицом'; тув. *бараан* '1) очертания, контуры, силуэт, 2) фигура (отдаленная)'; *бараан чок* 'далекий, невидимый'; *даглар барааны* 'очертания гор'; кирг. *бараан* 'силуэт, контуры предмета; очертания виднеющегося вдали предмета'; монг. *бараан* 'темного цвета, темный'; ба-

²¹ Н. Б. Бахилина. История цветообозначений в русском языке. М., 1975, стр. 29.

²² А. Д. Сергеев. Г. И. Спасский и А. М. Горохов — этнографы алтайцев. — «Известия Алтайского отделения Географического общества СССР», вып. 9. Барнаул, 1969, стр. 112. М. И. Боргойков это утверждение считает неверным, так как хакаские роды *ах чыс* и *кара чыс* (<йыш 'чернь') одновременно входили в состав России, то же относился к *ак ногой* и *кара ногой* (Северный Кавказ) и к *ак сөөк* и *кара сөөк* у киргизов. По-видимому, в основе все-таки была естественная пигментация людей. Недаром из записей С. П. Швецова, описывающего случаи захвата земель в Горном Алтае, явствует, что н. п. Белый Ануй назван так потому, что основное его население составляли русские, а население Черного Ануя — алтайцы: С. П. Швецов. Переселенческие поселки, образованные в 1878 г. — «Горный Алтай и его население», вып. 1. Барнаул, 1900, т. III, стр. 43.

раан царайтай 'смуглый'; бараа 'очертание, силуэт; видимость'; газар бараантах 'проталина'; бараан үс 'темные волосы'; бараан хувцас 'темное платье'; калм. баран '1) очертание, силуэт, 2) видимость'; холын баран 'очертание далекого предмета'; эрэ барта 'чуть заметный силуэт'; баран иктэ 'больших очертаний; объемный, крупный'; баран (табу) 'черный, темный, смуглый'; баран чирэ 'смуглое лицо'; бур. бараа(н) '1) темный, темного цвета'; хара бараан харанхы 'густая темнота', 2) видимый вдали предмет, силуэт, контуры, очертания'; п.-монг. бараа(н) '1) очертание, силуэт, 2) внешний вид, облик'; др.-тюрк. *bariq* 'неясный силуэт, нечетко видимый предмет'; нанайск. *бәр* '1) внешний вид (человека), 2) цвет (лица)'.

Бараан не отмечено нами ни в личных именах, ни в этнонимах алтайцев. Участие прилагательного в топонимии тюрко-монгольского мира весьма незначительно. Кроме алтайских, а также казахского топонима (оз. Баранколь), бараан не содержится в географических названиях средневековых монгольских карт, а также в топонимии других тюркских народов Сибири. В алтайских топонимах цветовая сущность прилагательного поддерживается, во-первых, наличием формы бараанчы 'темноватый', во-вторых, вхождением его в водные названия с географическими номенами *юл, коол, суу*.

Видимо, в дальнейшем следует уточнить связи боро, бараан, а также буурыл и чрезвычайно широко представленных в монгольских и сибирских тюркских языках основ на *буу-/бур-*: монг. *бүрхий* 'темный, сумрачный', *бүрхэг* 'пасмурный, облачный', *бүрэнхий* 'сумерки', *бүрэнхий болох* 'смеркаться'; калм. *бүркэдх* '1) быть неотчетливым; темнеть, 2) смеркаться, 3) быть покрытым тучами, 4) быть укрытым', *бүрң* '1) темный, мрачный, 2) смутно различимый', *бүрңкэ* '1) темный, 2) неотчетливый, неясный'; бур. *бүрүүл, бүрэнхы*; тув. *бүргег* 'ненастье, пасмурная погода'; хак. *пүрүңкi* 'сумрачный'; алт. *бүрүңкий* 'сумерки, потемки'²³.

КАРАҢУЙ. Прилагательное отмечено в небольшом количестве алтайских топонимов, например: оз. Карануй-Көл (н. п. Кастахта), р. Карануй-Ойык (л. п. Кубадры), лог Карануй-Ойык (н. п. Улаган). Известно, что в др.-тюрк. *qaraŋqi* означало '1) темный, лишенный света; черный, 2) темнота, тьма, мрак, 3) перен. темный, неблагоприятный, подозрительный'; *qaraŋqi qararŋ* 'тьма, мрак'; *qaraŋqi tünärig* 'темный, лишенный света; мрачный'²⁴; *qaraŋki tün* 'темная ночь', *qaraŋkuda erdim* 'я был во тьме'²⁵. В алтайском караңуй встречается в следующих сочетаниях: караңуй комната 'темная комната'; караңуй тјн 'мрачная ночь'; эш неме көрјнбес караңуй 'непроглядная тьма', но угрюмый мрачный лес — бүрјңкий агаи; караңуйлаган 'стемнело'. В «Маадай-Кара» зафиксировано только одно сочетание: караңуй тјн 'темная ночь' (стр. 112, 113). В киргизском можно встретить караңгы бөлмө 'темная комната'; якутск. хараңа түүн 'темная ночь'; далай хараңа 'темный как водная глубь'; ыас хараңа 'темный как смоль' и др.; хак. харасхы хараа 'темная ночь'; тув. караңгы дүн 'темная ночь'; караңгы арга 'дремучий лес'.

В монгольских языках данное прилагательное образует ряд сочетаний: монг. харанхуй ой 'дремучий лес'; харанхуй тасалгаа 'темная комната'; харанхуй шөнө 'темная ночь'; харанхуйлан бүрхсэн тэнгэр

²³ См. также примеры в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков», Л., 1975, стр. 96 и у А. J. Joki. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952, стр. 97, 112.

²⁴ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 424, 425.

²⁵ G. Clauson. Указ. раб., стр. 662.

‘мрачное небо’; калм. *харгдишо харңһу* ‘непроглядная тьма’; *харңһу сө* ‘темная ночь’; *харңһу хора* ‘темная комната’ и многие др.; бур. *харанхы һүни* ‘темная ночь’; *харанхы таһалга* ‘темная комната’ и др. По-видимому, в монгольских языках анализируемое прилагательное более продуктивно, образует большее, чем в тюркских языках, количество словосочетаний.

Караңуу не зафиксировано ни в алтайских этнонимах, ни в личных именах. Употребление слова в топонимии Киргизии тоже ограничено: *Караңгы-Токой*; в доступных нам материалах по казахской, тувинской, хакасской, шорской топонимии указанное прилагательное не зафиксировано. На средневековых монгольских картах встречается всего два топонима с анализируемым компонентом: *Qarangqui bulaγ*, *Qarangqui yool* (оба водные объекты).

Таким образом, *караңуу* — ‘темный, мрачный’ — ограничено в своем употреблении в составе географических названий всех тюрко-монгольских языков.

Итак, семантическое поле «темный цвет» в топонимии Горно-Алтайской автономной области конструируется семантическими отличительными признаками, полученными при сравнении трех лексем (*кара*, *бараан*, *караңуу*), значения которых могут быть противопоставлены по одному или нескольким признакам. Так, *кара* и *бараан* имеют между собой один отличительный признак — «с отдаленной перспективой, видимый вдаль, удаленный, неясно очерченный», что выделяет *бараан*, а наличие общего семантического признака «лишенный света, со слабым светом; по цвету близкий к темному» вводит его в одно семантическое поле с *кара* и делает синонимом последнего. Отличительный семантический признак *караңуу* ‘со сгущенной темнотой, дремучестью, непроглядностью’ отграничивает прилагательное от *кара* и *бараан*, а общий семантический признак «лишенный света, погруженный во мрак, тьму» вводит *караңуу* в семантическое поле «темный цвет» и делает синонимом *кара* и *бараан*. Ядерный инвентарь семантических отличительных признаков — у лексемы *кара*, так как по уровню абстракции данное прилагательное выше других, а потому обладает почти неограниченной сочетаемостью как в апеллятивной лексике, так и в топонимической, манифестируя огромную массу открытых возможностей.

Семантическое поле «белый цвет». АК. Прилагательное *ак* в алтайском, подобно *кара*, перегружено информацией, так как используется в языке не только как цветообозначение. Лексема *ак* имеет следующие значения: 1) цвет снега, молока, мела, 2) светлый, приближающийся к цвету снега, молока, мела — *агылтырым* ‘беловатый’, *аксыман* ‘белесый’, *кардыйак*, *апагаш* ‘белоснежный’, *агарган* ‘побелел, поседел’, *аксур* ‘серебристый’, *ак-буурыл* ‘белокурый’, *ак јүстү/ак-чырайлу* ‘белолицый’, 3) чистый (невинный) — *акту* ‘невинность’, 4) чистый (честный) — *ак-санаалу* ‘чистосердечный, честный’, *ак-чек* ‘честный’, *акту јүректен* ‘от чистого сердца’, *ак-чек сүјүр* ‘честолюбивый’, *акту сөзим* ‘честное слово’, *актаган* ‘оправдали’, 5) чистый (священный) — *агары* ‘священный’, 6) добродушный — *ак сагышту*, 7) чистый (незанятый, безлесный, привольный) — *ак јер* ‘луг, безлесье, приволье’, *ак јалаң јер* ‘лужайка’, *ак јалаң* ‘чистое поле’, *ак* ‘поляна, чистое поле’, *актың* ‘полевой’, 8) как составная часть некоторых зоологических и ботанических названий — *ак киик* ‘олень’, *ак койон* ‘заяц-беляк’, *ак баш* ‘одуванчик’, *ак өлөң* ‘пырей’, *ак терек* ‘серебристый тополь’, 9) течь (о реке, жидкости) — *ак*.

Остановимся на именах, содержащих в своем составе *ак*, которое, как и *кара*, соотносится практически со всеми географическими реалия-

ми изучаемой территории. Односоставных названий нами не зарегистрировано, топонимы с *ак*, как правило, образованы посредством соположения указанного прилагательного с последующим существительным. Учитывая разный характер соотносимых с *ак* объектов, следует сперва уточнить его гидронимическое значение, как белый, молочно-белый, мутно-белый, грязно-белый, ледниковый; текущий, проточный (см. указанные работы А. Н. Кононова). Географы свидетельствуют, что «белыми» в основном являются на Алтае реки, отличающиеся летом половодьем на высотах свыше 2500 м. Таковыми являются следующие объекты: реки Ак-Айры, Ак-Булак, Ак-Кем, Ак-Коол, Ак-Суу, Ак-Суугаш, озера Ак-Кӧл и др.; вот, как описана одна из таких рек: «На левом берегу Чуи высится величественный хребет, покрытый вечными снегами, Ак-Туру, откуда ползут до сих пор неисследованные ледники, питающие реку Ак-Туру, несущую свои грязно-белые воды в Чую»²⁶. *Ак+суу* на Алтае, в отличие от *кара+суу*, не стало географическим номеном. По наблюдениям Г. К. Конкашпаева, *аксу* в Казахстане — «река, питающаяся снеговыми или ледниковыми водами. В том же значении термин употребляется киргизами; у узбеков и азербайджанцев *аксу* — пресная вода. По свидетельству профессора Маллицкого Н. Г., термином *аксу* в Узбекистане обозначается вода в реках ледникового питания, независимо от цвета. Термин часто употребляется как собственное название реки: Кур-Аксу, Улькун-Аксу и др.»²⁷.

По отношению к орообъектам *ак* имеет значение «белый; снежный; высокогорный белок; голый, лишенный растительности, леса (в противоположность *кара*)»²⁸; чистый». Таковы горы Ак-Берт, скалы Ак-Боом, пер. Ак-Боочы, г. Ак-Кажат, скалы Ак-Кайа, лога Ак-Кобы, г. Ак-Мандай, г. Ак-Меес-Бажы, ур. Ак-Сас, горы Ак-Таш, возвышения Ак-Тӧн, горы Ак-Туу и др. Приведем описание одного из объектов: «У устья Чорлока высятся беловатые скалы Устиги-Ак-Боом, сложенного, подобно Алтыгы-Ак-Боом, из известняков»²⁹. Интересно описание реки Чеган, сделанное Бунге, который отметил изменение ее цвета от белого в верховьях (горная часть) до коричневого в низовье (степная часть)³⁰. Весьма показательное определение слова *белок* Г. Н. Потаниным: «Направление предела черни на Алтае трудно обозначить урочищами, потому что среди области, покрытой лесами, иногда возвышаются такие отдельные сопки, которые переходят за предел лесной растительности; такие возвышения называются на Алтае белками. Некоторые придают этому названию значение снежных гор, но в Алтае, между Бийском и Усть-Каменогорском, это определение не будет точным. Я видел много гор,

²⁶ В. И. Верещагин. От Барнаула до Монголии (путевые заметки натуралиста). — «Естествознание и география», 6, М., 1909, стр. 24.

²⁷ Г. К. Конкашпаев. Казахские народные географические термины. — «Известия АН Казахской ССР», вып. 99, серия географическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951, стр. 6.

²⁸ Весьма любопытно сопоставление с языками других семей. Так, К. Камерон отмечает, что в английской топонимии *black* и *white* могут относиться к цвету, как в Black Notley и White Notley, где, вероятно, подразумевается контраст между различными типами почвы, в то время как в Black Torrington имеется в виду река с черноватым цветом. В именах White Roding и White Staunton *white* 'белый' описывает церковь или какое-то другое выдающееся строение. Французское *blanc* отмечается в английском топониме Aston Blank, что, возможно, значит «голый Астон» из-за отсутствия растительности. Древнеанглийское *gylden* 'золотой' в Guilden Modern, Guilden Sutton может указывать на особенно плодородную землю (К. Cameron. English Place-Names. London; Beccles, 1961, стр. 101).

²⁹ В. И. Верещагин. От Барнаула до Монголии, стр. 24.

³⁰ К. Риттер. Землеведение Азии. Алтай и Саянский хребет. СПб., 1860, т. 3, стр. 366.

которым было присвоено название белков, хотя они далеко не достигали снежной линии; в долине Чарыша белок Плешиная гора, Абинский белок и Куминский белок едва поднимаются из лесной области. Поэтому белками здесь называются все те горы, высота которых простирается за предел произрастания деревьев; такое название они получили оттого, что зимой вершины их, покрытые снегом, отличаются белизной от черных, хвойных скатов. Притом на эти вершины снег падает раньше, и потому они белеются уже тогда, когда в долинах еще цветут последние цветы»³¹.

Прилагательное *ак* участвует в образовании личных имен алтайцев, но в гораздо меньшей степени, чем *кара*: мужское имя Акчач (беловолосый). Встречается *ак* также в эпических и исторических именах людей у всех тюрков Южной Сибири: Ак-Каан — имя одного семидесятилетнего богатыря; Ак-Каан — белый, то есть русский царь³², Ак-Көбүк (белая пена) — имя богатыря; Ак-Молат (белая сталь) — один из двух братьев-богатырей, живших за тридцатью небесами; Ак-Ай (светлая луна) — имя богатыря, его эпитет — *ак ой аттыг* 'имеющий бело-голубого коня' и др. Во всех этих именах *ак* имеет не только значение масти и цвета, но и дополнительные оттенки — честный, прекрасный, великолепный, величественный. Сам Алтай тоже наделен эпитетом *ак*. Н. И. Филиппова пронаблюдала, что имя высшего божества, создателя и покровителя добрых сил, в олонхо и улигерах наделено эпитетом «белый», а эпитет «черный» в якутском олонхо особенно часто употребляется в именах врагов³³.

В «Маадай-Кара» *ак* отмечается в сочетаниях *ак чырайлу* 'светлоликие' (стр. 67)³⁴, *ак талайлу* 'белую реку имеющий' (стр. 68), *ак тумандый ак тар малдың* 'белый скот подобный белому туману' (стр. 71), *ак жалаң* 'широкий луг' (стр. 99) и т. д. и тоже приобретает дополнительное значение — добрый, олицетворяя доброе начало всего, что связано с самим Маадай-Кара.

Для древнерусских цветообозначений Н. Б. Бахилина отмечает: «Говоря о широкой употребительности прилагательного *белый* в древних памятниках, нельзя не отметить, что она в значительной степени обусловлена использованием этого слова в древней христианской символике, где белый цвет — символ причастности к ангельскому чину, лику блаженных, святых и пр. Недаром наиболее частым сочетанием в памятниках религиозно-учительных, религиозно-ритуальных является *белые ризы*»³⁵.

О сакральном характере белого цвета у алтайцев, как, вероятно, и у всех тюрков, свидетельствуют несколько фактов: жертвоприношение, например, небу делалось ягнятами белой масти; мужчины, отправляясь на моление, прикрепляли к головным уборам две ленты, одна из которых

³¹ Г. Н. Потанин. Полгода в Алтае. — «Русское слово», 1895, № 9, стр. 65.

³² «По преданию киргизы платили подать алтайскому хану Коңдайы, но когда впервые выросла в их стране „белая береза“, они перестали платить ему дань и стали ее платить русскому царю» (см.: Н. Ф. Катанов. Указ. раб., стр. 6—7). Замечание М. И. Боргойкова: Ак-Каан является оппозицией к Кара-Каан; в хакасском эпосе нередко встречается имя Ахаан апсах ('старик Аххан'). Связь Ак-Каан с русским царем — более поздняя.

³³ Н. И. Филиппова. Собственные имена персонажей якутского олонхо и бурятского улигера. — «Вопросы языка и литературы народов Сибири», Новосибирск, 1974, стр. 152, 153.

³⁴ В алтайском эпосе светлоликими изображаются жители земли; жители подземного мира — черноликие.

³⁵ Н. Б. Бахилина. Указ. раб., стр. 26.

была белая³⁶. Алтайские дьалама на перевалах не могут быть черного цвета, они светлых тонов, чаще белые; покровители домашнего очага (ленточки, шкура ягненка, зайца и т. п.) тоже белые, как и посвященная духу очага белая лошадь на белом войлоке³⁷.

В составе алтайских родовых названий *ак* употребляется крайне редко: *ак көбөк*, *ак тумат*.

Выше отмечалось, что ряд исследователей указывали на использование тюрками слова *ак* для обозначения запада. Топонимия Алтая не подтвердила этого. Чрезвычайно интересно также сравнение со славянскими территориями, где процент «цветовых» прилагательных в составе топонимов невелик, и прилагательные *черный* и *белый* часто обозначают соответственно «северный» и «западный». В славянском мире, по мнению О. Н. Трубачева, «название белые хорваты не случайный эпитет, цветовая символика в этнонимии тесно связана с символическими обозначениями стран света... Белых городов, действительно, больше всего на древнем славянском западе и смежных землях, ср. серб.-хорв. Белград... Остатком такой географической номинации можно считать Белую Русь, собственно „Западная Русь”»³⁸.

В семантическое поле «белый цвет» мы посчитали возможным включить только одно прилагательное *ак*, ибо его синонимы *куба*, *куу* в топонимии приближены к семантическому полю «желтый цвет», с *ак* они сближаются не по линии цвета, а по линии одного или двух общих признаков нецветовой сущности. Парадигматические противопоставления по сходству обнаруживаются у *ак* с *сары*, *куба*, *карлу*, *тайгалу*, *бош*, *ару*, *кара*, по различию с *кара*, *карануй*, *ару*, *аркалу*, *агашту*, *аралашкан*, *сары*, что заложено в самой природе прилагательного, его полисемантизме.

Сравнение топонимических образований с *ак* и *кара* раскрывает следующую картину:

1) топонимов, включающих компонент *кара*, в два раза больше, нежели включающих *ак*;

2) с *ак* нет одноосновных топонимических образований, а с *кара* есть, хотя в алтайском отмечается *ак* 'поле': *бу акты үзе чаптыс* 'мы скосили все это поле';

3) *ак*, в отличие от *кара*, не встречается со следующими географическими номенами: *арка*, *бел*, *ярык* (хотя в алтайском языке существует форма *ак ярык* 'свет, мироздание'), *jul*, *куjur*, а также с *тыл* 'лиственница';

4) *кара*, в отличие от *ак*, не встречается с такими географическими номенами, как *меес*, *сай*, *тала*;

5) *ак* и *кара* почти одинаково употребительны со следующими географическими номенами: *кайа*, *кем*, *коол*, *көл*, но вместе с тем существует множество противопоставлений *ак* ~ *кара*: Ак-Айры/Кара-Айры, Ак-Боом/Кара-Боом, Ак-Булак/Кара-Булак, Ак-Жол/Кара-Жол, Ак-Кайа/Кара-Кайа, Ак-Кан/Кара-Кан, Ак-Кат/Кара-Кат, Ак-Кем/Кара-Кем, Ак-Кобы/Кара-Кобы, Ак-Коол/Кара-Коол, Ак-Корум/Кара-Корум, Ак-Көл/Кара-Көл, Ак-Мөштөр/Кара-Мөш, Ак-Ой/Кара-Ой, Ак-

³⁶ Л. П. Потапов. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов. — «Этнография народов Алтая и Западной Сибири». Новосибирск, 1978, стр. 55.

³⁷ Л. Чанчибаева. О современных религиозных пережитках у алтайцев. — «Этнография народов Алтая и Западной Сибири». Новосибирск, 1978, стр. 92, 100.

³⁸ О. Н. Трубачев. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — «Вопросы языкознания», 1974, № 6, стр. 51.

Ойык/Кара-Ойык, Ак-Өзб/Кара-Өзбк, Ак-Саңыскан/Кара-Саңыскан, Ак-Сас/Кара-Сас, Ак-Сугат/Кара-Сугат, Ак-Суу/Кара-Суу, Ак-Тайга/Кара-Тайга, Ак-Таш/Кара-Таш, Ак-Тобрак/Кара-Тобрак, Ак-Төбб/Кара-Төбб, Ак-Туру/Кара-Турук, Ак-Туу/Кара-Туу, Ак-Узүк/Кара-Узүк;

6) *ак* с географическим номеном *айры* (*ак+айры*) встречается в три раза чаще подобных образований с *кара* (*кара+айры*); логов Ак-Кобы на Алтае в семь раз больше, чем Кара-Кобы; сочетаний *ак+сас* в три раза больше, чем *кара+сас*; сочетания *ак+ой* многочисленны, *кара+ой* отмечено лишь раз; употребление *кара* с *тайга* ограничено, в то время как с *ак* — немного чаще; и, наоборот, сочетание *ак+туу* отмечается чаще, чем *кара+туу*;

7) в нашей картотеке зарегистрировано только одно наименование Ак-Корум (гора) и более пяти Кара-Корум (горы); *кара+ойык* встречается чаще, чем *ак+ойык*; образований *кара+суу* в тридцать раз больше, чем *ак+суу*; образование *кара+таш* встречается несколько чаще *ак+таш*;

8) при калькировании русскими части алтайских топонимов «черный» цвет тоже преобладает: р. Черная (н. п. Абай), р. Черная (п. п. Семы), лог Черная дорога (н. п. Владимировка), н. п. Черная речка (Усть-Коксинский р-н), р. Черная речка (Усть-Коксинский р-н), лог Черная речка (н. п. Кумалыр), руч. Черная речка (н. п. Талица), р. Черневая (л. п. Каир-Кумана), р. Черновая (п. п. Песчаной) и другие, а также кл. Белый (л. п. Б. Булухты), р. Белый Ключ (н. п. Шаргайта), руч. Белый Ключ (н. п. Верхний Белый Ануй), р. Белая (п. Чарыша) и др.

Видимо, известный интерес представит результат сравнения пары *ак~кара* с топонимическими материалами других тюркских языков. Так, «Словарь географических названий Киргизии (проект)» в алфавитном списке имен помещает 81 наименование, имеющее в своем составе *ак*, и 131 имя — с *кара*³⁹.

В хакасской топонимии, по нашим записям и работам М. А. Жевлова, 22 топонима включают *ак*, а 103 — *кара*.

Подсчеты шорских примеров сделаны нами по диссертации А. А. Бонюхова, где 38 единиц содержат в составе *ак* и 78 — *кара*.

Тувинская топонимия предоставляет следующее соотношение *ак* и *кара*: топонимов с *ак* — 114, с *кара* — 200.

Топонимия тюркского мира показывает, во-первых, явное преобладание *кара* над *ак*, во-вторых, наличие значительного числа общих топонимов с *ак* и *кара* в тюркских языках юга Сибири, а также в киргизском.

Сравнение с монгольской топонимией, проведенное по книге М. Хальтода⁴⁰, показывает следующее соотношение *ᠰауан* и *qara* в географических именах средневековых монгольских карт: топонимов с *ᠰауан* — 437, с *qara* — 305. Объяснение преобладанию «белого» цвета над «черным» на территории Монголии, по сравнению с тюркскими топонимами Южной Сибири, мы видим пока лишь в географических особенностях каждого региона, в частности лесистости Сибири.

Карто-схема размещения тюркских топонимов Горного Алтая с компонентами *кара*, *ак*, *сары*, *кызыл*, *көк* показывает равномерное распределение *кара* и *ак* по всей территории с небольшим преобладанием *ак* в Шебалинском и *кара* в Улаганском районах. *Сары* фиксируется в то-

³⁹ Д. И. Исаев, Ш. Т. Токомбаев, З. А. Алиев, С. М. Мурзахметов. Словарь географических названий Киргизии (проект). Фрунзе, 1962.

⁴⁰ M. Hattod. Mongolische Ortsnamen. Wiesbaden, 1966.

понимах тоже по всей территории, за исключением крайнего юга, юго-запада и центральной части. *Кызыл* отмечается везде, хотя и разреженно. Для *кõк* характерна большая разбросанность с основным сосредоточением на юге Горного Алтая. Если говорить об общем распределении «цветовых» прилагательных, то ими особенно богата южная часть Горного Алтая.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

С. АКАБИРОВ

О ТОЛКОВАНИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ РУССКО-НАЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ

Вопрос о толковании значений слов в двуязычных словарях относят обычно к области терминологии, так как по традиции принято считать, что лексика языка-оригинала передается в них посредством прямых переводов. На неприемлемость подобного подхода к составлению фундаментальных двуязычных словарей, не ограничивающихся только переводом лексики, впервые обратил внимание виднейший лингвист и лексикограф Л. В. Щерба, высказавшийся за то, чтобы двуязычные словари были одновременно толковыми. Хотя эта идея и реализуется в той или иной мере во всех современных русско-национальных словарях, толкования слов продолжают все же ограничиваться рамками терминологии.

Широкий круг проблем, связанных с определением терминов в словарях различных типов, обсуждался на Всесоюзном терминологическом совещании, созванном по решению президиума Академии наук СССР в Ленинграде в 1974 году¹. Этот же вопрос в связи с созданием русско-национальных словарей обсуждался также в 1977 году на расширенном заседании редакционно-издательского совета Академии наук СССР при участии лексикографов национальных республик страны.

Участники обсуждения пришли к единому мнению, что проблема толкования слов не может быть решена однозначно для всех русско-национальных словарей. В принятых на этом заседании Рекомендациях отмечалось: «Точно выделить пласты лексики, особенно специальной терминологии, требующей толкования, невозможно: это зависит от функционального типа национального языка, степени развития лексикографической работы и наличия справочных пособий, географического местоположения и т. п.». Таким образом, вопрос о толковании переводов связывается с типом словаря и с тем, какому читателю он адресуется. В тех же Рекомендациях подчеркивалось, что «универсальный словарь, способный удовлетворить все категории читателей, составить нельзя — должны выходить словари разных объемов и типов, рассчитанные на разных адресатов».

Мы, со своей стороны, считаем, что современные русско-национальные словари должны быть словарями массового типа; их адресат — это массовый читатель со средним (по меньшей мере) образованием, в достаточной степени владеющий русским языком и постоянно совершенствующий свои знания в нем. Чем выше уровень знания русского

¹ Материалы этого совещания см. в сб.: «Проблематика определений терминов в словарях разных типов», Л., 1976.

языка у читателя, чем выше достижения национальной лексикографии на его родном языке, тем совершеннее и полнее должен быть русско-национальный словарь.

Что касается специальных учебных словарей, то они, разумеется, должны быть дифференцированными: в зависимости от их типа, назначения и от того, на кого они рассчитаны. Однако фундаментальный словарь массового типа, предназначенный широкому кругу читателей, совершенно необходим для каждого национального языка. Создание такого словаря предполагает наличие специальных учебных словарей или, во всяком случае, широкое развертывание работ в этом направлении.

Сказанное подтверждается большой популярностью нового двухтомного «Русско-узбекского словаря» (Ташкент, 1983—1984), число подписчиков на который превысило 75 тыс. человек самого различного возраста, разной общей и специальной подготовки, отличающихся степенью владения русским языком и т. п.

При редактировании материалов нового «Русско-узбекского словаря» пришлось столкнуться с односторонним, а порой и неверным толкованием многих, казалось бы, общеизвестных слов. Так, например, слово «инсульт» толковалось как *'тутқаноқ'*, что означает по-узбекски «эпилепсия, падучая»; «инсулин» как «лекарство против сахарной болезни»; «описанная окружность» как *'тавсифланган айлана'*, то есть как нечто, описанное словесно; «зеркальный карп» — *'ойнасимон балик'*, то есть «зеркалоподобная рыба»; «намыть плотину» — *'тўғонни оқизиб кетмоқ'*, то есть «смыть плотину»; «намывная плотина» — *'оқиб келиб пайдо бўлган тўсиқ'*, то есть «преграда, образованная наносами» и т. д. Без курьезов не обошлось даже в передаче лингвистических терминов: «инкорпорирующие языки» — это, оказывается, «языки, переходящие друг в друга». Приведенные примеры (число которых можно умножить!) наглядно демонстрируют трудности, с которыми приходится сталкиваться при составлении двуязычных словарей.

Таким образом, в русско-национальных словарях, в которых значительное место отводится общеупотребительным терминам, совершенно необходимо давать их толкования с учетом того, «что и как следует толковать».

Большую трудность, по сравнению с толкованием терминов (как правило, однозначных), в русско-национальных словарях представляет передача значений общеупотребительных слов, которым свойственна многозначность, проявляющаяся в речевой практике.

Эта трудность усугубляется еще и тем, что русский язык богат специфической лексикой, а также производными формами, отсутствующими в национальных языках. Для русско-узбекского словаря это — относительные прилагательные, образуемые в русском языке почти от всех существительных, и которые не всегда можно образовать в узбекском и других тюркских языках; это — также формы субъективной оценки значений, в частности уменьшительные, ласкательные, увеличительные формы существительных, не имеющие, как правило, в узбекском языке словообразовательных соответствий; это — видовые формы глаголов (плавать, плыть, приплывать, приплыть, заплывать, отплывать, заплывать, уплывать, уплыть, наплывать, наплыть, подплывать, подплыть, поплавать, поплыть, расплаваться, расплыться, отплыть, наплаваться), когда передается до двадцати оттенков одного и того же действия²; это —

² См.: З. Н. Люстрова, Л. И. Скворцов. Мир родной речи. М., 1972, стр. 101.

безличных и приставочных глаголы и многие другие, толкование которых представляет исключительную трудность не только в русско-национальных словарях, но нередко даже и в самих толковых словарях русского языка.

И, наконец, в русском языке имеется огромная масса слов, обозначающих специфические русские реалии, не переводящихся на национальные языки. И все же от лексикографов требуется при передаче всех этих категорий лексики в русско-национальных словарях снабжать их необходимыми толкованиями.

В «Толковом словаре русского языка», изданного под редакцией Д. Н. Ушакова, слову «толкование» дается следующее определение: «Толковать — давать чему-н., какое-н. объяснение, так или иначе определить смысл, значение чего-н.».

При составлении филологических толковых и двуязычных словарей А. П. Евгеньева предлагала закрепить за понятием «толкование» раскрытие значений слова, а за понятием «определение» — включение всей суммы сведений, сообщаемых о слове или об отдельных его значениях, то есть грамматические и стилистические характеристики, а также этимологические справки и указания на особенности употребления слова, самое раскрытие его значений³.

В двуязычных словарях основное место в раскрытии значений слова занимают, как известно, прямые (или эквивалентные) переводы, адекватные во всех отношениях переводимому слову. Благодаря этому за ними закрепились название «переводных словарей». Это название совершенно правомерное, например, для двуязычных терминологических словарей, преследующих чисто нормативные цели, не всегда справедливо для двуязычных филологических словарей, в первую очередь русско-национальных, так как последние не могут быть ограничены специально отобранной переводимой лексикой. В этом случае из них выпали бы не только непереводимые слова (безэквивалентная лексика), но и очень многие слова, составляющие специфику русского языка. Такой словарь был бы неполным и, естественно, не отразил бы все богатство русского языка как целостной системы.

Выход за границы переводимой лексики в русско-национальном «переводном» словаре приводит обычно к неоправданному словотворчеству (как, например: «двойник — *башарадош*, *хамффт*», «двойник — *хамюз*, *қиёфадощ*»), либо к переводам синонимами, которые без дополнительных объяснений могут создать у читателя неполное, а иногда и ошибочное представление о переводимом слове, чего очень остерегался Л. В. Щерба, выдвинув в связи с этим идею двуязычного толкового словаря. Выдвигая эту идею, он исходил, как известно, из неадекватности систем понятий любой пары языков. «Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно в контексте выражать все новые и новые понятия, — писал он, — что надо большое искусство, чтобы правильно и точно выражать свою мысль, не вызывая каких-либо кривотолков... Эта многогранность слова особенно ярко выступает при сравнении разных языков друг с другом, так как благодаря различиям исторических условий их развития она в них никогда не совпадает»⁴. Исходя из этого, он рекомендовал прибегать к толкованиям во всех случаях, когда невозможен адекватный перевод в двуязычных словарях, то есть когда семантические границы переводимого слова и его возможных эквивалентов не совпадают. Анализируя конкретные примеры систем понятий

³ А. П. Евгеньева. Определение в толковых словарях. — В сб.: «Проблема толкований слов в филологических словарях», Рига, 1963, стр. 8.

⁴ Л. В. Щерба. Русско-французский словарь. М., 1950, стр. 5.

русского и французского языков, Л. В. Щерба писал: «Искусно комбинируя объяснения и переводы, можно создать хороший толковый французский словарь и на русском языке». И далее: «Мы, конечно, должны для себя составить такой французский толковый словарь с русским пояснительным текстом, а французы, немцы, англичане, узбеки, буряты и т. д. уже должны сами составлять аналогичные русские словари со своим пояснительным текстом, поскольку, конечно, в них нуждаются»⁵.

В нынешних условиях, когда русский язык стал для многих вторым родным языком, наши читатели нуждаются в словарях именно такого типа. Их уже не удовлетворяют словари, в которых, например, слово «голова» переводится как *бош*, «вода» — только как *сув*, «небо» — только как *осмон* и т. д. Им нужен словарь, в котором каждое слово, как единица лексико-грамматической и лексико-семантической системы русского языка, было бы представлено во всем объеме своих значений, во всем многообразии своих речевых употреблений.

В четырехтомном академическом «Словаре русского языка»⁶ в слове «голова» отмечается шесть значений и три оттенка значений; в «Словаре» С. И. Ожегова⁷ — семь; в слове «вода» соответственно — 5, 5 и 1; в слове «небо» — 3, 2 и 1. Кроме того, в каждой из этих статей приведено множество фразеологических единиц, в которых заглавные слова выражают то или иное обусловленное значение.

Читатель заинтересован в том, чтобы в массовых русско-национальных словарях нашли отражение все значения слова. В тех же случаях, когда прямой перевод невозможен, необходимо прибегать к объяснениям и другим способам раскрытия значений, как это делается в одноязычной лексикографии при толковании слов.

Таким образом, понятие «толкование» применительно к двуязычным словарям совпадает по своему смыслу с таковым в одноязычных толковых словарях; в обоих случаях оно служит раскрытию значений слова. С той только разницей, что в одноязычных словарях это осуществляется средствами того же языка, на котором составлен словарь, а в двуязычных — средствами второго языка, то есть языка, на который переводится национальная лексика.

Раскрытие значений слова прямыми соответствиями в двуязычных словарях принято называть эквивалентными или адекватными переводами. Но это по существу представляет собой синонимическое толкование, широко применяемое в одноязычных толковых словарях (см., например, в СРЯ: *кривда* — неправда, несправедливость, ложь; *недоброхот* — недоброжелатель).

Еще более наглядно прослеживается сходство между одноязычными толковыми и двуязычными словарями в раскрытии значения сложных производных слов, отсутствующих в национальном языке. Поясним это на примерах. Из ряда совершенно однотипных образований «водолаз», «скалолаз», «верхолаз» только первое имеет свое адекватное соответствие в узбекском языке — *гаввос*. У слов «скалолаз», «верхолаз» такого соответствия нет. Во всех подобных случаях единственно возможным способом раскрытия и передачи значений слов в русско-узбекском словаре является перевод имеющихся в словарях русского языка толкований. Сказанное относится и к производным словам. Возьмем слово «школьник» и образованные от него слова «дошкольник», «дошкольный».

⁵ Л. В. Щерба. Русско-французский словарь, стр. 5.

⁶ В дальнейшем — СРЯ.

⁷ В дальнейшем — СО.

Первому и основному из этих слов могут соответствовать в узбекском языке *мактаб ўқувчиси*, *мактаб бола* или просто *ўқувчи* (заметим, что последнее слово в различных контекстах может означать еще «читатель», «читающий», «ученик», «учащийся» и др.). У второго слова со значениями (по СО): «1. ребенок дошкольного возраста; 2. педагог, занимающийся с детьми дошкольного возраста» прямых соответствий в узбекском языке нет. Их заменяют в русско-узбекских словарях переводы толкований из словарей русского языка. Этот способ раскрытия значений слова называют обычно «объяснительными переводами».

Объяснительные переводы занимают в русско-национальных словарях значительное место и выступают в контекстах как эквиваленты слова. Применение их в сочетании с грамматическими, ссылочными и другими видами толкований в русско-узбекских словарях позволяет охватить в них с достаточной полнотой производные формы, не имеющие в узбекском языке словообразовательных и лексических соответствий или легко переводимые на узбекский язык по значениям производящих основ и их узбекских соответствий. В однотомном «Русско-узбекском словаре» (М., 1954, сокращенно — РУС-1) эта категория лексики представлена ограниченно. В основном им охвачены слова, имеющие в узбекском языке прямые лексические или грамматические соответствия. На неоправданность подобного подхода к составлению русско-национальных словарей было обращено внимание еще в 40-е годы Е. С. Истриной⁸. Такая тенденция тем более неприемлема для современных русско-национальных словарей, призванных служить не только практическим пособием для перевода, но и научно-справочным пособием для изучения русского языка.

В этом отношении показательна разработка в русско-узбекских словарях словарных статей относительных прилагательных. Им соответствуют в узбекском и в других тюркских языках большей частью существительные в роли определения. На этом основании в РУС-1 была предпринята попытка передать значение относительных прилагательных соответствующими существительными в определенной конструкции, с указанием формального признака этой конструкции. Например:

жемчужный прил. 1. *марварид, дур, инжу-и(си)*; жемчужная раковина *марварид чиганок*; 2 ...

железный прил. 1. *темир-и(си)*; железные опилки *темир қипиғи*; железный лом *темир-терсак*; железная кровать *темир каравот*; железная крыша *тунука том*; 2 ...

Такая разработка без исчерпывающего перечня всех возможных контекстов не всегда достаточна для полного раскрытия значений относительного прилагательного. В статье **железный**, например, перевод прилагательного в сочетаниях **железный лом**, **железная крыша** прямо не вытекает из предлагаемого его условного перевода.

Непригодность и формальность изафетной конструкции особенно наглядно можно видеть на примере статей относительных прилагательных, образованных от общей основы таких, как **водяной** — **водный**, **земельный** — **земляной** — **земной** и т. п.

Различие в значениях и употреблении прилагательных **водный** и **водяной**, например, показано в СРЯ в следующих статьях.

Водный, -ая, -ое. Прил. к **вода**; связанный с водой, относящийся к воде; **Водные процедуры**. **Водное пространство**. **Водная энергия**. **Водный**

⁸ См.: Е. С. Истрина. Заметки по двуязычным словарям. — «Известия АН СССР. СЛЯ». 1944, т. III, вып. 2—3, стр. 85.

путь. Водный транспорт. Водный спорт. Водная станция. Водные культуры.

Водяной, -ая, -ое. 1. Прил. к вода (в 1 знач.). Водяные потоки. Водяная капля. 2. Живущий, растущий в воде. Водяной паук. Водяная лилия. 3. Приводимый в движение водой. Водяное колесо. Водяная мельница. Водяная турбина.

Между тем оба этих прилагательных даются в РУС-1 одной и той же формулой:

водный — 1. *сув-и(си), сувли; ...*

водяной — *сув-и(си); сувли, сув ...*

Как видим, формальная изафетная конструкция мало что говорит о значениях каждого из этих прилагательных и границах их употреблений.

Условные переводы относительных прилагательных нередко приводят составителей к чисто формальным отпискам. Например, в однотомике:

нравоучительный прил. *ахлоқ -и(си), насиҳат -и(си)*.

В пятитомнике это прилагательное дано так:

нравоучительный, -ая, -ое *ибратли, сабоқ бўладиган, ахлоқ ўргатадиган, ахлоқий; ўғит-насихат қиладиган; нравоучительный рассказ ахлоқий ҳикоя.*

Сравнивая эти статьи между собой и с соответствующими статьями толковых словарей русского языка, нетрудно заметить, что словарная разработка однотомика в данном случае не дает ясного представления ни о смысловом содержании прилагательного «нравоучительный», ни о его возможных соответствиях в узбекском языке.

То же самое можно сказать о статьях **заградительный, заграничный, загробный, злопыхательский, зрелищный** и о ряде других словарных разработок однотомика.

В пятитомном «Русско-узбекском словаре» (сокращенно — РУС-V), в отличие от однотомика, указывается связь относительного прилагательного с производящей основой в виде: ... с *сиф. (сўзидан сифат — прилагательное от слова...)*, дополняя ее возможными эквивалентами и, в необходимых случаях, объяснениями. Например:

железный, -ая, -ое 1. *железо с. сиф.; темирга оид; железные рудники темир конлари; 2. темирдан қилинган; таркибида темир бўлган; железная кровать темир каравот; железная руда темир рудаси; 3. перен. ...*

Такая обобщенная разработка, примененная и в новом «Русско-узбекском словаре», не только более полна и точна, но и более рациональна. Она позволяет читателю самостоятельно разобраться в семантике относительного прилагательного и осмысленно отбирать в каждом отдельном случае нужные эквиваленты. Однако необходимость объяснений относительных прилагательных, да и вообще грамматических форм слов встречается и возражения. Например, в предисловии к «Русско-башкирскому словарю» (М., 1948) говорится: «Заниматься... истолкованием русских грамматических категорий (в частности относительных прилагательных) дело не словаря, а скорее сравнительной грамматики, ... где и надлежит провести это сравнение, и притом один раз, а не при каждом слове».

Но для глаголов со сложной словообразовательной системой, представляющей целую палитру значений (подобно упомянутому выше «плавать»), необходимость толкования в русско-национальных словарях едва ли может быть предметом спора.

В русско-узбекских словарях, например, возможными соответствиями для исходного глагола «плавать» — «плыть» могут служить узбекские *сузмоқ*, *сузиб юрмоқ*. Но значения остальных глаголов этого ряда могут быть переданы лишь сложными глаголами от *сузмоқ*, дополненными соответствующими объяснениями и уточнениями. Например, минимальным соответствием глагола «приплывать» — «приплыть» со значением (по СО) «достичь чего-н., плывя» будет либо *сузиб бормоқ* (при движении от говорящего), либо *сузиб келмоқ* (при движении к говорящему), или то же самое с уточнениями: *бирор жойга сузиб бормоқ* (келмоқ). Эта особенность в выражении значения и употреблении данного глагола в сравнении с его узбекскими соответствиями нашла более или менее удовлетворительное отражение в РУС-V; *приплыть* сов. *сузиб келмоқ* (бормоқ). Менее удачна, без учета направления движения, статья в однотомике: *приплыть* сов. *сузиб* (юзиб) *келмоқ*.

Остановимся еще на двух примерах — словарных статьях глаголов «отопить» («отапливать»).

Действия, выраженные этими глаголами, разнятся как по целям и объекту, так и средствам и способам: *отопить* — нагреть (помещение) с помощью печей или каких-л. специальных устройств (СРЯ); *утеплить* — согревая, отапливая, закрывая или покрывая чем-н., предохранить от действия холода (словарь под ред. Д. Н. Ушакова).

В пятитомнике эти глаголы даны так: *отопить* — *иситмоқ*, *ўт ёқиб иситмоқ*; *отопить дом уйни иситмоқ*; *утеплить* — 1. *совуқ ўтмайдиган (кирмайдиган) қилмоқ*; *утеплить жилые помещения турар жойларни совуқ ўтмайдиган (кирмайдиган) қилмоқ*; 2. *х. х. (т. е. с. х.) қўймоқ, совуқ урмайдиган қилмоқ*; *утеплить всходы униб чиққан экинларни совуқ урмаслик учун қўймоқ*.

Примерно так же разработаны эти статьи и в однотомнике.

Однако узбекский глагол *иситмоқ*, как отдельная единица языка, не является прямым соответствием русского «отопить» («отапливать») и не передает его значение вне контекста. Ср. в «Узбекско-русском словаре» (М., 1959): *иситмоқ* — 1. нагревать, согревать, подогревать, разогревать, греть; *сув иситмоқ* нагревать воду; 2. *уст.* привораживать. Здесь, как видим, в ряду эквивалентов слова *иситмоқ* глагол «отопить» («отапливать») отсутствует. И это не случайно: в узбекском глаголе *иситмоқ*, в отличие от русского «отопить» («отапливать»), объект действия не выражен. Он определяется в каждом отдельном случае дополнением: *қўлларни иситмоқ* 'согреть руки'; *овқатни иситмоқ* 'разогреть еду'; *офтоб нури хоналарни иситди* 'лучи солнца обогрели комнаты'; *уйни иситмоқ* 'обогреть помещение (вообще)' и 'отапливать помещение (в конкретном случае употребления слова)', например, *уйни печка билан иситмоқ* 'отапливать помещение печью'; *газ билан иситмоқ* 'греть (или отапливать) газом' и т. п.

Таким образом, соответствие узбекского глагола *иситмоқ* русскому «отопить» («отапливать») является всегда обусловленным. Это и должно быть показано в русско-узбекских словарях. Для этого можно, ограничиваясь одним эквивалентом *иситмоқ*, исчерпывающе перечислить все типичные сочетания глагола «отопить», либо как-то истолковать значение заглавного слова, иллюстрируя его небольшим числом примеров. Последний путь представляется нам более правильным и экономным.

Пояснение *ўт ёқиб иситмоқ* ('согреть, зажигая, разведя огонь'), следующее за словом *иситмоқ*, в узбекской части статьи *отопить* суживает значение последнего (отапливать можно ведь не только огнем, но

и используя электрическую или солнечную энергию, подогретую воду, воздух, термальные воды и т. п.) и не способствует полному раскрытию значений слова, правильному его осмыслению. Аналогичную картину можно видеть, сопоставляя статью **отопить (отапливать)** со статьями глаголов, образованных от той же основы **топить** при помощи других приставок. Например, в однотомике: **затопить** — *ўт қаламоқ, олов қаламоқ; ...; истопить* — *ёқмоқ, иситмоқ; ...; натопить* — *иситмоқ, қизитмоқ; ...; протопить* — *ўт ёқмоқ, иситмоқ; ...; растопить* — *ўт ёқмоқ...*

Как видим, в однотомике не уделяется достаточного внимания оттенкам значений, сообщаемым глаголам разными приставками. Между тем можно значительно улучшить качество словарных статей глаголов данного типа, прибегнув к небольшим пояснениям, как это делается в толковых словарях русского языка.

Словом, вопрос о толковании относится в русско-национальных словарях не только к терминологии, но не в меньшей степени и к общеупотребительным словам языка.

Анализируя в этом плане ряд русско-национальных словарей, А. К. Боровков, много лет возглавлявший лексикографическую работу в Узбекистане, пришел к заключению, что «все попытки сделать русско-национальный словарь во что бы то ни стало „переводным“ уводят в сторону от основной задачи русско-национальных словарей»⁹. При этом он ставил во главу угла учебное назначение русско-национальных словарей: «Русско-национальный словарь должен быть пособием и руководством для изучения русского языка. Всякое отступление от этой основной задачи отрицательным образом влияет на состав и структуру русско-национального словаря»¹⁰.

Не отрицая сочетания в двуязычных словарях задач толкового и переводного словарей, он вместе с тем считал, что «с точки зрения общих установок русско-национальных словарей они являются, конечно, в первую очередь, толковыми словарями русского языка, независимо от того, что все пояснения, толкования и переводы даются на соответствующем национальном языке»¹¹.

Таким образом, составители русско-национальных словарей сознательно или подсознательно создают по существу толковые словари русского языка на национальных языках. Однако традиционное противопоставление «толковый словарь — переводный словарь» остается пока серьезной помехой на этом пути. Чем иначе объяснить, что замечательная идея создания двуязычных толковых словарей, выдвинутая более тридцати лет назад Л. В. Щербой и развитая еще в пятидесятые годы А. К. Боровковым, остается до сих пор неосуществленной в полной мере.

Между тем значение русско-национальных словарей как важнейших справочных пособий для изучения русского языка становится все более очевидным, что связано с возросшей ролью русского языка, ставшего языком межнационального общения советских людей.

Возвращаясь к вопросу о том, «что и как следует толковать?» в русско-национальных словарях, вспомним, что если общим словам языка свойственно, по определению Л. В. Щербы, многогранность, что затрудняет поиск адекватного слова в других языках, то для современной терминологии в национальных языках характерна ее адекват-

⁹ А. К. Боровков. Из опыта составления русско-национальных словарей. — «Лексикографический сборник», вып. I. М., 1957, стр. 115.

¹⁰ Там же, стр. 157.

¹¹ Там же, стр. 156.

ность русской как по составу в целом, так и по форме и содержанию каждого термина. В национальных языках в настоящее время образуется путем заимствования лексический фонд, совпадающий с русским. Таким образом, современная общественно-политическая и научно-техническая терминология, складывающаяся в национальных языках под влиянием русского языка, не принадлежит в русско-национальных словарях к разряду безэквивалентной лексики. Поскольку вместе с термином заимствуются выражаемые ими понятия, выбор способа передачи значений терминов в русско-национальных словарях (эквивалентного перевода или толкования) зависит в самом общем случае от того, насколько данный термин усвоен национальным языком и его носителями.

Совершенно очевидно, что по мере освоения заимствований необходимость толкования многих терминов постепенно отпадает. В связи с этим в новом «Русско-узбекском словаре» толкование слов и терминов, ставших общепонятными, отсутствует.

Взросший уровень знания русского языка и читательской культуры позволили в новом «Русско-узбекском словаре» во многих случаях заменить подробное толкование краткими пояснениями, уточнениями, функционально-стилистическими пометами и т. д., что позволило расширить его словник, уделив основное внимание общему словарному фонду языка. А это, в свою очередь, позволило расширить приводимые грамматические сведения о слове, что повысило ценность словаря как справочного пособия для изучения русского языка.

Однако учитывать все многообразие терминов и регламентировать способы раскрытия их значений в общих филологических русско-национальных словарях едиными правилами — задача чрезвычайно трудная. Здесь неизбежны субъективные моменты как в способе толкования при составлении словарей, так и в оценке их правомерности в каждом конкретном случае в уже изданных словарях.

Изложенное выше приводит к нижеследующим общим выводам:

1. Современные филологические русско-национальные словари массового типа должны оказывать не только практическую помощь при переводе с русского языка на национальный, но и являться пособием для изучения и углубления знания русского языка.

2. Осуществлению этой задачи наиболее успешно могут служить русско-национальные словари, являющиеся толковыми словарями русского языка на соответствующих национальных языках.

3. В словарях последнего типа дается толкование как терминов, так и общесловарной лексики.

4. Учебное назначение словаря требует максимального ограничения в нем толкования терминологии; основное внимание должно уделяться толкованию общих слов языка, составляющих его лексическую систему.

Этими положениями руководствовались составители нового двухтомного «Русско-узбекского словаря». Конечно, это лишь первый опыт создания толкового словаря русского языка на узбекском языке.

В заключение, как нам кажется, уместно сравнить задачи и характер словарной работы с переводческой.

Как известно, переводчик (так же, как читатель) имеет дело со словом каждый раз в конкретной речевой ситуации, где реализуется только одно из его возможных значений. Ему важно передать (а читателю — понять) в каждом отдельном случае значение слова только в данном контексте.

В словарной работе, в отличие от переводческой, слово как отдельная единица языка рассматривается и описывается не в конкретной речевой ситуации, а в совокупности всего множества его возможных значений и употреблений. В двуязычных, в частности русско-национальных, словарях задача усложняется еще тем, что значения русских слов раскрываются и передаются в них средствами национального языка. Для этого лексикографы, основываясь на данных толковых словарей русского языка, сопоставляют значения русского слова с переводческими возможностями национального языка (так как они не располагают специальной сравнительной картотекой). Разработанные в результате такого анализа словарные статьи призваны способствовать осмыслению читателем полных значений каждого русского слова во всем многообразии его употребления и тем самым помочь ему в активном овладении русским языком, а переводчику — найти нужные варианты перевода для возможно большего числа контекстов.

Эта сложная и многотрудная задача требует от лексикографов не только хорошего знания сопоставляемых в словаре языков, тонкого понимания лексики, определенной лексикографической сноровки и переводческого опыта, но и постоянных творческих поисков с полной отдачей сил и знаний. Компактность словарных разработок, лаконичность объяснений, несомненно, необходимые в словарях, должны соблюдаться не в ущерб их полноте и точности. Вспомним в связи с этим слова Л. В. Щербы: «Мой педагогический опыт подсказывает мне одно: всякий краткий словарь вызывает у серьезных людей в конце концов раздражение, так как он всегда оказывается недостаточным во всех случаях, когда словарь действительно нужен»¹².

Нельзя забывать, что фундаментальные русско-национальные словари массового типа создаются не вдруг и не на один год. Со времени выхода в свет пятитомного и однотомного русско-узбекских словарей, например, прошло уже более четверти века. Труд, затраченный на такие словари, окупается с лихвой, а неточности и ошибки, допущенные в словарных разработках, могут стать на долгие годы трудно устранимой помехой для успешного их использования.

¹² Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. — В сб.: «Избранные работы по языкознанию и фонетике», Л., 1958, стр. 76.

Е. С. СИДОРОВ

ЭТЮДЫ ПО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Еще в середине XIX века О. Н. Бетлингк, сравнивая якутский язык с другими тюркскими и монгольскими языками, анализируя его фонетический строй, морфологические и логические «признаки» (термин самого О. Н. Бетлингка), пришел к выводу, что якутский язык еще в древности отделился от остальных родственных тюркских языков¹. Значительный сравнительный материал, в особенности по алтайским языкам, привлек в своей грамматике С. В. Ястремский². Некоторые параллели с другими языками алтайской семьи содержатся в словаре Э. К. Пекарского³. На особенности отношения якутского языка к тюркским и другим языкам указывал В. В. Радлов⁴.

Изучение якутского языка получило широкое развитие в советское время. Исходя из особенностей фонетики и морфологии якутского языка, Н. Н. Поппе заметил, что «в якутском языке до настоящего времени сохранились формы, наблюдавшиеся в древних турецких языках в VII—IX столетиях»⁵. О наличии в якутском языке многих древних языковых особенностей, свойственных предполагаемому тюркскому языку, писал С. Е. Малов, полагавший, что якутский язык сложился до появления первых письменных памятников древнетюркского языка⁶. Он считал якутский язык древнейшим тюркским языком⁷. Особенности якутского языка как древнего тюркского языка исследуются также в работах Е. И. Убрятовой⁸, Н. А. Баскакова⁹, А. М. Щербака¹⁰, Н. К. Антонова¹¹ и многих других советских ученых.

Интересные суждения о якутском языке, его древнем происхождении были высказаны и зарубежными исследователями. Венгерский лингвист Ю. Немет первичную долготу гласных считал отличительной чертой якутского языка, а чувашские примеры, отражающие эту долготу, — ранними заимствованиями из якутского языка¹². Английский ученый Дж. Клосон полагает, что якутский и чувашский языки произошли из одного общего корня, но контакты между их носителями были прекращены не позже V века н. э.¹³ Н. З. Гаджиевой зафиксировано древнечувашское слово *зеп* 'карман', заимствованное коми-зырянским и другими языками. Предполагается, что эти «заимствования из древнечувашского восходят к арабск. *ḍẓaib* 'карман'»¹⁴. Однако якутское *сиэп* 'карман' настораживает: если арабские заимствования в период проникновения в Поволжье ислама и были естественны (через Золотую Орду), то в Центральной Азии в период до V века н. э. это вряд ли было возможно. Нам кажется правомерным возведение древнечувашско-якутского *зеп* — *сиэп* к единому общему хуннскому корню, предположитель-

но — *сен*. Заслуживает внимания в качестве этимона и китайское *хэбао* 'карман, кошель'. Переход $x \rightarrow h \rightarrow c \rightarrow z$ закономерен; в китайском разговорном языке звонкие согласные (в данном случае «б» в слове «бао») почти повсеместно оглушаются (*бао* → *пао*); сочетание «ао» очень часто сокращается и звучит как «о» (*бао* → *пао* → *п'о*); а в тюрко-монгольских заимствованиях возможно выпадение безударного конечного гласного (*хэбао* — *сэп'о* — *сэп* — *сен*). Э. Пуллибланк, сближая язык хунну с енисейскими (вымершим котским и живым кеттским) языками, замечает, что котское слово «кажах» (обозначающее молочный продукт типа белого масла) было заимствовано из якутского языка¹⁵.

Однако, несмотря на казалось бы относительно хорошую изученность, как это совершенно справедливо отметила Е. И. Убрятова, «якутскому языку, который во многих отношениях отличается от современных тюркских языков, иногда и от всех тюркских языков, часто не везет. В сравнительных грамматических работах якутские материалы очень часто отсутствуют, а если и приводятся, то нередко с ошибками»¹⁶. Не вдаваясь в подробный лингвистический анализ, мы попытаемся дать историко-этнографический обзор якутской лексики в ее сравнении как с предполагаемыми, так и с известными древними тюркскими языками.

Материалы из языка хунну. Язык хунну из-за отсутствия собственно хуннских письменных источников изучен весьма слабо; в основном пытаются судить о нем по скудным сообщениям китайских источников. Н. Я. Бичурин полагал, что язык хунну был древнемонгольским языком, К. Сиратори считал его тунгусским¹⁷ или монгольским, смешанным с тунгусским¹⁸. В. А. Панов был убежденным сторонником тюркоязычности хунну¹⁹ (его точку зрения разделяют почти все советские ученые), Э. Пуллибланк выдвинул енисейскую теорию языка хунну²⁰.

Собранный разными поколениями лингвистов хоть и небольшой по объему материал все же позволяет провести частичный сравнительно-лексикологический анализ языка хунну и якутского как одного из древнейших тюркских языков. Некоторые исследователи указывали, что значение отдельных слов языка хунну может быть установлено с помощью уйгурского или якутского языков²¹.

В древнекитайской транскрипции сохранились полный титул верховного правителя Хунну, некоторое количество слов (В. Панов привел более десятка, К. Сиратори — 16, Э. Пуллибланк подробно разбирает около 20, указывая, что он обнаружил в китайских источниках примерно 190²²) и одна фраза, относящаяся к позднему периоду — IV веку н. э.²³

Китайские источники дают следующее объяснение титулу «чэнли гуду шаньюй»: «Сюнну называют небо — чэнли, а сына — гуду. Слово шаньюй означает „обширный“ и показывает, что носитель этого титула „обширен, подобно небу“»²⁴.

Эту фразу исследователи читают, исходя из данных различных языков. Если в *чэнли* усматривают тюркское слово, обозначающее «небо» и «бог», то *гуду* бурятский ученый XIX века Д. Банзаров сопоставлял с монгольским *хубу* ('сын')²⁵. Большинство исследователей видели в *гуду* тюркское слово *угли* ('сын'), первый якутский историк Г. В. Ксенофонтов сближал его с *кута* ('душа его') или *хотойо* ('орел его')²⁶, а Э. Пуллибланк — с кетским *халек* ('младший сын, внук')²⁷. По нашему мнению, древнетюркское *угли* в китайской передаче выглядело бы как *гули* или даже *ули*, а не *гуду*, и поэтому правомочнее якутское чтение *огото* ('дитя, ребенок его'). Опустив начальное *о* (в китайском языке нет самостоятельного слова «о», а слог «оу» в анлауте употребляется крайне редко), древнекитайский автор должен был передать слово *ого-*

то как *гуду* (в китайском произношении зубной взрывной *д* звучит как глухой *т*). В этой связи интересно отметить, что один из крупнейших современных специалистов по древнекитайскому языку Э. Пуллибланк восстановил древнее чтение первого слова в титуле, соответствующее хуннскому прототипу: *тангри*²⁸, которому достаточно близко якутское *тангара* с тем же значением. Аналогичное чтение восстановил и советский ученый Ф. С. Фасеев²⁹. Титул *шаньюй* (древнее чтение *чаньюй*) Дж. Клосон объяснял как титул *ябгу*³⁰, Э. Пуллибланк — *тархан*³¹; В. Панов — *тамган* «в смысле „владелец, глава, хан”», «это родовой старшина, владетель родовой тамги»³². Примечателен и, на наш взгляд, обоснован вывод Ф. С. Фасеева: «...этимологически шаньюй восходит к более древнему чтению танью — таньюнь — таньку (й), тань-жунь и далее к t'аη-d'up 'горный, высокий, высший (по своему положению) человек'»³³. Такое же значение имеют якутские архаизмы *чыныгырыыр*, *чыныс*, *чымырыын*, употребляющиеся лишь в фольклорной традиции с усилительным значением «неумолимый, жестокий» (ср. В. В. Радлов *чымат* 'гнев')³⁴. Этот титул Д. Банзаров сближал с именем *Чингис*, объясняя его как гуннское слово, означающее «сын неба»³⁵. В современном якутском языке есть слово *ыраахтаабы* 'далекий, находящийся далеко (властелин)' для обозначения титула «царь» или «император» (*урунг ыраахтаабы* 'белый царь', так якуты до революции называли русского императора), которое, по-видимому, заменило древний титул *чыныс*, отраженный в якутской мифологии: *Чыныс Хаан* 'неумолимое божество судьбы'. Ни якутский фольклор, ни современная наука не дают никаких оснований для того, чтобы связывать древнеякутское божество рока с именем исторической личности — монгольского властителя Чингис-хана. Следовательно, данное слово отражает более древний хуннский титул.

Правители хунну после Модуна величали себя: «небом и землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй»³⁶. А древнетюркские каганы, потомки сюнну, считали себя «тенгриподобными, в тенгри возникшими»³⁷. Якутские эпические герои — великие богатыри, повелением божеств ниспосланные в срединный мир, на землю, чтобы защитить людей от злых сил. В некоторых якутских эпических сказаниях (олонхо) есть упоминание о сюннских (хунну) вершителях судеб:

Эта страна найдет себе достойного хозяина

Лишь тогда только, когда

Предназначенный превечным небом,

Предуказанный грозным роком,

Улуса Сюнг Хаана,

Племени Сюгэ тойона,

Потомок Сюнкэн Эрилика,

Старец племени Одун, Дьылга тойон

Предначертает вселить в эту страну

(Человека-богатыря) так ведь, друзья?³⁸

Здесь *Дьылга тойон* — властитель рока, бог судьбы. Он выступает в трех ипостасях: Одун-хан, Чынгыс-хан и Дьылга тойон (Джылга-хан)³⁹. Буквальное значение имен: Дьылга — 'испытание', 'суд', 'рок', 'судьба'; Одун — 'сильный, жестокий'; Чынгыс — 'жесткий, жестокий'. Эпическая традиция считает Дьылга тойона потомком Сюнкэн Эрилика из племени Сюга тойона, улуса Сюнг-хана.

Сюнкэн Эрилик (или Эрили) — бог, покровитель птиц, выступает в образе орла, младший брат Сюгэ тойона; Сюгэ тойон — бог грома; Сюнг хан — верхний дух, одна из ипостасей бога грома⁴⁰. Буквальное значение имен: Сюнкэн — 'величавый'; Сюгэ — 'топор'; Сюнг — 'важный, грозный'. В имени Сюнг хан заключено, на наш взгляд, упоминание о

прапредках древних якутов-сюнну, а имя Одун хан мы возводим к имени основателя державы сюнну, шаньюя Модуна.

Н. Я. Бичурин последнее имя читал как *Модэ*, Ф. Хирт сближал его с китайской транскрипцией тюркского слова *baɣadur* ('богатырь'), ему следовал и Э. Паркер, К. Сиратори связывал его с монгольским *bogdo* ('святой, божественный'), О. Франке читал как *moduk*, де Гроот — *portur*⁴¹. Более обоснованное, по нашему мнению, чтение дал Н. В. Кюнер — *Маодунь*⁴². Мы предлагаем читать его как *Модун*: 1) китайские специалисты на основании древних комментариев читают первый иероглиф только как «мо» (а не «мао»)⁴³; 2) в китайских транскрипциях на «н» обычно даются твердые окончания «нг» (носовое твердое, заднеязычное, типа англ. *η*, якутского *н*), а там, где оно не фиксировано, дается окончание «нь» (то есть якутское *н*, переднеязычное, сходное с русским *н*). *Модун* — по-якутски «могучий», употребляется как эпитет к слову «богатырь».

Привлекает внимание ономастика, превалирующая в сохранившихся материалах языка хунну. Исходя из закономерностей эволюции звуков в тюркских языках и учитывая особенности китайской транскрипции, можно восстановить хуннские прототипы многих имен, очень близкие к якутским. Например, *Тумань* (вар. *Тумынь*) — имя первого известного шаньюя, отца Модуна, общетюркское *туман*, тюрко-монг. *тюмень* ('десять тысяч'), якутское *утумэн* ('многое множество'); имена некоторых последующих правителей: *Ушилу* — якутское *уһулу* ('исключительный, превосходно, превосходный'), *Гюйлиху* — якутское *күлүк* ('тень, часть имени в эпосе'; *Күлүк Дьэргэлгэн*), др.-тюрк. *külüg* ('славный, знаменитый'; также имя собственное); *Хулугу* — якутское *кулугу* ('ушная сера'; др.-як. 'остов, поперечный стержень'); *Гюйгюйр* — якутское *күйгүр* ('шум-гам'), *көйүр* ('насекомое', 'моль'; в старину также имя собственное), *күкүр* ('ясли'; в старину имя собственное) и т. д.⁴⁴

Почти все отдельные слова, разбираемые Сиратори, Пановым и Пуллибланком, имеют точные или очень близкие аналоги в якутском языке, сохранившем древнейшие тюркские черты. Таковы слова: *дзюй-цы-кызы-кыз* (Панов) — якутское *кыыс* ('девочка, девушка'); *эши* (Панов), *evci* (Сиратори) со значением 'жена, супруга', о-чин, *qatun* (Пуллибланк) — якутское *эдий* ('старшая сестра, почтительное обращение и к посторонней женщине'); *оу-то* (по Панову: 'маяк', от основы от 'огонь' — якутское *отуу* 'шалаш') или *отор* ('временная летовка, обычно осенью, до первого снега'; ср. туркм. *отор* 'пастбище', 'выгон'; кирг. *отоо* 'походная юрта, которую берут на летовку', др.-тюрк. *otaу, otaq* 'шатер', 'жилище'), *тоу-ло* (Панов: *турук* 'стоянка', 'местожительство') — якутское *туруу* (употребляется в эпосе: *туруу бараан дойду* 'священная страна'); *хэ-лянь* (в китайских источниках неоднократно указывалось, что хунну так называют небо)⁴⁵; на основании этого Сиратори объяснял *кёклар* 'небеса'⁴⁶, от др.-тюрк. *kök*) — якутское *халлаан* ('небо как понятие'). Во всех тюркских языках небо в древности обозначалось словом *кёк* или *тенгри*, позже во многие языки вошло арабское *osman*. Лишь в якутском языке сохранилось древнее слово *халлаан* наряду со словом *таңара*, которое обычно передает значение божественности. Любопытно отметить, что и в корейском языке сохранилось сходное слово *ханьль* (можно предположить случай метатезы), также со значением «небо» (обычно в сочетании с *чхон*).

В материалах Э. Пуллибланка есть еще два весьма интересных слова *khiun-lío* (в его транскрипции) и *su*⁴⁷; *khiunlio* (юрта) очень близкое к якутскому *куулэ* ('сени, переднее помещение в доме'), которое в дру-

гих языках, по нашим наблюдениям, не встречается; советские специалисты предлагают транскрипцию «цюнлу» и объяснение «шалаш хуннского типа, сплетенный из ивовых прутьев и покрытый сверху войлоком»⁴⁸. Якутское *кюля* также сооружается из прутьев или жердей, сверху покрывается таким же материалом и застилается древесной корой. *Su* (масло). Э. Пуллибланк восстанавливает древнюю форму: *sah*, др.-тюрк. *jaγ* ('жир, масло')⁴⁹ — якутское *сыа* ('жир, сало').

В китайских источниках («цзинь шу») сохранилась одна хуннская фраза (приписываемая оракулу, сказанная в ответ на обращение южнохуннского князя Шилэ в 328 году н. э.), которой Ф. Фасеев дает такую трактовку: *su:či thilīqan(q) bhou qourγīnuγ toutan(g)* 'Если воевод (войска, отряды) вывести в поход, то этот (упомянутый) курган (в значении «крепость, укрепление») будет взят'. Здесь одно слово общеалтайское: *thiliq* 'выходить', а четыре — тюркского вида: *su(sou)* 'войско', 'поход'; *bhou* 'этот', *qourγin* 'сооружение, крепость, курень', *thout-* 'схватить, взять, брать'⁵⁰. Слово *thilīqan(g)* очень близко якутскому *тэлэһий*, *тэлэһийэн* ('удаляться, скитаться'), а все остальные слова общетюркские, имеются они и в якутском языке: *сэрии* ('войско'), *бу* 'этот', *тут-* ('держат, поймать'). Слову *qourγin* трудно найти прямую аналогию в современном якутском языке, но можно предположить якутское *курба* (тюрк. *курбак* 'сухой'⁵¹, 'прах', 'иссохшая земля') или *курган* — слово, вошедшее, по-видимому, через русский язык.

Таким образом, почти все хуннские слова, собранные многими исследователями, имеют аналоги в якутском языке, и это является еще одним доказательством того, что якутский язык — древнейший из тюркских.

Этногенез якутов советские историки также связывают с хунну. По мнению Л. Н. Гумилева, «потомки теле — якуты, теленгиты, уйгуры и другие»⁵²; а теле являются прямыми потомками хунну (сюнну)⁵³. А. Н. Бернштам древних якутов считал прямыми потомками гуннов, отделившимися от основного ядра и не вошедшими в состав феодальных образований⁵⁴.

По сообщениям китайских хроник, древние китайцы имели контакты с древними хунну (под названиями сяньюнь, шуньвэй, гуйфан) еще в III и II тысячелетиях до н. э.⁵⁵ В период Западного Чжоу (1066—771 гг. до н.э.) сюнну заставляли китайцев временами платить дань⁵⁶. Китайские царства бывали вынуждены воздвигать укрепления для защиты от нашествий хунну. В III веке до н. э. Цинь Шихуан соединил эти укрепления перемычками и, таким образом, образовалась знаменитая Великая Китайская стена⁵⁷. С превращением крупного племенного объединения хунну (в китайских источниках их обычно называют сюнну, и это название следует считать их основным этнонимом) в кочевую империю в конце III века до н. э., связи сюнну и Китая стали еще более регулярными и разносторонними, продолжаясь не одно столетие.

Столь длительные контакты не могли не оставить помимо всего прочего заметных следов и в глоттогенезе как сюнну, так и китайцев. На наш взгляд, некоторые слова, в частности термины родства, должны были быть заимствованы сюнну у китайцев и перешли в другие древние тюркские языки. Такие слова сохранились в якутском языке: *таай* (тюрк. *табай*⁵⁸, алт. *таай*⁵⁹ 'дядя по матери', кит. *дае* 'дядя по отцу' 'старший')⁶⁰; *саңас* (тюрк. *jāngā*⁶¹, *janğa*⁶², *jene*⁶³ 'жена старшего брата или старшего родственника'⁶⁴, кит. *саоцза* 'жена старшего брата')⁶⁵; *эдый* (тюрк. *эзэ*⁶⁶, кирг. *эже*⁶⁷, алт. *эје*⁶⁸ 'старшая сестра', кит. *цзе* 'старшая сестра'⁶⁹).

Общетюркское *эр* (*ер, ир*) 'муж, мужчина', по нашему мнению, также восходит к китайскому *е-эр* [*е* 'отец', 'господин', 'хозяин' + *эр* 'сын', 'мальчик'; оба слова вместе со счетным суффиксом *ля* (*лянь*) означают 'отец и сын, дядя и племянник', то есть 'мужчина' — *еэрля*⁷⁰]. Якутское *эһэ* 'дед' (монг. *эцэг* 'отец')⁷¹, возможно, также связано с китайским *е-е* 'дедушка'. Для обозначения мужчины в тюркских языках употребляется также исконное слово *киши* (*кижи, киһи*).

Полагаем, что сунну и древнейшие тюрки сохранили исконные обозначения прямого родства (преимущественно по отцовской линии), а обозначение родства по боковой линии могло быть заимствовано.

Как в якутском, так и в некоторых других тюркских языках существуют обиходные слова, имеющие прямые аналоги в современном китайском языке: якут. *дьин*, тюрк. *чин* 'правдивый', 'верный', 'настоящий'; кит. *чжэн* 'прямой', 'правильный', 'точно'; якут. *син* 'ладно', кит. *син* — в том же значении; якут. *хамса*, уйг. *банза*, алт. *канза*, кит. *гань-цзы* 'курительная трубка' и т. д. Большая часть этих параллелей может быть отнесена к хуннской эпохе (до V века н. э.) формирования тюркских языков (по Н. А. Баскакову)⁷². К сожалению, проблемы китайско-тюркских и тюрко-китайских языковых связей еще не стали объектом серьезных специальных исследований, за исключением книги Т. Р. Рахимова, в которой из приведенных нами упоминаются: *дае* лишь в значении «чиновник» и *банза* 'трубка'⁷³.

Не исключена возможность, что некоторые слова были заимствованы самими китайцами у сунну. К примеру, *син* 'ладно', *айа!* (кит. *ай-я!*) 'междометие удивления, боли'. Эти слова широко употребляются в современном якутском и китайском языках, а в других языках, по нашим наблюдениям, встречаются крайне редко (например, в монгольском разговорном). Однако правомерно исходить из того, что классовое общество древнего Китая и его высокая земледельческая оседлая культура, находившаяся на высшей ступени цивилизации той эпохи, могли оказывать влияние на древних кочевников.

Материалы из языка тоба. В I веке н. э. объединение сунну распалось на две части. Вскоре южные хунну были подчинены Китаю, а к концу века северные хунну были разгромлены племенным союзом сяньби. По сообщениям источников хунну, в общей сложности сто тысяч кибиток (семейств) влились в состав сяньби и приняли их имя (общеплеменное название)⁷⁴. Сяньби вскоре также разделились на два основных объединения: тоба и муюн. С IV века н. э. тоба становятся значительной политической силой в Центральной Азии. В V веке они завоевывают северный Китай и основывают династию Северная Вэй. Тоба под именем табгачей были хорошо известны древним тюркам и имели с ними тесные связи.

Язык тоба большинством исследователей относится, как и язык хунну, к древнейшим тюркским языкам. Со специальными работами по языку тоба в наше время выступили американский ученый П. Будберг⁷⁵ и венгерский исследователь Л. Лигети⁷⁶. П. Будберг привел 32, а Лигети 8 тобасских (табгачских) слов, за очень редким исключением имеющих аналоги в якутском языке.

1. Ко-sun — qasun — qatun — титул тобасской императрицы — по Будбергу — общетюркское *хатун*; якутское *хотун* (*хатын*)⁷⁷.

2. Ко-ro-chen — qaračıñ 'привратник'; Л. Лигети читает qabaq; якутское *хаппах* 'крышка, покров'; *хаппахчы* 'чулан, девичья' или *хаппахчыт* букв. 'закрывающий (изготавливающий) крышку', может означать и «привратник».

3. Chi-wan-chen — kälmarcin (Будберг), kelmürčin (Лигети) 'переводчик'. Слово монгольское. Тюркскую форму *tilmas(i)* с начальным *t* вместо *k* (якутск. *тыблаасчыл*) П. Будберг гипотетически возводит к прозвищу одного из предков поздних сунну в Китае, смешавшихся с сяньби, у которого отец был из ху (хунну — сунну), а мать из сяньби. Владея обоими языками, он был переводчиком у тоба⁷⁸. Полный перечень тюркских вариантов слова *дилмач*, *тилмач* (якутск. *тыблаас*) дал Э. В. Севортян, отметив также и монгольскую форму *tolmasi* 'переводчик'⁷⁹. Наличие в языке тоба некоторых монгольских слов может свидетельствовать об этническом составе тоба, о смешении их с древнейшими тюрками и некоторыми монгольскими племенами под эгидой тюрков-тоба.

4. Pi-te-chen—bitäkcín (bitikcín) 'секретарь'. Якутское *бичик* 'письмо', 'рисунок' — полузабыто.

5. Hsien-chen — yamcín (Л. Лигети: yiamcín) 'служащий почтовой станции'. Якутское *дьаамсык*, по-видимому, вторичное заимствование русского слова «ямщик». Собственно якутское *дьаамнаах* 'содержащий почтовую станцию'.

6. Tou-lu — tögü 'закон, право', якут. *төрүт* 'основа, причина'.

7. 'a-kaп — aqaп 'старший брат', якут. *аҕа* 'отец, старший (по возрасту)'.

8. Chi-chin — tägin титул 'принц'. *Тыгын* — один из легендарных предков современных якутов, живший в конце XVI—первой половине XVII века. Его происхождение некоторые историки-якутоведы связывают с уйгурским принцем Энень-тегином, сбежавшим от кыргызов в середине IX века и укrywшимся где-то на сесеро-востоке, среди Шивей⁸⁰.

9. Wu-ai-chen — uaiacín 'родственники по женской линии' (от корня *uigüq* 'зерно, семя'). Якут. *уруу* также преимущественно родственники по матери и по жене, то есть по женской линии; родственники по отцу называются *аймах*.

10. Hu-lo-chen — yugaqcin 'споясанный оружием'. Якут. *кураах* 'изгиб лука'; иногда в эпосе название лука как боевого оружия: *кураахтаах саа* (*саа* 'лук, ружье' и др.-тюрк. *ja* 'лук'⁸¹).

11. So-tu-chen — saqdagcín П. Будберг выводит из корня *saq-* 'беречься, остерегаться', отсюда — 'солдат из гвардии'. Др.-тюрк. *jaday*, якут. *сатыы* 'пеший'; или якут. *саадах* 'колчан', *саадахтаах* 'носящий колчан', 'воин'; тюрк. *сабдак*⁸².

12. Pu-ta-chen — rak-dai — tsien П. Будберг приводит китайское пояснение *даньижэнь* 'человек, ответственный за одевание' и объясняет: титул дворцового офицера, обязанного заботиться об одежде, туалете правителя. Далее он проводит аналогию со словом *boghtaq* 'головной убор, прическа', замечая, что это был один из самых важных атрибутов тюрко-монгольского туалета. Совпадает с якутским *баттах* 'волосы, прическа'. Это слово сохранилось только в якутском языке, тогда как общетюркское *чач*, *сач*, якут. *ас* ныне полузабыто, бытует только в фольклоре. В эпосе и сказках на прическу и вообще волосы героев, в особенности красавиц, а также старцев-предводителей, обращается особое внимание; их описание входит как почетный эпитет в состав имени или обращения. Например: *аҕыс былас суһуохтаах Айталыын Куо* 'Айталин-красавица с косой в восемь маховых сажень'; *Аастыйбыт астаах аар тойон аҕам* 'Убеленный сединой (букв. 'с волосами побелевшими') почтенный господин, мой отец'; *Күрэңсийбит баттахтаах күбэй хотун ийэм* 'С посережшими волосами, обожаемая моя мать-госпожа'. Здесь *суһуох* 'коса', *ас*, *баттах* 'волосы'.

Можно полагать, что тобасское *boghtaq* и якутское *battaq* восходят к одному древнехуннскому архетипу.

В словах *ɣuɣaɕin*, *sagdagɕin*, *pakdaitsien* (*boghtaɕin*) тобасскому аффиксу *-ɕin* (-чэн) соответствуют якутские аффиксы *-чыт* (обозначает имя деятеля или профессию) и *таах* (обозначает свойство или обладание чем-либо): *саадахчыт* 'изготавливающий (мастер) саадах'; *саадах-таах* 'носящий саадак (воин)'.

13. *A-chen* — *ascin* 'повар'; якут. *асчыт* (в том же значении).

14. *Tu-wan* — *tümän* 'имя'; якут. *түмээ(н)* 'имя', *үтүмэн* 'многое множество'.

15. *Chu-chin* — *köksin* 'старый человек', якутское *көхсүн* 'пожилой человек'.

16. *Ko-tu-lin* — *уэи-d u-liang* П. Будберг выводит из тюркского корня *qudu* 'отец жены, тесть', якутское *кылын* 'тесть, отец жены', *ходобой* 'свойственница, сватья'⁸³.

17. *I-čan* — *icien* 'старший брат', якутское *эдьий* 'старшая сестра' (кит. *цзе* 'старшая сестра').

18. *No-jo* — *ayar* 'почет, уважение', якутское *айах* 'специальная поезда для кумыса, предлагаемая самому почетному гостю или старейшине, во время весенне-летнего всеобщего празднества'.

19. *Yü-tu-chin* — *Otükēn* 'священная гора', якутское *үтүгэн* 'отдаленное, труднодоступное место', древнетюркское *otuken*.

20. *A-fu-kan* — *ebügen* 'старик', 'предок', якутское *өбүгэ* 'предок'.

Слова *atlacın* (якутский и общетюркский корень *at* 'лошадь'); *jil-ɣaııcın* (якутский корень *дьылга* 'судьба'), *egülen* (якутский корень *үөлэн* 'рослый, крупный') и другие также находят якутские аналогии.

Л. Лигети приводит еще одно слово *qıɣaııcın* 'убийца' — производное из корня *kid*, *хяд* ('убивать'), якутское *кырт* ('стричь, истребить'). В другой своей работе П. Будберг приводит слова *Pu-lo-chi* — *bulaqı* 'смешанный', якутское *былаахсы* 'смешанное'; *o-lo-chin* — *allacı* 'пегий (масть лошади)', якутское *ала*, *алачый* 'пегий (масть лошади и коровы)'⁸⁴.

П. Будберг — убежденный сторонник тюркоязычности тоба, Л. Лигети считает язык тоба древнемонгольским. Английский тюрколог Дж. Клосон во всех своих работах утверждает, что тоба были тюрками, и первые тюркские заимствования в монгольском языке относятся именно к «тобасскому периоду», то есть, примерно, к V—VI векам⁸⁵.

На основе приведенного сравнительного материала по якутскому языку можно, на наш взгляд, сделать вывод о тюркоязычности тоба. При этом не подразумевается прямая языковая или этническая преемственность. Это весьма сложный вопрос, который фактически еще не изучен.

Некоторые наши примеры, возможно, не согласуются с общепринятым фонетическим законом образования анлаутных *й—з—ж—ч—с* в тюркских языках (в частности, якутское *сангас* с кит. *саоцзе* противоречит положению о позднем образовании *с*). Однако в порядке рабочей гипотезы можно, как нам кажется, предположить, что такие заимствования могли произойти на ранней (хуннской — до V века н. э., по Н. А. Баскакову) стадии развития тюркских языков, когда «внедрение китайских, санскритских, древнеиранских и славянских элементов происходит главным образом в лексику»⁸⁶. Притом они могли иметь и древние диалектные различия, а якутский язык является одним из древнейших тюркских языков, сохранившим некоторые первичные черты. Об этом говорит и замечание А. М. Щербака о том, что «ослабление, с

последующим озвончением или сонантизацией, произошло во всех тюркских языках за пределами Сибири и Алтая; в чувашском и сибирских тюркских языках рефlekсами *θ₁ являются глухие согласные. В этом отношении последние оказываются более древними, чем все другие тюркские языки»⁸⁷.

- ¹ Otto Böhltingk. Über die Sprache der jakuten. St. Petersburg, 1851. Переиздание: Indiana University Publications. Uralic and Altaic series, vol. 35, 1964, Hague, p. I—LIV.
- ² С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900.
- ³ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Вып. 1—13, 1907—1930; Переиздание: М., 1958, т. 1—3.
- ⁴ W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem verhältnisse zu den Turksprachen. St. Petersburg, 1908.
- ⁵ Н. Н. Понне. Учебная грамматика якутского языка. М., 1926, стр. 6.
- ⁶ С. Е. Малов. Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам. — «Вестник АН СССР», 1941, № 5—6, стр. 63.
- ⁷ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. — «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1952, т. XI, вып. 2, стр. 140, 142; его же. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 6.
- ⁸ Подробнее об этом см.: Е. И. Убрятова. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М., 1960.
- ⁹ Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков. — «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1952, т. XI, вып. 2, стр. 132; его же. Тюркские языки. М., 1960.
- ¹⁰ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, гл. 2. Историческая фонетика, стр. 143—185; его же. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л., 1977, стр. 9—28.
- ¹¹ Н. К. Антонов. Древнетюркский язык VI—VIII вв. Якутск, 1970; его же. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1976.
- ¹² А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, стр. 123—124.
- ¹³ G. Clauson. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962, стр. 215.
- ¹⁴ Н. З. Гаджиева. К истории анлаута в тюркских языках. — В кн.: «Тюркологические исследования», М. 1976, стр. 92—93.
- ¹⁵ E. G. Pulleyblank. The consonantal system of Old Chinese. Appendix. The Hsiung-nu language. Asia Major, New series, vol. IX, part 2, стр. 254.
- ¹⁶ Е. И. Убрятова. Задачи сравнительного изучения тюркских языков. — В кн.: «Вопросы тюркологии. 1970», стр. 77.
- ¹⁷ K. Shiratori. Über die Sprache des Hsiung-nu Stammes und der Tung-hu Stamme. — «Известия императорской Академии наук», 1902, 5 серия, т. XVII, № 2.
- ¹⁸ K. Shiratori. Sur l'origine des Hiong-nu, Journal Asiatique. — «ССП», № 1, 1923. Обзор обеих работ К. Сиратори см.: К. Иностранцев. Хунну и гуны. Л., 1926, стр. 141—144.
- ¹⁹ В. А. Панов. К истории народов Средней Азии. I. Сюн-ну (Хунну). Владивосток, 1916.
- ²⁰ E. G. Pulleyblank. Указ. раб. part 2.
- ²¹ Otto Maenchen-Helfen. Huns and Heiung-nu. Byzantion, vol. XVII, 1944—1945, стр. 223.
- ²² E. Pulleyblank. Указ. раб., стр. 240.
- ²³ «Источниковедение и история тюркских языков», Казань, 1978, стр. 134.
- ²⁴ «Материалы по истории сюнну по китайским источникам». Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968, стр. 133; Н. В. Кюннер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 309.
- ²⁵ Доржи Банзаров. Сочинения. М., 1955, стр. 176, 177.
- ²⁶ Г. В. Ксенофонов. Урангхай-Сахалар. Иркутск, 1937, стр. 106.
- ²⁷ E. Pulleyblank. Указ. раб., стр. 245.
- ²⁸ Там же, стр. 241.
- ²⁹ Ф. С. Фасеев. К расшифровке хуннских фрагментов. — В кн.: «Источниковедение и история тюркских языков», Казань, 1978, стр. 128.
- ³⁰ G. Clauson. Turk, Mongol, Tungus, Asia Major. New series, vol. 8, part I, London, 1960, стр. 115.
- ³¹ E. Pulleyblank. Указ. раб., стр. 256—257.
- ³² В. А. Панов. Указ. раб., стр. 52.

- ³³ Ф. С. Фасеев. Указ. раб., стр. 133.
- ³⁴ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III, ч. 2. СПб., 1905, стр. 2013.
- ³⁵ Д. Банзаров. Указ. раб., стр. 175—177.
- ³⁶ «Материалы по истории Сюнну...», стр. 45.
- ³⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 27, 33; Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 343.
- ³⁸ «Нюргун Бостур Стремительный». Перевод, предисловие и примечание Г. Эргис. Якутск, 1947, стр. 67.
- ³⁹ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Переиздание 1959 г. ст. 383, 1793, 3721; П. А. Ойунский. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. — «Сочинения», т. 7, Якутск, 1962, стр. 132.
- ⁴⁰ Э. К. Пекарский. Словарь... ст. 3530, 2394, 2348.
- ⁴¹ «Материалы по истории Сюнну», стр. 129; W. McGovern. The Early Empires of Central Asia. N. Y., 1939, стр. 470; E. H. Parker. A Thousand Years of the Tartars. London, 1924, стр. 7—18.
- ⁴² Н. В. Кюнер. Указ. раб., стр. 106, 133 и др.
- ⁴³ «Лидай гэцзу чжуаньцзи Хуйбянь» (Сборник материалов по истории народностей Китая), под редакцией группы, руководимой бывшим ректором Пекинского университета Цзян Боцзяня. Пекин, 1958, стр. 21 (на кит. яз.).
- ⁴⁴ Родословную гунских шаньюев см.: А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951, стр. 222—224; Л. Н. Гумилев. Хунну (таблицы). М., 1960, стр. 253—288.
- ⁴⁵ Б. А. Панов. Указ. раб., стр. 56—64.
- ⁴⁶ Там же, стр. 62; К. Иностранцев. Указ. раб., стр. 142.
- ⁴⁷ Э. Пуллибанк. Указ. раб., стр. 242—254.
- ⁴⁸ «Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии», М., 1949, стр. 125.
- ⁴⁹ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 223.
- ⁵⁰ Ф. С. Фасеев. Указ. раб., стр. 134.
- ⁵¹ Э. К. Пекарский. Словарь... ст. 1245.
- ⁵² Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, стр. 13.
- ⁵³ Н. В. Кюнер. Указ. раб., стр. 36—38.
- ⁵⁴ А. Н. Бернштам. Указ. раб., стр. 215; его же. Происхождение турок. — Журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», М.—Л., 1935, № 5—6, стр. 52.
- ⁵⁵ «Материалы по истории сюнну (по китайским источникам)». Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968, стр. 9, 10, 34; Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960, стр. 11—48; Фань Вэньлань. Древняя история Китая. М., 1958, стр. 102; «Лидай гэцзу чжуаньцзи Хуйбянь» (Сборник материалов по истории народностей Китая (на кит. яз.). Вып. 1, Пекин, 1958, стр. 3; Цзи Юн. Ханьдай дуйсюннуду фаньюй чжаньчжэнь (Оборонительные войны против сюнну в эпоху Хань (на кит. яз.). Шанхай, 1955, стр. 2—3.
- ⁵⁶ «Материалы по истории сюнну», стр. 12—13.
- ⁵⁷ «Очерки истории Китая». Под ред. Шан Юэ. М., 1959, стр. 59.
- ⁵⁸ Махмуд Кошқарий. Девону луботит турк. Т. III, Ташкент, 1963, стр. 256; «Араб-филолог о турецком языке». Перевод, введение и издание П. М. Мелиоранского, СПб., 1900, стр. 085.
- ⁵⁹ «Русско-алтайский словарь». Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1964, стр. 152.
- ⁶⁰ «Китайско-русский словарь». Под ред. И. М. Ошанина. М., 1959, стр. 483.
- ⁶¹ Махмуд Кошқарий. Девону луботит турк. Т. III, стр. 390.
- ⁶² «Араб-филолог...», стр. 0118.
- ⁶³ «Русско-алтайский словарь», стр. 755.
- ⁶⁴ Э. К. Пекарский. Словарь... ст. 2085.
- ⁶⁵ «Китайско-русский словарь», стр. 582.
- ⁶⁶ Махмуд Кошқарий..., т. I. Ташкент, 1960, стр. 116.
- ⁶⁷ «Киргизско-русский словарь». Сост. К. К. Юдахин. М., 1965, стр. 943.
- ⁶⁸ «Русско-алтайский словарь», стр. 688.
- ⁶⁹ «Китайско-русский словарь», стр. 49.
- ⁷⁰ Там же, стр. 231.
- ⁷¹ «Монгольско-русский словарь». Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957, стр. 683.
- ⁷² Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1969, стр. 32—37.
- ⁷³ Т. Р. Рахимов. Китайские элементы в современном уйгурском языке. Словарь. М., 1940, стр. 156, 224.
- ⁷⁴ «История Сибири», Л., 1968. I, стр. 251. История Сяньби (тоба) нашла хорошее освещение в трудах Н. Я. Бичурина, Н. В. Кюнера, Л. И. Думана, Л. Н. Гумилева и других советских востоковедов.
- ⁷⁵ Peter A. Boodberg. The language of the To-Pa Wei. — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 1, № 2, 1936.
- ⁷⁶ Л. Лигети. Табгачский язык — диалект сяньбийского. — Журн. «Народы Азии и Африки», 1969, № 1.

⁷⁷ Первое слово — транскрипция китайских иероглифов, последующее — реконструкция древнетюркского архетипа П. Будбергом.

⁷⁸ П. Будберг. Указ. раб., стр. 140.

⁷⁹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «в», «г» и «д». М., 1980, стр. 233—235.

⁸⁰ Г. В. Ксенофонов. Ураангхай-сахалар. Иркутск, 1937, стр. 143—144.

⁸¹ Махмуд Кошқарий..., т. 3, стр. 234; ДТС, стр. 221.

⁸² В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV, ч. 1, СПб., 1911, стр. 249.

⁸³ Э. К. Пекарский. Словарь..., ст. 3434—3435.

⁸⁴ P. Boodberg. Two notes on the history of the Chinese frontier. — «Harvard Journal of Asiatic Studies». Vol. 1, № 3—4, стр. 300, 305.

⁸⁵ G. Clauson. Turk, Mongol, Tungus, Asia Major. New series, vol. 8, part 1, London, 1960; *Ibid.* The Earliest Turkish Loan Words in Mongolian. Central Asiatic Journal, vol. V, № 3, Wiesbaden, 1959; *его же.* Turkish and Mongolian Studies. London, 1962; Специальная глава — Chapter II. The Relationship Between Turkish and Mongolian.

⁸⁶ Н. А. Баскаков. Тюркские языки, стр. 35.

⁸⁷ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, стр. 160.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. ЧАРИЕВ

ПРИРОДА СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ПРЯЖАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

При анализе синтаксических связей компонентов предложения существуют два аспекта оценки: формально-морфологический и функционально-синтаксический. Тюркологи, основывающиеся на формально-морфологическом анализе при определении синтаксической связи между компонентами притяжательной конструкции (тюркский изафет II, тюркский изафет III), не приходят к однозначным выводам. Одни исследователи, объединяя II и III типы изафета, именуют такого рода связь «соподчинением», «отражением», «притяжением», «комбинированным согласованием», «управляемым согласованием», «изафетом» и т. д. Другие — определяют связь в I типе изафета как «управление», «согласование», «примыкание», «частичное сопряжение», а во II типе — как «согласование», «управление», «полное сопряжение»¹.

В русской теории синтаксиса, начиная с появления «Исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева², была сделана попытка охарактеризовать подобную связь, основываясь на едином морфологическом признаке, как согласование определения с определяемым. Однако морфологический подход в трактовке определения как члена предложения был несколько неудобным, во-первых, из-за того, что в качестве определения выступают не только согласуемые формы прилагательных, но и управляемые формы существительных, и, во-вторых, потому, что в других языках определение, выраженное прилагательным, сочетается с определяемым посредством примыкания. Таким образом, опора на морфологические особенности синтаксических единиц не является надежным критерием членения предложения³ и «на такой зыбкой формальной основе нельзя было и приступать к типологическому анализу языков в области синтаксиса»⁴. М. А. Казем-Бек справедливо заметил, что «совокупление слов при согласовании должно быть рассматриваемо совсем с другой точки (курсив наш. — А. Ч.), нежели совокупление слов при синтаксическом влиянии одного на другое»⁵.

А. М. Мухин, разграничивая единицы морфологического и синтаксического, а также лексического и синтаксического уровней языка, пришел к выводу, что понятие управления относится к лексическому уровню. Лексема, элементарная лексическая единица, устанавливается на базе управления в рамках лексических конструкций-фраз. При этом он считает, что «...и дополнение и определение поддаются истолкованию как элементы лексических конструкций — фраз, возникающих в одном случае на основе связи управления, в другом — на основе атрибутивной связи»⁶.

Функционально-синтаксический подход связан с членением предложения и с выделением элементарных синтаксических единиц в структуре предложения. Преимущество данного подхода отмечалось еще М. А. Казем-Беком, указывавшим, что при сочетании синтаксических единиц обнаруживается «внутренняя независимая и зависимая или относительная связь»⁷. Причем под первой он имел в виду связь между подлежащим и сказуемым (ср. его пример: «мы любовались»), а под второй — связь других синтаксических единиц. Н. В. Крушевский писал, что «каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре и значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах», что связи между словами бывают двух порядков — «порядка сосуществования (сходство) и порядка последовательности (смежности)»⁸. Эта глубокая мысль явилась предвестником разграничения двух типов отношений между единицами языковых структур, парадигматического (ассоциативного) и синтагматического, получившего всеобщее признание лишь после выхода в свет «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

А. И. Смирницкий различает предикативную, атрибутивную, комплетивную и копулятивную связи⁹. Л. С. Бархударов, опирающийся на материалы английского языка, говорит о подчинительной, сочинительной и предикативных связях¹⁰. Кроме того, он подразделяет синтаксическую связь на непосредственно составляющую и трансформационную, отмечая, что в любом языке существует не одна, а несколько типовых структур предложения, взаимные отношения между которыми образуют синтаксическую парадигматику¹¹. Л. Блумфилд различает эндоцентрическую и экзоцентрическую связи. Под первой из них он понимает сочинительную и подчинительную связи, а под второй — связь типа «действие—действие», например, *John ran* 'Джон бежал', *if John ran away* 'если Джон убежал'¹². О. Есперсен в сочетаниях типа *the doctor arrived* 'доктор прибыл', *I saw that the doctor arrived* 'я видел, что доктор прибыл', *I saw the doctor arrive* 'я видел, как прибывал доктор', *I saw the doctor's arrival* 'я видел прибытие доктора', *the doctor is clever* 'доктор умен' и *the doctor's cleverness* 'ум доктора' усматривает наличие одного и того же типа синтаксической связи, именуемого им «нексусом»¹³ (от лат. *nexus* 'связывание', 'сплетение'). Он подчеркивает, что «с одной стороны, наличие предикативной формы глагола для нексуса является необязательным, а с другой стороны, нексус не всегда представляет собой законченное предложение»¹⁴.

В синтаксической теории, разработанной А. М. Мухиным, указывается на необходимость расщепления традиционного понятия члена предложения на две элементарные синтаксические единицы: компонент — поверхностную структуру предложения и синтаксему — глубинную структуру.

Единицы первого рода выделяются в результате противопоставления друг другу, то есть на базе синтагматического отношения элементов в пределах одного предложения. Они характеризуются дифференциальными синтаксическими признаками (ядерность — N, неядерность — $\bar{N}$, предципируемость — P_1 , предципирование — P_2 , зависимость — D, однородность — H, вводность — P_{ag} , аппозитивность — A)¹⁵. При комбинации этих признаков получаются NP_1 — ядерный предципируемый, NP_2 — ядерный предципирующий, $\bar{N}P_1$ — неядерный предципируемый, $\bar{N}P_2$ — неядерный предципирующий и т. д.

Синтактико-семантические же признаки второго рода единиц выявляются при сопоставлении элементов в двух и более предложениях, то есть на базе парадигматических рядов (аппозитивных и эквивалентных) синтаксических элементов. Основанием для выделения как компонентов предложения, так и синтаксем являются только синтаксические связи.

А. М. Мухин с учетом функционально-синтаксического критерия выделяет в простом предложении следующие синтаксические связи: ядерную предикативную и неядерную предикативную, субординативную, координативную, интродуктивную и аппозитивную и указывает, что только первая из них может выступать сама по себе, независимо от наличия другой синтаксической связи, играя роль структурной основы предложения, в то время как остальные включаются в предложения лишь при ее наличии. При этом как ядерная предикативная, так и неядерная предикативная являются двусторонненаправленными синтаксическими связями. Следовательно, синтаксическая связь может быть односторонненаправленной и двусторонненаправленной. На базе односторонненаправленной связи, а именно субординативной, только один из компонентов предложения или синтагмы может получить свою синтаксическую характеристику. На базе же двусторонненаправленной синтаксической связи (ядерная предикативная и неядерная предикативная) синтаксическую характеристику получают оба компонента: один из них характеризуется признаком предиктируемости, другой — признаком предиктирования. Кроме того, в зависимости от синтагматических отношений элементов синтаксическая связь может быть одинарной, двойной и тройной¹⁶. Соответственно компонент предложения или синтагмы, содержание которого устанавливается с учетом двойной синтаксической связи, именуется двухвалентным, а компонент, содержание которого устанавливается на основе одинарной связи, — одновалентным. Исходя из этого, нами были выделены в узбекском языке два типа¹⁷ притяжательной конструкции: одновалентный и двухвалентный. В одновалентном типе зависимый компонент притяжательной конструкции, выраженный родительным падежом, имеет одинарную связь, а в двухвалентном типе он имеет двойную связь.

Выделяя неядерную предикативную связь в простом предложении, следует сказать несколько слов о встречающейся в тюркологической литературе грамматической характеристике следующих притяжательных конструкций узбекского языка: а) *Саври йўлининг яшириб қўйган хатларини топиб олди* 'Саври нашла письма, спрятанные ее сыном' (И. Р., с. 79); б) *йўловчи унинг қайтиб келишини кутиб тўхтади* 'путник остановился ожидая, когда он вернется' (Қ. А., с. 120); в) *Ботирали унинг нима демоқчи бўлганини тушуна олмади* 'Батырали не мог понять, что он хотел сказать' (Х. Ф., с. 138); г) *у Гулнорнинг қаердалигини сўради* 'он спросил о том, где находится Гюльнар' (О., с. 211—212); д) *чана судраб келаётган одамнинг ким эканлиги...* 'кто тот человек, волокущий салазки...' (Қ. А., с. 12); е) *Сотиволдиннинг шаҳарга тушганда врач олиб чиқишдан бошқа иложи қолмади* 'у Сатывалды, когда он попал в город, не оставалось иного выхода, кроме как привести врача' (Х. Ф., с. 554).

Некоторые тюркологи при изучении и описании притяжательных конструкций с именем действия, причастием и деепричастием отмечают наличие в них скрытой или явной предикативности. Однако в истолковании их синтаксической сущности мнения исследователей расходятся¹⁸.

Одни рассматривают их как придаточные предложения, другие утверждают, что причастные и деепричастные, а также отглагольно-именные конструкции должны рассматриваться как придаточные предложения лишь в тех случаях, когда субъектная часть в них имеет форму именительного падежа¹⁹. Существует также мнение, что причастные, деепричастные и отглагольно-именные конструкции во всех случаях являются компонентами простого предложения. Н. А. Баскаков²⁰ еще в 1940 году отмечал, что подобные зависимые конструкции являются результатом трансформации самостоятельного предложения в часть более сложного синтаксического единства. В связи с этим, естественно, возникает вопрос: может ли быть в простом предложении два предикативных центра? Сторонники последней точки зрения допускают такую возможность²¹ или же рассматривают оборот как незаконченное предикативное построение²², служащее «целям распространения какой-либо части независимого предложения»²³. Здесь уместно привести замечание Э. В. Севор-тяна о том, что предикативность слова нельзя отождествлять со спряжением глагола: «Если предикативность в тюркских языках представляет собой одно из свойств слова в предложении, то спряжение составляет свойство глагола...»²⁴. А. П. Поцелуевский считает такие сочетания, как *бизиң баран ёлымыз* 'путь, по которому мы идем' и *үч атлының өзлерине тарап гелиэнини гордилер* 'они увидели, что по направлению к ним приближаются три всадника', потенциальными предложениями и подчеркивает, что «они являются ничем иным, как изафетом, первый член которого представляет собой субъект зависимого суждения, а второй — предикат этого же суждения»²⁵. А. Г. Гулямов, противопоставляющий сочетание *ёш бола* сочетанию *чопаётган бола*, указывает, что причастное определение сохраняет глагольные свойства и поэтому обладает признаком вторичной предикативности²⁶, ср. *бу бүйөк ва безаклар Тошкентни тиклаётган қурувчиларнинг бир йиллик иш якунларини ҳикоя қиларди* 'эти краски и украшения повествовали об итогах работы за год строителей, восстанавливающих Ташкент' (И. Р., с. 245). По мнению Н. М. Сазоновой, которая опирается на материалы английского и украинского языков, «предикативная связь как утверждение наличия или отсутствия связи предметов или явлений внеязыковой действительности в их бытии и существовании связывает не только главные члены (подлежащее и сказуемое), но и некоторые другие члены предложения, где в отличие от первых предикативность можно назвать вторичной»²⁷.

Нетрудно заметить, что соображения, высказанные относительно возможности выделения второго предикативного центра в простом предложении, в принципе совпадают с обоснованием существования неядерной предикативной связи. Следует отметить, что в притяжательной конструкции с неядерной предикативной связью опорный компонент характеризуется следующими грамматическими особенностями:

1) имеет форму отрицания, ср. *Шарофатхон қўргонча эшигидан қараб, эрининг жўнамаганига тушуна олмай, супага келди* 'Шарофатхан, смотревшая через дверь усадьбы, подошла к супе, не понимая, почему муж не ушел' (О., с. 301), *эр-хотин унинг хурсанд эмаслигини биринча марта сезишди* 'муж и жена впервые почувствовали, что она не была рада' (Т. Д., с. 52);

2) имеет форму залога, ср. *Ўртоқ Кодировнинг уни эркалатгани...* 'товарищ Кадыров избаловал ее...' (А. Қх., с. 55), *Нажмиддинбойнинг бир вақтлар мачит солдиргани...*

‘когда-то Нажмиддинбай заставил (~распорядился) построить мечеть...’ (О., с. 150), *бу сирнинг очилмаслиги учун поччамга беш минг сўм, элликбошига минг сўм пул беришга мажбур бўлдим* ‘я был вынужден отдать пять тысяч рублей зятю и тысячу рублей элликбаши, чтобы этот секрет не раскрылся’ (О., с. 302);

3) имеет форму времени, ср. *уларнинг ўтирган уйлари совуқ* ‘комната, в которой они живут, холодная’ (С. А., с. 197), *Шахлонинг қишлоқ хўжалиги институти механизация факультетини тугатганига ҳам тўрт йил бўлди* ‘уже исполнилось четыре года с тех пор, как Шахла закончила факультет механизации Института сельского хозяйства’ (С. Ах., с. 28), *Шахло қизларнинг қизиқаётганини билиб асл мақсадга қўймоқчи бўлди* ‘узнав, что девушки интересуются, Шахла решила перейти к существу дела’ (С. Ах., с. 34);

4) выступает в составе аналитического образования, ср. *отамнинг бу ерда ишлай бошлаганига мана эллик йил тўлибди* ‘вот уже исполнилось пятьдесят лет, как мой отец начал работать здесь’ (С. А., с. 93), *йўловчи унинг қайтиб келишини кутиб тўхтади* ‘путник остановился ожидая, когда он вернется’ (Қ. А., с. 120), *Нури эллик қадамча босиб, Абдисатторнинг ювиниб бўлишини кутиб тўхтади* ‘сделав шагов пятьдесят, Нури остановился, ожидая пока Абусаттар моется’ (П. Т., с. 49);

5) имеет при себе дополнение и обстоятельство²⁸, ср. *менинг сизга дўст эканимни унутманг* ‘не забывайте, что я вам друг’ (Н. О., с. 260), *унинг Санобар ҳақида бошлаган мақоласи кейинча бадиий очеркка айланиб кетди* ‘его статья, посвященная Санобар, позднее превратилась в литературный очерк’ (С. А., с. 28), *овулдан келган полвоннинг цирк бошлиғи билан гаплашаётганини кўриб, анча томошабин тўпланиб қолган* ‘много зрителей собралось, увидев, что борец, приехавший из аула, разговаривает с руководителем цирка’ (Қ. А., с. 101);

6) сочетается с причастной формой *экан* (или ее вариантом *эканлик*) от недостаточного глагола *-э(р)*, обычно выступающей в функции связки²⁹, или с аффиксом *-лик*, являющимся функциональным эквивалентом формы *экан(лик)*³⁰, ср. *у Гулнорнинг қаердалигини сўради* ‘он спросил о том, где находится Гюльнар’ (О., с. 211—212), *Гулнор бу ёш кишининг элликбоши эканини билгач, ғазаби шиддатланди* ‘узнав, что этот молодой человек элликбаши, Гюльнар возмутилась’ (О., с. 258), *чана судраб келаётган одамнинг ким эканлиги...* ‘кто тот человек, волокущий салазки...’ (Қ. А., с. 12).

Таким образом, компонент, выраженный родительным падежом, в рамках одновалентной притяжательной конструкции может устанавливаться на базе двух одинарных связей: двусторонненаправленной неядерной предикативной или односторонненаправленной субординативной. Следовательно, можно сказать: а) одновалентная притяжательная конструкция с неядерной предикативной связью; ср. *сизнинг бундай бераҳм эканлигингизни билганим йўқ эди* ‘я не знал, что вы так безжалостны’ (И. С., с. 78), *партия ташкилоти уларнинг қаерда эканини биладими?* ‘знает ли партийная организация, где они находятся’ (Н. О., с. 320); б) одновалентная притяжательная конструкция с субординативной связью; ср. *Мунавварнинг юзининг ўти чиқиб кетди* ‘лицо Мунаввар запыхало’ (С. А., с. 190).

В двухвалентном типе притяжательной конструкции распространяющие синтаксические единицы, выраженные неличными формами глагола, могут выступать перед зависимым компонентом или после него, выраженного родительным падежом. Здесь зависимый компонент притяжательной конструкции имеет двойную связь: он связан одновременно и с распространяющим членом, и с опорным компонентом, ср. *уларнинг қуриб берган уйлари* 'дом, который они строили' (И. С., с. 18), *Ботиралини отган қотилнинг тўппончаси* 'пистолет убийцы, который стрелял в Батырали' (Х. Ф., с. 236), *шоир Юнус Латифининг мен ўқиётган транспорт техникумига адабиёт муаллими бўлиб келиши* 'приход поэта Юнуса Латифа в качестве учителя литературы в транспортный техникум, в котором я учусь' (Ш., с. 5).

В заключение необходимо выяснить еще те синтаксические связи, которые имеются между причастной формой на *-ган* и опорным компонентом в первом подтипе двухвалентной притяжательной конструкции. В тюркологической литературе указывается, что в причастной конструкции определяемый компонент, выраженный именем существительным, обозначает объект действия, место действия, время действия и т. д., выражаемые причастием³¹, а причастие на *-ган* выступает в роли определения определяемого компонента.

С. Н. Иванов отмечает, что «анализ всех возможных при причастии типов определяемого приводит к одному принципиально важному выводу: диапазон допускаемых причастиями определяемых тесно связан с падежной системой. В позиции определяемого при причастии употребляются такие имена существительные, которые при „обратной” связи с глагольной формой (т. е. не „причастное определение + определяемое”, а „зависимое слово + глагольная форма”) могут иметь при управляющем глаголе форму любого падежа (кроме родительного)»³². Ср., например, эксперимент-трансформации вербализации: *ўқиган китобим* 'книга, которую я читал' → *мен китоб ўқидим* 'я читал книгу', *келган уйим* 'дом, которому я пришел' → *мен уйга келдим* 'я пришел к дому', *ўқиган мактабим* 'школа, в которой я учился' → *мен бу мактабда ўқиганман* 'я учился в этой школе', *ўқиган вақтим* 'время, когда я учился' → *мен шу вақтда ўқиганман* 'я учился в это время' и т. д.³³

Из вышеуказанного можно сделать вывод, что опорный компонент, выраженный именем существительным, первого подтипа двухвалентной притяжательной конструкции, с причастной формой на *-ган* устанавливается на базе субординативной связи, с одной стороны, и причастие на *-ган* также с определяемым компонентом, то есть опорным компонентом названной конструкции, сочетается на основе субординативной связи, с другой. Следовательно, две субординативные связи взаимно встречаются в одном сегменте синтаксической структуры. Поэтому, данную связь можно именовать противоположенанправленной мутуально- (от лат. *mutuum* 'взаимость') субординативной. Теперь рассмотрим синтактико-семантические признаки второго и третьего компонентов, выявляемые с учетом синтаксических связей, следующего предложения *унинг ўқиган китоби қизиқ* 'книга, которую он читал, интересная'. Здесь второй компонент (*ўқиган*) выражает активный признак первого компонента (*унинг*), устанавливаемого с учетом неядерной предикативной связи, и вместе с тем он выступает в роли квалификативного элемента третьего компонента (*китоб*) — с учетом субординативной связи. В содержании же компонента *китоб* устанавливаются синтактико-семантические признаки объектности по отношению к элементу *ўқиган* (с учетом субор-

динативной связи) и носителя качества (на основе ядерной предикативной связи) в сочетании с четвертым элементом (*қизиқ*).

¹ См. подробнее об истории изучения синтаксической связи в названной конструкции в статье: А. Чариев. К изучению синтаксической связи в притяжательно-определятельной конструкции в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1974, № 2, стр. 26—33.

² Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1869.

³ См.: А. М. Мухин. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.—Л., 1964, стр. 36, 52; А. А. Холодович. О второстепенных членах предложения (из истории и теории вопроса). — «Филологические науки», 1959, № 4, стр. 19, 23.

⁴ См.: А. М. Мухин. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1976, стр. 156.

⁵ М. А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Изд. 2. Казань, 1846, стр. 372.

⁶ См.: А. М. Мухин. Лингвистический анализ, стр. 160, 111—205; *его же*. Синтаксический анализ и проблемы уровней языка. Л., 1980, стр. 51—134.

⁷ М. А. Казем-Бек. Указ. раб., стр. 371.

⁸ Н. В. Крушевский. Очерки науки о языке. — В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М., 1964, стр. 291.

⁹ См.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 173—184.

¹⁰ См.: Л. С. Бархударов. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966, стр. 35.

¹¹ Л. С. Бархударов. О двух типах синтаксической связи слов в предложении. — «Иностранные языки в школе», М., 1967, № 4, стр. 16.

¹² См.: Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 206—208.

¹³ См.: О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 131, 135.

¹⁴ Там же, стр. 131.

¹⁵ См.: А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., 1968, стр. 151; *его же*. Аппозитивная связь в структуре предложений (на материале русского языка). — В сб.: «Исследование по славянской филологии». Сборник статей, посвященный памяти академика В. В. Виноградова. М., 1977, стр. 240—246; *его же*. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы, стр. 145.

¹⁶ См.: А. М. Мухин. Структура предложений и их модели, стр. 92—95, 114—132, 169.

¹⁷ См.: А. Чариев. Структурно-морфологическая и лексико-грамматическая характеристика притяжательной конструкции с родительным падежом в узбекском языке. — «Советская тюркология», 1975, № 6, стр. 16—18; *его же*. Притяжательная конструкция с родительным падежом в узбекском и английском языках. — В сб.: «Исследования по грамматике языков народов СССР», М., 1975, стр. 12—14.

¹⁸ См. подробнее об этом: «Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках», Алма-Ата, 1958, стр. 79—245; Ч. Ю. Латыпов. О субъектно-предикативных связях между членами синтаксических структур с неличными формами глагола в английском и тюркских языках. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 69—77; Ш. С. Айяров. Развернутые члены предложения в современном турецком языке. М., 1974.

¹⁹ Ср. в этой связи замечание С. Н. Иванова: «Как правило, тюркологи ищут в строе тюркских языков различные типы придаточных предложений в том понимании последних, какое сложилось на основе изучения языков иного строя. Между тем более основательным в этом вопросе был бы метод, при котором без какого-либо внимания к терминам как таковым выявились бы система зависимых глагольных конструкций и отношения различных типов их друг к другу (а не к типам придаточных предложений других языков, как это обычно делается), а потом уже подыскивались бы наиболее удачные названия для них» (С. Н. Иванов. К проблеме придаточных предложений в тюркских языках. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1977», М., 1981, стр. 115).

²⁰ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М., 1940, стр. 123. См. еще: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). Л., 1959, стр. 86—88; *его же*. К проблеме придаточных предложений..., стр. 109—116; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 207—334.

²¹ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 437; С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка. Л., 1959, стр. 50, 73—74, 83, 85, 91.

- ²² См.: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 217.
- ²³ Э. В. Севортян. О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. Синтаксис. М., 1961, стр. 125.
- ²⁴ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 219.
- ²⁵ А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского языка. Ашхабад, 1943, стр. 67—69.
- ²⁶ См.: А. Ф. Фуломов, М. А. Асқарова. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Синтаксис. Тошкент, 1965, стр. 131.
- ²⁷ Н. М. Сазонова. Предикативные структуры в современном английском языке. Киев, 1969, стр. 14.
- ²⁸ См.: А. Ф. Фуломов, М. А. Асқарова. Указ. раб., стр. 131.
- ²⁹ С. Н. Иванов, приводя примеры *бу китоб қизиқ эканини билдим ~ бу китоб қизиқ эканлигини билдим* 'я узнал, что эта книга интересна', справедливо отмечает, что «каких-либо принципиальных различий в значении между формами *экан* и *эканлик* нет» и, следовательно, «в притяжательных словосочетаниях рассматриваемого типа форма *экан(лик)* является формальным элементом, грамматически обозначающим идею состояния, лексическое выражение которой сосредоточено в стоящем перед формой *экан(лик)* слове или словосочетании, и одновременно включающим это слово или словосочетание в конструкцию *изафета*» (С. Н. Иванов. Модальная связка *экан* и форма *эканлик* в узбекском языке. — «Ученые записки ЛГУ», № 256. Серия востоковедческих наук, вып. 7, 1958, стр. 140—141).
- ³⁰ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 374; С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 143, 144.
- ³¹ См.: С. Н. Иванов. К проблеме придаточных предложений в тюркских языках (Изыяснительные причастные конструкции в узбекском языке и вопрос о трансформации). — «Тюркологический сборник. 1977», М., 1981, стр. 110.
- ³² Там же, стр. 113.
- ³³ Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- И. Р. — Иброҳим Раҳим. Тинимсиз шаҳар. Тошкент, 1971.
- Қ. А. — Қалмақан Абдуқодиров. Ҳожимуқон. Тошкент, 1971.
- Ҳ. Ғ. — Ҳамид Фулом. Машғал. Тошкент, 1970.
- О. — Ойбек. Қутлуг қон. Тошкент, 1957.
- Т. Д. — Теодор Драйзер. Бахти қаро Керри. Тошкент, 1973.
- А. Қҳ. — Абдулла Қаҳҳор. Синчалак. Тошкент, 1959.
- С. А. — Суннатулла Анорбоев. Мунавварнинг тақдир. Тошкент, 1971.
- С. Аҳ. — Саид Аҳмад. Танланган асарлар, биринчи том. Тошкент, 1971.
- П. Т. — Парда Турсун. Элга навбат. Тошкент, 1969.
- Н. О. — Николай Островский. Пулат қандай тобланди. Тошкент, 1953.
- И. С. — Исҳоқ Содиков. Фарғона зулмат қўйнида. Тошкент, 1972.
- Ш. — Шухрат. Танланган асарлар, биринчи том. Тошкент, 1971.

А. А. АЛИЕВ

ЯВЛЕНИЕ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

К числу выразительных средств языка, позволяющих усилить его эмоциональное воздействие, наряду с эллипсисом и инверсией относится и парцелляция, широко распространенная в современном языке художественной прозы.

Парцелляцией, как известно, именуется выражение мысли путем ее уточнения посредством нескольких дополнительных предложений (франц. *parceller* означает «разделение на мелкие части»), то есть высказывание в связи с возникшей в процессе общения психологической ситуацией дробится на небольшие речевые отрезки, следующие после основного предложения и выполняющие различные стилистические функции.

Дробление речи в процессе устного общения связано в первую очередь со спонтанностью, своего рода предварительной неподготовленностью информации, сообщаемой говорящим адресату. Явление парцелляции прежде всего проявляется в диалогической речи, поэтому большинство исследователей характеризует ее как синтаксическую особенность устного языка. Парцелляцию в книжно-письменных разновидностях языка следует считать последующим, вторичным процессом, то есть это стилистико-синтаксическое средство, проникшее из устной речи в письменный язык и приобретшее системность употребления.

В тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, как в устной, так и письменной формах парцеллированные конструкции весьма употребительны. Тем не менее в тюркологии до сих пор отсутствуют специальные исследования по этому вопросу, за исключением нескольких статей [1; 2; 3]. В азербайджанском языкознании при изучении материалов по истории языка, а также диалектных данных парцеллированные конструкции рассматриваются как примыкающие предложения [4; 5; 6].

Парцеллированную конструкцию можно подразделить на две части: главную — несущую наиболее важную семантическую нагрузку и составляющую основное предложение, и дополнительную часть, или же парцеллят, всегда находящуюся в подпозиции. Парцеллятов может быть два и более. Парцеллированная конструкция характеризуется специфической интонацией, которая позволяет отличить ее от всех остальных. Парцелляты, как правило, от предшествующего предложения отделяются точкой, однако в семантическом отношении и по своей синтаксической структуре зависят от него, то есть служат выражению общей мысли, заключенной в основном предложении [1, с. 280]. Напри-

мер: *Она көрә дә һәр илмә элимин алтында илаһи бир нәғмә охујурду. Нискилли мәһәббәт нәғмәси* 'Поэтому каждая петля под моими пальцами пела божественную песнь. Жалобную песнь любви'; *О көзләр Пушкини көрмәмишди, лакин Пушкин кәдәри, Пушкин фачиәси о көзләрдә, әбәди һәкк олунмушду. «Шәрг поемасы»нын аһлы-һарајлы мисраларыјла!* (журн. «Азәрбајҹан», 1981, № 2) 'Эти глаза не видели Пушкина, однако скорбь Пушкина, трагедия Пушкина были навечно запечатлены в этих глазах. Жалостливыми, стонущими строками «Восточной поэмы»'.

Как видно из этих примеров, парцелляты следуют за основным предложением (то есть за семантическим центром выражаемой мысли) и образуют с ним синтактико-семантическую связь. Члены постпозитивного предложения грамматически тесно связаны с членами основного предложения, а в семантическом отношении они дополняют его, усиливая эмоциональное воздействие.

Явление парцелляции в художественной прозе наблюдается как в авторском повествовании, так и в речи персонажей. Парцеллированные конструкции в языке автора особенно ярко характеризуют индивидуальный стиль писателя. Парцелляты в языке персонажей усиливают эмоциональное воздействие их речи.

Парцеллированные конструкции по способу выражения основной мысли имеют две разновидности:

1) несамостоятельные парцелляты, то есть полностью зависящие от основного предложения; они могут быть восстановлены в пределах одного предложения;

2) самостоятельные по отношению к основному предложению парцелляты, которые невозможно восстановить в рамках одного предложения.

Парцелляты первого типа образуются в результате необходимого факультативного дробления выражаемой мысли. Их семантическая и грамматическая связь с основным предложением весьма сильна. Парцеллы здесь выступает в роли модели пропущенного в основном предложении члена (этот пропуск в устной речи может быть случайным, в письменной носит целенаправленный характер). Парцелляты подобной структуры невозможно представить вне основного предложения; реализация пропущенного в таком предложении члена посредством парцеллирования способствует эмоциональному оформлению общей мысли, которая хотя и угадывается, однако не находит полного выражения в основном предложении. Например: *Дәрк едилмиш мәһәббәт ики гәт ағырдыр. Урәк үчүн дә, шуур үчүн дә* (журн. «Азәрбајҹан», 1981, № 2) 'Осознанная любовь вдвойне тяжела. И для сердца, и для сознания'; *Гызыл сөјүдләрин чәркәләндији јашыл дәһлизи хатырладан хијабаны әввәлчә мәктәб директору, сонра да әјин-башлары сәлигә-саһманлы ики нәфәр кәлиб кечди. Тәләм-тәләсик, саламсыз-сабаһсыз* (журн. «Азәрбајҹан», 1979, № 1) 'По аллее, образованной золотыми ивами и напоминающей зеленый коридор, вначале прошел директор школы, а затем двое аккуратно одетых мужчин. Торопливо, без всякого приветствия'.

Как видно из приведенных примеров, парцелляты подобной структуры как в устной, так и в письменной речи грамматически тесно связаны с основным предложением, а в семантико-синтаксическом отношении полностью зависят от него. В отвлечении от основного предложения легко обнаруживается их незаконченный, отрывочный характер. Таким образом, обязательной является синтаксическая связь (согласование, управление, примыкание) между основным предложением и парцелля-

том, грамматически полностью зависящим от этого предложения и вне его не функционирующим. Подобные парцелляты обычно используются для усиления художественного эффекта речи.

В парцеллятах данной группы мысль, содержащаяся в основном предложении, получает, как уже отмечалось, дальнейшее развитие, то есть наблюдается ее факультативное расширение. По сравнению с основным высказыванием парцеллированная конструкция содержит относительно новую информацию. Член предложения, выходящий за пределы основной структуры (такую структуру можно назвать и нормативной), может быть восстановлен в рамках одного предложения. Парцелляты данной группы выступают «в качестве зависимых предложений, факультативно расширяющих каждое слово либо всю предикативную основу базовой структуры» [1, с. 289]. Такие парцелляты функционируют в роли определения, подлежащего, дополнения и — чаще всего — обстоятельства. Кроме того, по отношению к каждому из членов базовой структуры они могут выступать в качестве однородного и обособленного членов, а также приложения.

Несамостоятельные парцелляты, факультативно расширяющие предикативную базу основного предложения и иногда создающие обязательную связь, могут выполнять относительно основного предложения функции следующих членов:

а) дополнения, иногда однородных дополнений. Синтаксическая связь в данном случае обязательна. Например: *Инчэвара бирчэ куллэ дэјди. Ширин этдэн* (журн. «Азэрбајчан», 1980, № 1) 'К счастью, попала всего одна пуля. В мягкое место'; *О, үсјан едирди. Эдалэтсиз зема-најэ, һагсызлыға, ғырылдагчы һачылара, моллалара, ахундлара* (журн. «Азэрбајчан», 1981, № 2) 'Он бунтовал. Против несправедливой эпохи, бесправия, против мошенников и плутов гаджи, мулл, ахундов'.

Для подобных парцеллят нехарактерно сообщение дополнительной информации и распространение сообщаемой мысли. Они больше употребляются в устной речи и в отдельных случаях — в языке художественных произведений (в речи персонажей). Обязательное прерывание речевой цепочки происходит тогда, когда в процессе общения выпадает из памяти говорящего тот или иной необходимый член, и для того чтобы восстановить синтаксическую связь, забытый член после небольшой паузы доводится до сведения собеседника;

б) однородных дополнений и приложения к дополнению. В этом случае синтаксическая связь является факультативной. Объект, в общих чертах обозначенный в основном предложении, здесь поясняется и конкретизируется. Автор привлекает внимание читателя к данному объекту и тем самым как бы создает возможность следить за развитием последующих событий. Например: *О һамыја меһрибандыр. Касыба да, варлыја да* (журн. «Азэрбајчан», 1979, № 11) 'Он приветлив со всеми. И с бедными, и с богатыми'; *Даһа доғрусу, баш һәкимин бир һасијјәтини бәјәнирди. Тәшкилатчылығ габиліјјәтини* (журн. «Азэрбајчан», 1979, № 7) 'Вернее, в главном враче ему нравилась одна черта характера. Его организаторские способности';

в) определения. Как известно, определение должно предшествовать определяемому. Вместе с тем поэтика языка, его эмоциональные установки иногда требуют изменения препозиции в постпозицию. Парцеллированная подача определения повышает эмоциональное воздействие признаков и качества объекта, выражаемых в основном предложении. Например: *Кичик бир отағ иди. Тозлу, чиркли* (журн. «Азэрбајчан», 1981, № 5) 'Это была маленькая комнатка. Пыльная, грязная'; *Ордаң*

бојну армуд саплағына бәнзәјән ушаг чыхды. Ағ кәтан көјнәкдә, ајағы јалын (журн. «Азәрбајҹан», 1981, № 2) 'Оттуда вышел мальчик с шеей, словно черенок у груши. В белой льняной рубашке, босой'.

Следует отметить, что подобное парцеллирование определения — достаточно редкое явление в азербайджанском языке, ибо определяющий член, удаленный от определяемого, порой утрачивает способность выполнять свои функции. Это возможно лишь в тех случаях, когда у определяемого объекта несколько определяющих членов, один из которых выступает в основном высказывании при объекте, а другой в качестве парцеллированного (в зависимости от заданных стилистических целей) находится в постпозиции. Именно этот тип представлен в приведенных выше примерах;

г) обстоятельства. В языке художественной прозы явление парцелляции чаще всего представлено обстоятельствами, поскольку именно эти члены предложения обладают богатыми возможностями в выражении времени, места, способа выполнения, причины, цели, меры и количества действия и явления. Иногда в одном предложении могут употребляться несколько (три и более) обстоятельств, каждое из которых выполняет свои собственные функции. Так, например, какое-либо одно из обстоятельств может одновременно уточнять и дополнять изложенную мысль темпоральной, квалификативной и другими видами информации. Однако одновременное употребление обстоятельств различных типов в рамках одного предложения и принятие ими логического ударения, конечно, невозможно. В этом случае хотя бы одно из обстоятельств в предложении будет нести основную семантическую нагрузку высказывания. Поэтому парцеллят-обстоятельство, отделенное от основного предложения и используемое для раскрытия действия или определения предикативной основы данного предложения, принимает логическое ударение и дополняет предшествующее предложение с точки зрения способа действия, его причины, меры и количества или уточнения его места, цели. Следует отметить, что среди парцеллированных обстоятельств преимущественное место занимают обстоятельства места, способа действия и сравнения.

Парцелляция обстоятельств способа действия чаще всего выражается наречиями данной семантики, деепричастиями, существительными и сочетаниями с производными от других частей речи. Например: *Достлар јол боју үзү арана доғру хејли пијада голгола аддымладылар. Данышмаз, динмаз* (Б. Бајрамов. «Гашсыз үзүк») 'Друзья долго шли по дороге под руки, в сторону равнины. Молча, без единого слова'; *Фәрди машинлара, эсасән, тәгаүдчү сүрүчүләр кәлирдиләр. Истәсәләр әмәлли-башлы, гәјда-ганунла, мугавилә илә* (там же) 'За индивидуальные машины брались в основном водители-пенсионеры. При желании, как положено, по закону и договору'.

Большинство парцелляций обстоятельств сравнения образуют обороты с послелогоми *кими, тәк*. Объект сравнения находится в основном предложении, а само сравнение реализуется при помощи парцеллята. Например: *Ајын сифәти тәртәмиз олду. Көрпә јанағлары кими* (журн. «Азәрбајҹан», 1979, № 1) 'Лицо луны очистилось. Словно щеки младенца'; *Мәнә елә кәлирди ки, мән кетмирәм, ганад ачыб учурам. Јухуларда учдугум кими* (журн. «Азәрбајҹан», 1981, № 2) 'Мне казалось, что я не иду, а лечу, раскинув крылья. Как летал в своих снах'.

Парцелляция обстоятельств места «обозначает место осуществления действия (движения и состояния), направление и путь движения» [4, с. 173]. Например: *Гара кағызлары кәлди. Ёиринин Шимали Гаф-*

газдан, о бирисинин Белград јахынлыгындан (журн. «Азәрбајчан», 1980, № 1) 'Пришли похоронки на них. На одного с Северного Кавказа, на другого — из-под Белграда'; *Јолу сорушмалы иди, онлар инди мүәј-јән үнвана кедирдиләр. Баширин колхозуна* (Б. Бајрамов. «Гашсыз үзүк») 'Надо было спросить дорогу, теперь они направлялись по определенному адресу. В колхоз Башира'.

В этих примерах парцелляция обстоятельства места осуществляется как обязательным, так и факультативным способами. Парцелляты, образованные факультативным путем, выступают в функции приложений и однородных слов.

Парцелляция причинно-целевых обстоятельств выражает причину и цель выполнения действия, движения. Например: *Мирзә Фәтали көзләрини јумду... Елә бил бирчә анлыг динчәлмәк үчүн* (журн. «Азәрбајчан», 1981, № 2) 'Мирза Фатали закрыл глаза... Как бы желая минутку отдохнуть'; *Әјнимә дә түнд рәңкдә палтар кејдим. Кечәдән сечилмәк үчүн* (там же) 'На себя надела темную одежду. Чтобы не выделяться в ночи'.

Парцелляты, выступающие в функции подлежащего. Такие парцеллированные выражения сообщают дополнительную информацию по отношению к основному предложению. Слово в этом предложении повторяется вместе с определяющим членом и конкретизирует его. В языке современной прозы подобные парцеллированные подлежащие широко распространены. Например: *Амма көзләриндә дәрин бир кәдәр варды. Атасызлыг кәдәри* (там же) 'Но в глазах ее была глубокая печаль. Печаль безотцовщины'; *Бу әл дејилди, пәнчә иди. Ајы пәнчәси* (там же) 'Это была не рука, а лапа. Медвежья лапа'. Подобные парцелляты М. Джафарзаде рассматривает как «повторные (повторяющиеся в дополнительной информации) соединения» [5, с. 13—14].

Среди парцеллятивных подлежащих есть такие, которые по отношению к основному предложению функционируют в качестве однородного члена. Например: *Бу мәнә догма бир сәма иди. Нәһајәтсиз үфүгләримин кичик бир парчасы* (там же) 'Это было родное для меня небо. Маленький кусочек моих бесконечных небосводов'. Кроме того, парцеллятивные подлежащие поясняют и конкретизируют член, выраженный в основном предложении местоимением. Например: *Дынғылы бир көр мәним јолуму ким кәсир еј!* *Өз чаным-чијәрим* (журн. «Улдуз», 1979, № 11) 'Ты только посмотри, кто мне путь преграждает! Мой самый родной человек'.

Парцелляты второго типа в семантическом отношении связаны с теми или иными членами основного предложения. С точки зрения грамматической и в особенности синтаксических связей они не могут быть восстановлены в рамках одного предложения. Например: *Мәнчә инсан јалныз бу дүнјадакындан даһа көзәл бир һајата говушачагына әмин олдуғундандыр ки, өлүмдән горхмур. Мән дә елә, һамы кими* (журн. «Азәрбајчан», 1981, №7) 'По-моему, человек только потому не боится смерти, что уверен в переселении после этого мира в более прекрасный. И я тоже, как и все'; *Мән дә оғлујам. Сонбешији. Зәлимханам* (журн. «Азәрбајчан», 1979, № 1) 'Я тоже его сын. Последний. Зелимхан я'.

Употребляясь с различными союзами и частицами, парцелляты этого типа расширяют мысль, содержащуюся в основном предложении, внося в него большую ясность. При помощи вспомогательных связочных средств *өзү дә, һәм дә, да, дә* они усиливают высказанную мысль, конкретизируют ее. Подобные парцелляты принимают особое логическое ударение:

а) Парцелляты с союзом *өзү да* 'к тому же'. Например: *Бүтүн бә-дәним титрәјирди. Јер иди, көј иди данышан? Өзү да инсан дилилә! Өзү да мәзәммәтлә!* (журн. «Азәрбајчан», 1981, № 2) 'Меня всего трясло. Земля это или небо говорило? К тому же человеческим языком! К тому же с укоризной!'; *О, түкүрпәдән, дәһшәтли бир һадисә нағл етди. Өзү да дәрин бир гәзәблә* (там же) 'Он рассказал страшную, ужасающую историю. К тому же с чувством глубокого гнева'.

Следует отметить широкое употребление подобных парцеллят в языке художественной прозы, что объясняется влиянием устной речи. Говорящий, выражая свое отношение к событию, действию, объекту, произвольно употребляет усилительный союз *өзү да*;

б) Парцелляты с союзом *һәм да* 'причем'. Например: *Анасы фикирләшмишди ки, оғлунун дәшүндәкиләрин һамысы ордәнди. Һәм да ән јүксәјиндән* (журн. «Азәрбајчан», 1977, № 2) 'Мать подумала, что все, что у сына на груди, — ордена, причем самые высокие'.

Парцелляты с союзом *һәм да* отделяются от основного предложения точкой и соответствующей паузой. В приведенных выше примерах наличие подобной паузы достаточно легко обнаруживается при самом поверхностном экспериментальном анализе. Однако писатели почему-то не всегда соблюдают точную пунктуацию в выражениях анализируемого типа;

в) Парцелляты с союзом *да—да* 'и—и'. Например: *Анд ичирәм бу гәриб, бу мүгәддәс мәзарына, бу гәриб, бу мүгәддәс чәназәнә! Сәнин да, атамын да!* (журн. «Азәрбајчан», 1981, № 7) 'Клянусь этой одинокой, святой могилой, этим одиноким, святым гробом! И твоим, и моего отца!'

При помощи перцеллят с союзом *да—да* писатель перечисляет случившиеся события, оживляя их перед взором читателя и как бы активизирует его воображение с тем, чтобы создать ассоциативную связь для восприятия последующих явлений.

Одной из важнейших стилистических функций парцеллированных конструкций является также обеспечение точности при передаче мысли, выражаемой основным предложением. При этом одно из двух событий (действий, объектов), выступающих в единстве, отрицается (это происходит при помощи слова *јох* негативной семантики), а другое уточняется. Образованные таким способом парцелляты усиливают воздействие художественной речи. Например: *Сонра арвадынын гујудан чәкдији бир вәдрә сују башына төкүб ајылырды. Сәрхошлугдан јох, дојмадығы јухудан* (журн. «Улдуз», 1979, № 11) 'Затем выливал себе на голову ведро воды, извлеченной женой из колодца, и трезвел. Не от опьянения, а от прерванного сна'; *Бутулканы суја салды. Суја јох, араға* (там же) 'Бутылку он опустил в воду. Не в воду, а в водку'.

Несмотря на то, что с точки зрения норм современного литературного языка парцелляция представляется аномалией, все же в плане расширения возможностей художественной речи, выполнения определенных стилистических функций парцелляты являются нормативными конструкциями языка художественной прозы. Таким образом, парцелляция — это особенность устной речи, отличающаяся своей особой спецификой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е. А. Иванчикова. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции. — В кн.: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного литературного языка», М., 1968; *ее же*. Лексический повтор как экс-

прессивный прием синтаксического распространения. — В кн.: «Мысли о современном русском языке», М, 1969.

2. Н. П. Петров. Бессоюзные присоединения (из наблюдений над синтаксисом художественных произведений С. Ф. Фомина). — «Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР», XXI, 1962.

3. Ф. С. Сафиуллина. Явление парцелляции в современном татарском языке. — «Советская тюркология», 1974, № 4.

4. Ә. Ш. Садыгов. Азәрбајҗан орижинал нәср абидәләринин дилиндә гошулма конструксиялар. — «Азәрбајҗан ССР ЕА-нын Хәбәрләри. Әдәбијат, дил, инчәсәнәт серијасы», 1980, № 1.

5. М. Чәфәрзадә. Азәрбајҗан диалект нитгиндә гошулма конструксиялар. — «С. М. Киров адына АДУ-нун Елми әсәрләри. Дил вә әдәбијат серијасы», 1976, № 3.

6. М. Чәфәрзадә. Азәрбајҗан диалект нитгиндә гошулма чүмләр. — «С. М. Киров адына АДУ-нун Елми әсәрләри. Дил вә әдәбијат серијасы», 1977, № 1.

Н. Н. ДЖАНАШИЯ

О ВЫРАЖЕНИИ «БЫТИЯ» В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Системный подход к изучению тюркских языков требует исследования ряда вопросов их грамматического строя. Использование различных грамматических шаблонов применительно к современным тюркским языкам не дает возможности в полной мере выявить их типологию. Именно поэтому А. Н. Кононов еще десять лет назад указывал на необходимость совершенствования методов и приемов описательной грамматики современных тюркских языков¹.

В грамматической системе современного турецкого литературного языка вопрос о структуре выражения экзистенциализма, включающего понятия бытия, существования, наличия, имения, обладания, нуждается в наиболее полном типологически адекватном описании и освещении².

Ввиду наличия целого ряда структурно-типологических общностей выражение всех перечисленных понятий в турецком языке находится в теснейшей взаимосвязи.

Типология данной структуры в пределах современного турецкого языка подразумевает:

1. Выявление элементов экзистенциальной семантики разных уровней грамматического строя турецкого языка (морфологии и лексики).
2. Определение грамматико-семантических особенностей и взаимоотношений знаменательных элементов экзистенциальной семантики.
3. Установление закономерностей их воспроизводства и правил их распределения в синтаксических конструкциях.

В языках различной структуры и генетической принадлежности весьма широко представлены категории бытия и обладания. Среди форм выражения этих категорий можно встретить самые различные языковые средства, в том числе: морфологические (суффиксация), лексические (особые лексемы экзистенциальной семантики), лексико-синтаксические (совокупность определенных лексем с определенными грамматическими средствами в определенных синтаксических сочетаниях).

В турецком языке к совокупности элементов экзистенциальной семантики относятся нижеприведенные средства:

I. Морфологические средства. Морфологическими средствами выражения экзистенциализма являются так называемые суффиксы сказуемости³. Это общность местоименных суффиксов со значением «бытия» и соответствующего лица и числа (см. ниже таблицу).

II. Лексические средства. *İ-tmek*⁴. Недостаточный статический связочный⁵ глагол *İ-* 'быть' имеет две личные формы изъявительно-го наклонения; одну—условного наклонения и одну безличную функцио-

нальную форму — деепричастие параллельного действия в плане времени.

1. **Изъявительное наклонение:** а) прошедшее-категорическое⁶: свободный вариант *i-di* 'был', связанные позиционные варианты *-y-dx⁴* — после гласных, *-tx⁴* — после глухих согласных, *-dx⁴* — после остальных согласных;

б) прошедшее-результативное, лишенное временного значения. Свободный вариант *i-miş* 'оказывается' ('был, есть, будет'), связанные позиционные варианты: *-y-tmx⁴ş* — после гласных, *-tmx⁴ş* — после согласных⁷.

2. **Условное наклонение.** Свободный вариант *i-se* 'если', связанные позиционные варианты: *-y-sx²* — после гласных, *-sx²* — после согласных.

3. **Деепричастие.** Деепричастие параллельного действия в плане времени, неличная форма глагола образуется только от глагола *i*-⁸. Свободный вариант *i-ken* 'будучи', связанные позиционные варианты: *-y-ken* — после гласных, *-ken* — после согласных*.

К лексическим средствам экзистенциальной семантики следует отнести и *değil*⁹. Это слово именного отрицания (в отличие от *-ta* — суффикса аспекта отрицания в глаголе) выступает в качестве демаркационного знака для разграничения именного и глагольного сказуемого.

Преобразование статических экзистенциальных конструкций в динамические связано с динамическим¹⁰ связочным¹¹ глаголом *olmak* 'быть', заменяющим глагол *i*- во всех конструкциях для образования форм аспекта времени и акта недостающих глаголу *i*- наклонений.

Выступление *olmak* в роли связочного глагола является одной из его функциональных нагрузок. Если же говорить о полной функциональной характеристике *olmak*, то он представляет собой полнозначительный самостоятельный глагол экзистенциальной семантики. Это позволяет ему выступать в качестве вспомогательного (неполнозначительного) глагола в оппозиционной паре с глаголом *etmek*, выполняющим как вспомогательную функцию**, так и функцию связочного полужнаменательного глагола.

Модальное предикативное экзистенциальное слово *var*¹² в спаренной притяжательными суффиксами конструкции со словом *yok* (*varım-yoğım* 'все мое имущество') имеет предметное значение. В предикативной функции это слово означает «существует». Оно способно принимать морфемы: обладания *-li*, абстрактности *-lik*, притяжательности *-im*, сказуемости *-dir*¹³, выступает в роли именной части сложных глаголов *var olmak*, *var etmek*.

Модальное предикативное экзистенциальное слово *yok*¹⁴ в спаренной притяжательными суффиксами конструкции со словом *var* (*varım-yoğım* 'все мое имущество') имеет предметное значение. В предикативной функции это слово означает «не существует». Оно способно принимать морфемы: абстрактности *-lik*, притяжательности *-im*, образования глагола от имен *-la*, выступает также в роли именной части сложных глаголов *yok olmak*, *yok etmek*.

Конструкции с участием указанных экзистенциальных элементов весьма разнообразны как по формальному составу, так и по семантическому содержанию.

* Согласный *y* в составе *-y-di*, *-y-miş*, *-y-ken* рассматривается здесь как позиционный вариант гласного *i*-, корня недостаточного экзистенциального связочного глагола *i*-.

** Сложные глаголы типа *kaub olmak* — *kaub etmek* и составные глаголы *-yog olmak*, *-ag olmak*, *-acak olmak*, *-miş olmak* (см.: Н. Н. Джанашиа. Морфология турецкого глагола. Тбилиси, 1981).

Сами морфологические и лексические экзистенциальные элементы друг с другом связаны дополнительной дистрибуцией. Они чередуются¹⁵ по строго определенным правилам, дополняя или заменяя друг друга по аспекту, времени и акту¹⁶ того или иного наклонения, образуя экзистенциальные предложения.

В туркологической литературе данный вопрос в типологическом аспекте монографически еще не исследовался. Рассматривались лишь так называемые морфологические и лексические средства экзистенциализма, причем независимо друг от друга, часто с неполной квалификацией, а порой их вообще обходят молчанием¹⁷.

Объем настоящей статьи, составляющей небольшую часть специальной работы, посвященной выражению бытия, существования, наличия, имения и обладания в турецком языке, не позволяет подробно изложить детали типологической структуры по интересующему нас вопросу. Поэтому мы ограничимся здесь лишь рассмотрением морфологических средств выражения бытия, прежде всего узловых вопросов конструирования экзистенциальных предложений с учетом их семантических особенностей.

Экзистенциальные конструкции с суффиксами сказуемости по своей семантике весьма разнообразны; по существу они являются разновидностями конструкций, выражающих бытие, а также тождество между двумя именными членами.

Суффиксы сказуемости представляют собой местоименные суффиксы, выражающие бытие, а также лицо и число подлежащего именного сказуемого. Конструкция с суффиксами сказуемости — это именное сказуемое¹⁸.

Местоименные суффиксы сказуемости присоединяются к именам всех семантических разрядов — существительным, местоимениям, числительным, прилагательным, причастиям, масдарам. Эти имена могут быть морфологически неопределенными, то есть именами без суффиксов принадлежности, или же морфологически определенными, то есть именами с этими суффиксами, и стоять в том или ином падеже¹⁹.

В качестве именного сказуемого экзистенциальная конструкция с местоименным суффиксом сказуемости на фоне общей совокупности соотносительных конструкций, кроме модального значения и значения лица и числа, является еще и носителем конкретного временного значения. В оппозиции с временными формами чередующихся с ним связочных глаголов *i-* и *ol-* выражаемое этой конструкцией время следует квалифицировать как настоящее²⁰.

В экзистенциальных конструкциях с суффиксами сказуемости или связочным глаголом *i-* отрицание выражается словом именного отрицания *değil*. Позиционно оно следует за именной частью именного сказуемого и принимает экзистенциальные элементы. Вопросительная форма образуется при помощи вопросительной частицы *mi*⁴, позиционно следующей за именной частью именного сказуемого (в положительном предложении) или за словом *değil* (в отрицательном предложении), и принимает экзистенциальные элементы.

Именное сказуемое в турецком языке кроме времени, лица и числа способно выражать подобно глагольным сказуемым еще и категорию акта — очного или заочного.

Остановимся коротко на одном из лексических средств выражения бытия — недостаточном полузнаменательном связочном глаголе *i-*, который служит выражению заочности. Этот глагол принадлежит к числу средств, которые в строго определенных случаях заменяют всю

систему суффиксов сказуемости, чтобы восполнить недостающие грамматические значения, в данном случае значение заочности. Форма заочности образуется от очной формы с помощью так называемого прошедшего-результативного времени глагола *i-*: *imîş*, заменяющего собой суффиксы сказуемости. Эта форма, как уже отмечалось выше, лишена временного значения и способна сочетаться с элементами разной временной ориентации²¹.

Кроме времени, акта, утвердительности и вопросительности, положительности и отрицательности, грамматико-семантическое разнообразие экзистенциальных конструкций зависит от целого ряда семантических, морфологических и синтаксических показателей, входящих в состав именного сказуемого:

1. В зависимости от семантических разрядов имен (являющихся именной частью именного сказуемого) экзистенциальные предложения могут быть:

а) субстантивными: *Ben güzel bir kız değilim* 'Я некрасивая девушка' [1, с. 19];

б) масдарными: *Bizim işimiz-gücümüz konuşmak değil mi?* 'Ведь наше дело говорить, не так ли?' [8, с. 132];

в) местоимёнными: *Sen kimsin, oğlum?* 'Ты кто такой, сынок?' [11, с. 71];

г) адъективными: *Karımdan çok memnunum* 'Я очень доволен своей женой' [22, с. 136];

д) причастными: *Yüzünü bile görmüş değilim* 'Я даже лица его не видел' [19, с. 43].

2. В зависимости от отсутствия или присутствия суффиксов притяжательности при именной части именного сказуемого экзистенциальные конструкции могут быть:

а) неопределёнными: *Sen gerçekten ördek-miş-sin, yahu* 'Ты и в самом деле, оказывается, болван' [13, с. 71].

б) определёнными: *Niyazi Hoca köyün kadim imam-ıdır* 'Ниязи Ходжа старый имам села' [13, с. 67].

3. В зависимости от падежного окончания именной части именного сказуемого экзистенциальные конструкции могут быть:

1) Номинативно-тождественными: *Cemil ve Göksel aynı adamdır* 'Джемиль и Гёксель одно и то же лицо' [20, с. 94]. *Ev sahibi hanginiz?* 'Кто из вас хозяин дома?' [21, с. 327]. *Kâr zararın kardeş-i-dir* 'Прибыль и убыток — братья' [17, с. 280]. *Bildiğim tek şey, her türlü etkinin dışında, tam bir özgürlük içinde seninle baş-başa bulun-uş-um* 'Я знаю только то, что мы одни с тобой, нам никто не мешает, мы полностью свободны' [7, с. 31]. *Şehrin baş dedikodusu şimdi bu-y-muş...* 'Это, оказывается, главная тема для сплетень в городе...' [18, с. 564]. *Filân yerin sotiپی büyükmüş, sana ne?* 'Какая тебе польза, что где-то там пекутся большие буханки?' [5, с. 68].

2) Генитивно-притяжательными: *Harman sonu dervişler-in-dir* 'То, что остается на гумне, принадлежит дервишам' [17, с. 253]. *İş bilen-in, kılıç kuşanan-ın* 'Дело принадлежит знающему, меч тому, кто его носит' [17, с. 273]. *O da Mehmet Ağa-nın-muş* 'И то, оказывается, принадлежит Мехмеду Аге' [9, с. 335]. *Fabrika bizim olmasına bizim, acaba Tekel İdare-si-nin mi, Sular İdare-si-nin mi?* 'Фабрика-то ведь наша, или, может быть, она принадлежит Управлению монополии или Управлению водного хозяйства' [6, с. 144].

3) Дативно-относительными: *Sözüm siz-e-dir, Fransızlar, ...* 'Моё слово к вам, французы...' [14, с. 13]. *Bütün teessürlerimiz, inkisarlarımız, hiddetlerimiz karşımıza çıkan hadiselerin anlaşılmadık, beklemedik taraf-*

ları-na-dır 'Все наше огорчение, обида и гнев вызваны тем, что в возникших событиях есть много непонятного и неожиданного' [2, с. 16].

4) Локативно-обстоятельственными: *Bir ayağım çukur-da benim, Ali, günlerim sayılı* 'Одна нога у меня в могиле, Али, мои дни сочтены' [13, с. 291]. *Deveci bir de gördü, ki Reşo Ağanın kızı soyun-ma-da* 'Деведжи вдруг увидел, что дочь Решо Аги раздевается' [12, с. 6]. *İnce Memed bu sabah taş-mak-ta sevinçten* 'Индже Мемед сегодня утром переполнен радостью' [3, с. 48]. *Resmî ceb-i-nde imiş* 'Фотография, оказывается, у него в кармане' [16, с. 126].

5) Аблативно-исходными: *Saray tüm sırça-dan-dir* 'Дворец весь из стекла' [4, с. 120]. *Recep Çavuş da onlar-dan-dir* 'Реджеп Чавуш тоже из них' [3, с. 149]. *Biz Deliorman-dan-mış-ız* 'Мы, оказывается, родом из Делиормана' [15, с. 21]. *Talât Bey tanınmış bankacılar-ımız-dan-dir* 'Талят Бей один из известных наших банкиров' [22, с. 74].

Таблица суффиксов сказуемости:

1. -im, -ım, -um, -üm;
-yım, -yım, -yum, -yüm;	1. -iz, -ız, -uz, -üz;
-yiz, -yız, -yuz, -yüz;
2. -sin, -sın, -sun, -sün;	2. -sınız, -sınız, -sunuz, -sünüz;
3. -tir, -tır, -tur, -tür;
-dir, -dır, -dur, -dür;	3. -tirler, -tırlar, -türler, -turlar;
-dirler, -dırlar, -dürler, -durlar;

Единственное число			Множественное число			
Лицо		Ч	Лицо		Число	
После гл.	После сгл.		После гл.	После сгл.	После гл.	После сгл.
I	-yım -yım -yum -yüm	-im -ım -um -üm	Ø	Ø	-yiz -yız -yuz -yüz	-iz -ız -uz -üz
II	-sin -sın -sun -sün	Ø	-sın -sın -sun -sün		-iz -ız -uz -üz	
III	П. гл. сгл.	П. ост. зв.	П. гл. сгл.	П. ост. зв.		
	-tir -tır -tur -tür	-dir -dır -dur -dür	Ø	-tir -tır -tur -tür	-dir -dır -dur -dür	-lar -ler

Схематически перечисленные выше типы экзистенциальных конструкций могут быть представлены следующим образом:

I. Настоящее время

А. Очный акт

Неопределённые

Определённые

1) Номинативно-тождественностные:

-dir
-mi-dir?
değil-dir
değil mi-dir?

-si-dir
-si mi-dir?
-si değil-dir
-si değil mi-dir?

2) Генитивно-притяжательные:

-in-dir	-si-nin-dir
-in mi-dir?	-si-nin mi-dir?
-in değil-dir	-si-nin değil-dir
-in değil mi-dir?	-si-nin değil mi-dir?

3) Дативно-относительные:

-e-dir	-si-ne-dir
-e mi-dir?	-si-ne-mi-dir?
-e değil-dir	-si-ne değil-dir
-e değil mi-dir?	-si-ne değil mi-dir?

4) Локативно-обстоятельственные:

-de-dir	-si-nde-dir
-de mi-dir?	-si-nde mi-dir?
-de değil-dir	-si-nde değil-dir
-de değil mi-dir?	-si-nde değil mi-dir?

5) Аблативно-исходные:

-den-dir	-si-nden-dir
-den mi-dir?	-si-nden mi-dir?
-den değil-dir	-si-nden değil-dir
-den değil mi-dir?	-si-nden değil mi-dir?

Б. Заочный акт*Неопределённые**Определённые*

1) Номинативно-тождественностные:

i-miş	-si i-miş
mi imiş?	-si mi imiş?
değil imiş	-si değil imiş
değil mi imiş?	-si değil mi imiş?

2) Генитивно-притяжательные:

-in imiş	-si-nin imiş
-in mi imiş?	-si-nin mi imiş?
-in değil imiş	-si-nin değil imiş
-in değil mi imiş?	-si-nin değil mi imiş?

3) Дативно-относительные:

-e imiş	-si-ne imiş
-e mi imiş?	-si-ne mi imiş?
-e değil imiş	-si-ne değil imiş
-e değil mi imiş?	-si-ne değil mi imiş?

4) Локативно-обстоятельственные:

-de imiş	-si-nde imiş
-de mi imiş?	-si-nde mi imiş?
-de değil imiş	-si-nde değil imiş
-de değil mi imiş?	-si-nde değil mi imiş?

5) Аблативно-исходные:

-den imiş	-si-nden imiş
-den mi imiş?	-si-nden mi imiş?
-den değil imiş	-si-nden değil imiş
-den değil mi imiş?	-si-nden değil mi imiş?

¹ А. Н. Кононов. Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов. — «Советская тюркология», 1974, № 2.

- ² Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974; Сб. «Категория бытия и обладания в языке». М., 1977; Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- ³ Н. К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956; Э. В. Севортян. Категория сказуемости. — Там же; Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — Там же.
- ⁴ «Türkçe sözlük». Hazırlayan Mehmet Ali Ağakay. Ankara, 1966.
- ⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956; В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. II, М., 1961; J. Deny. Grammaire de la langue turque (Dialecte Osmanli). Paris, 1921.
- ⁶ А. Н. Кононов. Грамматика..., § 477—478.
- ⁷ Н. Н. Джанашиа. Морфология турецкого глагола. Тбилиси, 1981.
- ⁸ А. Н. Кононов. Грамматика..., § 989; М. Ergin. Türk Dil Bilgisi. Sofya, 1962, § 595.
- ⁹ А. Н. Кононов. К этимологии слова дэгийл 'не есть, нет'. — «Рабочая хроника ИВАН СССР», Ташкент, 1944, вып. 2; его же. Грамматика... § 1006.
- ¹⁰ А. Н. Кононов. Грамматика..., § 784.
- ¹¹ Там же, § 561, 784.
- ¹² Там же, § 785, 787.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, § 561.
- ¹⁶ Нана Джанашиа. О выражении обладания и наличия в турецком языке. — «Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников», т. III, ч. 1. «ИВАН СССР», М., 1978, стр. 47.
- ¹⁷ Н. К. Дмитриев. Турецкий язык. М., 1960; А. Н. Кононов. Грамматика...; А. Н. Багиров. Специфические особенности недостаточных глаголов в тюркских языках. — Сб. «Лексико-морфологические структуры тюркских языков. Тематический сборник научных трудов», Баку, 1981; А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941; С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. 1, 2. Ленинград, 1975, 1977; Гэльд Д. Гэльдб. Грамматика на турецкий язык. София, 1957; В. А. Гордлевский. Указ. раб.; Lloyd B. Swift. A reference grammar of modern turkish. Bloomington, 1963; J. Deny. Указ. раб.; G. L. Lewis. Turkish grammar. Oxford, 1967; М. Ergin. Указ. раб.
- ¹⁸ А. Н. Кононов. Грамматика..., § 128—130.
- ¹⁹ Там же, § 774.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Н. Н. Джанашиа. Указ. раб.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Sabahattin Ali. Hikâyeler. Sofya. 1964.
2. Sabahattin Ali. Kürk mantolu Madona. Sofya. 1960.
3. Yaşar Kemal. İnce Memed. Sofya. 1958.
4. Yaşar Kemal. Orta direk. Sofya. 1964.
5. Ata sözleri ve özlü sözler. Sofya. 1960.
6. Aziz Nesin. Orkestra adam. Sofya. 1960.
7. Orhan Hançerlioğlu. Ali. İstanbul. 1955.
8. Melih Cevdet Anday. Aylaklar. Sofya. 1966.
9. Varlık Yillığı. 1962. Ankara. 1963.
10. Aziz Nesin. Şimdiki çocuklar harika. İstanbul. 1967.
11. Sabahattin Ali. Bütün eserleri. Romanları. Sofya. 1968.
12. Bekir Yıldız. Reşo Ağa. İstanbul. 1974.
13. Fakir Baykurt. On binlerce kağı. Ankara. 1973.
14. Nazım Hikmet. Seçilmiş şiirler. Sofya. 1954.
15. Şevket Süreya Aydemir. Suyu arayan adam. İstanbul. 1974.
16. Kemal Tahir. Göl insanları. Ankara. 1969.
17. Ömer Asım Aksoy. Atasözleri ve deyimler sözlüğü. I. Atasözleri sözlüğü. Ankara. 1971.
18. Nazım Hikmet. Bütün eserleri. Cilt 6. Sofya. 1971.
19. Nazım Hikmet. Bütün eserleri. Cilt 7. Sofya. 1969.
20. Nazım Hikmet. Bütün eserleri. Cilt 8. Sofya. 1972.
21. С. Джикия. Турецкая хрестоматия. Второе дополненное издание. Тбилиси, 1971.
22. Aziz Nesin. Biz adam olmayız. İstanbul. 1970.

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. НАСИЛОВ

АФФИКСЫ ВКЛЮЧЕНИЯ

О РАБОТЕ В. М. НАСИЛОВА «АФФИКСЫ ВКЛЮЧЕНИЯ»

В. М. Насилов — крупный советский тюрколог, много сделавший в области описания живых тюркских языков и тюркских письменных памятников. Менее известны разработки В. М. Насилова ключевых теоретических проблем тюркской грамматики, нашедшие отражение главным образом в статьях ученого, опубликованных в ведомственных изданиях и потому не ставших достоянием широкой научной общественности. В этих работах намечены пути решения таких кардинальных вопросов, как характеристика именных частей речи и именных форм глагола, типология тюркского предложения, специфика построения сложных синтаксических композиций и др.

Особое место в ряду теоретических работ В. М. Насилова занимает статья «Аффиксы включения», написанная в 1952—1953 годах и опубликованная в 1958 году в сборнике «Вопросы языка и литературы стран Востока» («Ученые записки кафедр иностранных языков Восточного факультета (ИМО)», вып. 1). Выдвинутые в ней вопросы и предложенные автором их решения не утратили своего научного значения и по сей день.

Грамматическая концепция В. М. Насилова, отличавшаяся нестандартным пониманием тюркских языков, эксплицитно им не была выражена; специально были рассмотрены лишь отдельные, хотя и ключевые, вопросы. Тем большее значение приобретает знакомство с подлинным текстом работы В. М. Насилова, что должно, как нам кажется, способствовать углубленному теоретическому подходу к материалу тюркских языков.

Е. А. Поцелуевский

Лексико-семантическая и лексико-грамматическая сущность слов в тюркских языках определяется грамматическими формами и способами связи слов в речи. Однако при отсутствии четких морфологических границ между грамматическими категориями грамматическое значение слова и его семантика в ряде случаев могут определиться только в контексте, в словосочетании, даже и тогда, когда слова одного грамматического разряда внешне не отличаются от слов другого грамматического разряда.

Словосочетание, возникая на основе определенных отношений между словами, устанавливает и определенную грамматикализацию слова, в которой оно дифференцируется как лексико-грамматическая категория со всеми характерными для нее формантами словоизменения. Система словоизменения имеет присущие ей парадигмы, выражающие формаль-

Данная публикация воспроизводит текст статьи по упомянутому выше сборнику «Вопросы языка и литературы стран Востока», вышедшему в свет при жизни В. М. Насилова, без каких бы то ни было изменений и правок со стороны редакции. (Примечание редакции).

но грамматическое отношение слова к другим словам в словосочетании или предложении по соответствующим грамматическим нормам.

В соответствующих словосочетаниях для выражения релятивных отношений между компонентами могут происходить перемещения парадигм словоизменения от одной лексической категории к другой.

Лексические категории в тюркских языках в значительной степени определяет система словообразования, формируя отдельные слова как монолитные вокабулы, объединяя их в грамматические разряды с присущими им грамматическими формами и определенным назначением в языке. Это не устраняет той удивительной подвижности грамматического строя тюркских языков, при которой одна и та же грамматическая категория способна нести различные синтаксические функции, а словообразующие аффиксы приобретают факультативное значение.

В системе словообразования отдельные слова образуются от корней слов при помощи агглютинирующих аффиксов. Некоторые аффиксы давно перестали быть продуктивными, стали мертвыми аффиксами тех лексических категорий, которые история сохранила как основной словарь языка. Однако многие аффиксы являются живыми и продуктивными и играют огромную роль в развитии и обогащении лексики современных тюркских языков.

Эти продуктивные аффиксы представляют огромный интерес для исследования.

Продуктивность сохранило большинство аффиксов словоизменения. В парадигмах словоизменения происходит также агглютинация аффиксов, посредством которых дифференцированно выражаются и смысловые и грамматические отношения в композиции слов.

Но этими традиционными системами аффиксов (системами словообразовательных аффиксов и словоизменительных аффиксов) не исчерпывается грамматический строй тюркских языков.

По нашему мнению, многие из тюркских аффиксов приобретают свойство факультативности и занимают промежуточное положение между системой словообразования и системой словоизменения. Они становятся аффиксами, определяющими грамматическую форму слов и в то же время назначение слова в синтаксической связи с другими компонентами словосочетания, независимо от того, являются ли они аффиксами словоизменения или словообразования. Такие аффиксы мы называем аффиксами включения. При помощи аффиксов включения осуществляется особый способ связи слов. Этот способ характеризуется тем, что слова входят в словосочетание в качестве синтаксической категории члена словосочетания с присущими ей функциями, не являясь определенной морфологической категорией в плоскости словообразования или словоизменения и занимая специфическое место в ряду грамматических форм. Форманты включения охватывают самые разнородные грамматические категории, причем во всех случаях оформляющие эту категорию аффиксы словообразования или словоизменения остаются факультативными.

Перейдем теперь к материалам наблюдения над способом включения.

Для иллюстрации мы можем указать, что такие слова, которые исторически образовались в качестве уподобительной (следовательно, сопоставительной или противопоставительной) лексико-семантической единицы, например, с формантом *-ча/-чэ* (восходящим к *чаг* 'образ, вид, подобие'), не стали в полноценном значении словообразованными лексическими единицами, относящимися к определенной лексико-грамматической категории. Иногда их относят к имени прилагательному, но

чаще всего к наречию, между тем как эти образования по своей морфологической структуре весьма напоминают одну из форм слова, несут в себе определенное грамматическое назначение и в словосочетании приобретают соответствующую синтаксическую функцию. Однако их морфологическая структура не является словоизменением в прямом значении этого термина, ибо слова, принявшие указанный аффикс *-ча/-чэ*, не относятся к тому разряду слов, в котором их можно было бы признать в форме определенного падежа (хотя с этим аффиксом слово и очень походит на падежную форму). Аффикс *-ча/-чэ*, как и многие другие, которые мы укажем ниже, в то же самое время может быть настолько определенным формантом в смысле обособления слова как лексико-семантической единицы, что этот аффикс в непосредственном соединении с основой имени можно принять за словообразовательный, например, за словообразовательный аффикс наречия. Но это не так. Такой аффикс присоединяется не только к основе имени, он, подобно падежному аффиксу, присоединяется к имени с аффиксом множественного числа, с аффиксом принадлежности, с аффиксом некоторых падежей. Например, *кэһриман* 'герой', *кэһриманча*, *кэһриманларча*, *кэһриманича*, *кэһриманлирича*, *кэһриманлигичэ* и т. д. обозначают в отдельных случаях 'героический', в других — 'героически'; *пикир* 'мысль, мнение', *пикримчэ* 'по моему мнению', *пикриримизчэ* 'по нашим соображениям' и т. д. *Мениң чэ* 'по-моему', здесь *мениң* — притяжательный падеж от личного местоимения *мэн*. *Буниң гича* 'до сих пор', здесь аффикс *-ча* присоединен к двум аффиксам притяжательного и направительного падежей при местоимении *бу* 'этот'.

Возможность такой агглютинации показывает, что *-ча/-чэ* не является словообразовательным аффиксом.

В таком случае, что же он собой представляет? Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим на оформление этого аффикса в различных частях речи.

Икки үч нан қолтуқлап елип йолға чиққанымча бэш һәптэ болдиғу 'Ведь уже исполнилось пять недель, как я, взяв под мышку две-три лепешки, собрался в путь'.

У қизни изи совуп йоқалғанғича ташдэк қимирлимай турди 'Он стоял неподвижно, словно камень, пока не остыли совсем следы той девушки'.

В первом случае аффикс *-ча* стоит после местоименного аффикса принадлежности при имени действия *чиққан*, во втором случае — после падежного аффикса имени действия *йоқалған*.

Некоторые тюркологи склонны считать подобные образования деепричастиями. Однако эти «деепричастия» не имеют застывшей стабилизировавшейся формы и все время способны изменяться, принимая аффиксы принадлежности, числа, иногда падежа. Значит, частный случай формы на *-ғанча/-ғунча* не есть форма словообразования, а нечто другое.

Чтобы еще ближе подойти к сущности и функции таких аффиксов, рассмотрим примеры с другими аффиксами.

Аффикс *-сиз* образует от имен существительных отрицательные по значению, относительные адъективные образования. Например: *йэрсиз дихан* 'безземельный крестьянин', *өйсиз киши* 'бездомный человек, человек, не имеющий дома'. Такие формы слов принято считать именами прилагательными. Но язык нам доставляет множество фактов употребления таких слов в функции обстоятельства. Например:

Қушқачниң балиси йенидин чиқип келиватқан учлуқ қанатлирини дармансиз йейип, һәрикәтсиз олтуратти 'Воробьенок беспомощно распластал только что начавшие отрастать крылышки и сидел неподвижно'. *Ва лекин қурт уни рәһимсизчә йәйду* 'Но червь его безжалостно съест'. *Сиз өйимгә рухсәтимсиз кәлдиңиз* 'Вы пришли в мой дом без моего разрешения'. *Вәәдәңсиз қалсам, кимим (киммән)?* 'Кто я, если останусь без твоего обещания?'.

Можно было бы привести очень много примеров, но этих достаточно, чтобы убедиться в том, что аффикс *-сиз* не является аффиксом словообразования имен прилагательных и что он вообще нечто иное, чем аффикс словообразования.

Аналогичное положение занимает и аффикс абстрактной принадлежности *-лык/-лик*. Особенно много примеров на этот аффикс можно найти в древних памятниках и в живых языках в тех случаях, когда в определительное словосочетание входят структуры, оформленные аффиксом *-лык/-лик* после аффиксов принадлежности, например, *бурханкутын-лыг...* 'обладающий достоинством Будды...'. Подобно аффиксу *-сиз*, аффикс *-лыг* образует факультативную определительную категорию по типологии словообразования.

Остановимся на аффиксе *-рақ/-рәк* (выражает усиление или ослабление степени качества или действия), который традиционно рассматривается в тюркских грамматиках как аффикс словообразования.

Примеры убеждают в противоположном.

Өйдә улар тегигә селип йатқан кигиздин вә тоқчада бир жуп чиндин башқа тузугрәк һеч нәрсә қалмиған 'В доме, кроме войлока, который они под себя положили, и пары пиал на полке, ни одной сколько-нибудь целой вещи не осталось'.

В этом примере мы видим, что аффикс *-рәк* усиливает степень качества имени прилагательного *тузук* 'ладный, правильный, целый'.

Бу тоғрулуқ кейинрәк улар сот алдиға кәлгәндә эйтип берәр 'Относительно этого несколько после (позже), когда они приходят на суд, сообщают'.

Аффикс *-рәк* связан со служебным словом *кейин* 'после', способным выступать в качестве наречия или послелога. И в том и в другом случае присоединение аффикса *-рәк* возможно.

Қомул, Алтайға охшаш жайларда тағ сүйи кечикипрәк кәлгәнликтин терилғу вахти кейнигә созулуп шуниң билән кузлуқ һосулға тәәсир йәтти 'В местах, вроде Кумула и Алтая, благодаря запаздыванию горной воды время посева затянулось, и это повлияло на осенний урожай (буквально: 'в связи с этим достигло влияния к осеннему урожаю')'.

Интересно, что *кечикипрәк* не только является образованием, в котором выражена семантика ослабленного действия (*кечикипрәк* 'припоздав, приотстав'), но аффиксом *-рәк* нарушена непосредственная связь словосочетания, образующего перифрастическую категорию вида в тюркских языках.

Фашистлар турмиси қоңул көтүрудигән идариләрдин эмәс. Лекин турмә сиртдики аләм, турмәдики аләмдин-му дәншәтлигиң рәк еди 'Фашистская тюрьма не является учреждением, поднимающим настроение. Но мир вне тюрьмы был еще более ужасным, чем в тюрьме'.

Аффикс *-рәк* уже оказывается употребленным совсем не так, как ему полагается вести себя по рецептам нормативных грамматик тюркских языков. Он стоит вслед за аффиксом принадлежности в относительном прилагательном, образованном при помощи аффикса *-лик*. Структура слова такова: *дәншәт* ('ужас') + *лик* ('ужасный') + *и* (субстантивация

адъективного понятия аффиксом принадлежности) + *рэк* (усилительная степень качества).

Можно ли считать аффикс *-рақ/-рэк* словообразовательным аффиксом? По нашему мнению, нельзя, так же как нельзя считать словообразовательными и вышеуказанные аффиксы *-ча/-чэ*, *сиз* и многие другие, которые подлежат рассмотрению ниже. Но уже и теперь можно попытаться изложить нашу точку зрения на природу и функции подобных формантов, благодаря которым слово включается в словосочетание с определенным назначением. Если быть последовательным в трактовке именных категорий, то непременно придешь к выводу, что строй тюркских языков характеризуется еще одной очень существенной чертой, закономерно намечающей (помимо категории словообразования и словоизменения) категорию включения, то есть особую форму, благодаря которой лексическая категория получает свойство быть определенным компонентом словосочетания в качестве определенной грамматической единицы. Сущность словообразования характеризуется формальным и семантическим обособлением слова как словарной единицы и стабилизацией ее в качестве определенной части речи.

Категория включения пользуется также аффиксами словообразования и связана с этой категорией тем, что обе они определяют грамматическую сущность слова. Однако категория включения близка и к категории словоизменения, в которой определяется собственно грамматическая функция слова в словосочетании. Пользуясь аффиксами словообразования, категория включения уподобляет их аффиксам словоизменения, но в то же время в них конституируется то, что свойственно аффиксам словообразования, благодаря чему определяется грамматическая принадлежность (не функция) слова. Когда изучаются морфологические и синтаксические взаимоотношения и соответствия между компонентами словосочетания, роль формантов включения становится очень заметной и важной.

Древние памятники тюркской письменности дают богатейший материал для познания закономерности включения слов в определенные словосочетания, в которых выявляется и функция слова и его лексико-семантическая сущность, даже и в том случае, если аффикс включения отсутствует.

Когда в малой надписи памятника Кюль-Тегину мы читаем:

Талуиқа кичиг тэгмэдим 'Я немного не дошел до моря' или *Тунуткэ кичиг тегмэдим* 'Я немного не дошел до Тибета', у нас не возникает вопроса, почему качественное прилагательное *кичиг* 'маленький' употреблено перед глаголом *тэг-* как обстоятельство, не становясь наречием, а в словосочетаниях *исиг йаш* 'горячие слезы', *исиг сөзлэ-* 'прочувствованно говорить' одно и то же слово сочетается и с именем и с глаголом.

В последнее время заметно увлечение, особенно среди монголистов, трактовать компоненты подобных сочетаний в качестве «прилагательного-наречия».

С нашей точки зрения, употребление этого термина лишено основания. Причина возникновения термина лежит в стремлении лингвистов найти в алтайских языках лексико-семантические эквиваленты русскому языку. Совсем не следует думать, что в тюркских языках нет категории наречия, наоборот, это очень древняя категория и давно осознанная в своих грамматических данных. Но это не дает еще никакого права говорить об особой категории «прилагательного-наречия» и создавать омонимию двух искусственно выделенных частей речи, то есть прилагательного и наречия отдельно там, где идет обозначение атрибутивных и пре-

дикативных признаков. Нам кажется, что система включения, которую мы наметили как закономерное проявление значимости слова в словосочетании, поможет разобраться в данной ситуации.

Когда анализируется предикативный признак и определяющее его адъективное понятие (не назовем пока вещи своими именами), обычно мало интересуются тем, что представляет собой это адъективное понятие в определительной функции, когда оно находится перед понятием, выражающим предикативный признак, и в чем, собственно, существо такого «определения», являющегося «признаком признака».

Мы считаем, что прилагательное, а для тюркских языков лучше говорить адъективная категория, включает в себе сопоставление и противопоставление. Когда таковая определяет предикативный признак в качестве обстоятельства, а в других случаях — атрибутивный признак в качестве определения, то при своей морфологической нейтральности в системе обоих словосочетаний в тюркских языках она останется внешне идентичной. Например: *йахши намуна* 'хороший образец' и *йахши иш-лэйдү* 'хорошо работает'. Однако содержание в обоих случаях не будет совпадать. В то время как в определительном словосочетании будет обозначена специфическая дифференцирующая особенность субстанции как таковой, в обстоятельственном сочетании не будет обозначаться субстанция, но лишь образ действия, то есть адъективное понятие получит свое прямое назначение выявить признак по сопоставлению.

Если мы поставим перед собой вопрос, что значит «хорошо работать», мы, видимо, будем отвечать на него таким образом: это значит иметь «хорошие» результаты процесса или действия, либо «хорошие» внешние показатели проявления самого процесса или действия, а также собственно образ действия по сопоставлению с проявлениями наблюдаемого или потенциально представляемого действия. Таким образом, качественная сущность действия не дается нам непосредственно, а выявляется совокупностью количественных показателей, которые определяются вопросом «как?».

Это становится особенно видным, когда включается в словосочетание категория, назначение которой — выражать сопоставление. Вернемся опять к словам с аффиксом *-ча/-чэ*. Мы наблюдаем, что этот аффикс может присоединяться не только непосредственно к основе слова, но и к аффиксам числа, принадлежности и иногда падежа. Например, в узбекском языке:

<i>қэһриманча</i>	<i>урушти</i>	
<i>қэһриманларча</i>	»	
<i>қэһриманлигича</i>	»	'геройски сражались'
<i>қэһриманича</i>	»	
<i>қэһриманларича</i>	»	

В русском переводе, благодаря идентичности употребления слова «геройски», в приведенных случаях стирается семантическая разница узбекских выражений, которая может быть воспринята следующим образом: 1) 'как герой', 2) 'как герои', 3) 'как героизм' (по принадлежности), 4) 'как герой' (по отношению к...), 5) 'как герои' (по отношению к...).

Во всех случаях «сражались» определяется сопоставительной категорией, которая характеризует лишь образ действия, но не само действие.

Интересно бывает наблюдать соотносительность одной какой-либо категории в двух различных языках, например в русском и уйгурском.

В русском языке качественное наречие стало настолько формально выраженной категорией и его употребление в речи настолько стало неосознанным в обстоятельственных словосочетаниях, что и говорящий в своей повседневной речи, и лингвист в своей аналитической работе склонны рассматривать качественное наречие как непосредственный признак признака или непосредственный признак действия. Однако в действительности это не совсем так. Есть существенная разница в семантике обстоятельственных словосочетаний при полном формальном благополучии грамматических отношений между компонентами словосочетания и однородности самих форм качественного наречия в русском языке. Например:

«Он любезно улыбается».

«Старуха интересно рассказывает».

«Учащиеся организовано пойдут на экскурсию».

«Студент красиво пишет по-арабски» и т. д.

Как известно, сущность наречия определяется в «Грамматике русского языка» следующим образом: «Наречия первой группы (т. е. качественные. — В. Н.) обозначают качество признака или действия...»¹.

С нашей точки зрения, эта формулировка не является полной. Выражает ли признак действия слово «красиво» в последнем примере? Ни в коем случае — признак лишь релятивен к действию, но непосредственно принадлежит только самому письму, его начертанию, то есть объекту.

В первом примере слово «любезно» никак не является признаком действия «улыбаться», но соотносимо только с проявлением самого субъекта, с чувством, которое сопровождает действие.

Во втором примере «интересно» вовсе не характеризует действие рассказывания, но лишь вкладываемый в него объект.

В третьем примере «организованно» является не столько признаком действия, сколько действующих субъектов, организованных в единство.

Те же самые «качественные признаки действия» в любом из тюркских языков имеют относительно точное и дифференцированное выражение соотношенности их с характеризуемым явлением.

В первом слове «любезно» будет выражено по-уйгурски *илтипат билэн* 'с любезностью'; во втором примере «интересно» передается деепричастием *мэрақлиқ қилип* 'увлекательным делая'; в третьем примере «организованно» передается *тэшкили рэвиштэ*, то есть «организованным образом»; в четвертом примере «красиво» будет выражено словом *чирайлиқ* 'красивый, красиво'. Слово «красивый» относится к объекту действия, который в силу экономии языка (эллипсис) не обозначается, то есть вместо *чирайлиқ хэт* остается только *чирайлиқ*.

Такое особое отношение обстоятельственных категорий (выраженных, главным образом наречиями) к тем словам, к которым они примыкают, создает очень широкие морфологические возможности для образования вариантов наречия в тюркских языках. В этом нас убеждают бесчисленные примеры вроде *қэһриманча* с его различными морфологическими вариантами, существенным образом отличающими его от аналогичных имен прилагательных в определительной функции. В силу лексико-грамматического назначения, которое приобретает эта катего-

¹ «Грамматика русского языка», т. I, М., 1953, стр. 606.

рия, она становится подлинным наречием при своем включении в обстоятельственное словосочетание даже и тогда, когда это наречие внешне остается сходным с именем прилагательным. Мы видели выше на многих примерах, что определенные разряды слов в качестве обстоятельства включаются в словосочетание иначе, чем в качестве определения:

Сиз өйимгэ мениң рухсэтимсиз келдиңиз 'Вы пришли в мой дом без моего разрешения'. Если можно поставить перед сказуемым *рухсэт-им-сиз* ('лишенный моего позволения'), то эту форму, имеющую аффикс принадлежности, нельзя поставить перед определяемым именем.

Сиз өйимгэ рухсэтимча келдиңиз 'Вы пришли согласно моему решению'.

Однако *рухсэтимча* также нельзя включить в определительное сочетание.

Теперь подойдем к системе включения в более широком плане, чем мы прослеживали ее до сих пор.

Наблюдая по древним памятникам тюркской письменности закономерности, связанные с включением имен в различные системы словосочетаний, мы не можем пройти мимо интереснейшего явления, которое относится к именам, образованным от глагольных основ. Обычно они в тюркской грамматической литературе дифференцируются как имена действия и причастия. Сейчас является почти общепризнанным фактом, что подчиненные предложения развились в тюркских языках из отдельных членов простого предложения или благодаря постепенной утрате самостоятельности одного из равнозначных предложений сложного комплекса.

Тюркские языки в историческом развитии сложного предложения вначале не обладали соединительными и подчинительными союзами, и ученые всегда считали их языками бессоюзными. Союзы как для сочинения, так и для подчинения были приобретены в соприкосновении с арабо-ираноязычной средой. Однако это не мешало развитию в тюркских языках как сложносочиненного, так и, в особенности, сложноподчиненного предложения. В качестве формальных средств, выражавших подчинение предложений, стабилизировались аффиксы словоизменения, свойственные именным категориям для выражения релятивной зависимости компонентов простого предложения. В основном формантами подчинительной связи явились аффиксы падежей.

Осуществляя подчинительную связь между придаточным и главным предложениями, система склонения (парадигма падежных аффиксов без послелогов и с послелогами) приобрела новое назначение и новые функции. В системе склонения получили свое формальное выражение предикативные члены подчиненного предложения. Образовалась особая грамматическая форма сказуемого придаточного предложения, равноценная другим формам выражения второстепенного сказуемого, которые во всей синтаксической системе тюркских языков (включая и памятники орхоно-енисейские, древнеуйгурские и половецкие) выражаются формами различных деепричастий, соотносимых с формой *Verbum finitum* основного сказуемого.

Предварительно небезынтересно рассмотреть одно крайне знаменательное явление, охватывающее систему глагольного спряжения в тюркских языках. Установленная тюркологами последнего времени и принятая уже в грамматической литературе «категория сказуемости», по-нашему, не рассмотрена еще с одной интересной стороны, которая имеет прямое отношение к именным категориям. Грамматистами-тюркологами признано, что в тюркских языках имена спрягаются в своем основном

и других падежах, и это спряжение объединяет единая для большинства тюркских языков система аффиксов сказуемости.

В силу того что время является объективной реальностью, предикативная категория, соответствующая в мышлении суждению или умозаключению, обязательно содержит категорию времени во всех спряжениях, которые ее выражают грамматически.

Уже с древнейших времен в памятниках тюркской письменности можно установить выражение признаков времени во всех проявлениях категории сказуемости, независимо от того, выражена она именными или глагольными понятиями. По существу, категория сказуемости в тюркских языках всегда, на всем длительном историческом пути своего развития, морфологически представляла собой сочетание именного компонента и глагола-связки, образованного от глагола бытия или становления (*эр-, бол-, ол-*). Однако в форме настоящего времени в большинстве тюркских языков формантом было личное местоимение, превратившееся в аффикс сказуемости и соответствовавшее местоимению, которым выражался субъект в первом и втором лице. В древних языках существовал местоименный аффикс и для третьего лица, но с течением времени он заменился аффиксом *-дүр* (*-дыр, -дур, -дир*), восходящим к редуцированной форме *турур* от глагола *тур-* 'жить, стоять, быть'.

Для прошедшего времени и других временных и модальных категорий категория сказуемости выразилась спрягаемыми формами недостаточного глагола *е(эр)-* 'быть', а в ряде тюркских языков и глагола *бол-, ол-* 'остановиться, являться (кем, чем), быть'.

Аффиксы сказуемости во всех их формах легли в систему спряжения имен в предикативной функции, образовав основное ядро синтаксического строя — простое предложение. Но так как имена являются носителями и других категорий словоизменения, являющихся специфическими для имен, как, например, категории склонения и принадлежности, то эти категории при включении их в систему сказуемости могут образовывать формы спряжения от имен, включая и формы их словоизменения.

Мэн муэллимэн 'я преподаватель'.

Мэн муэллим едим 'я был преподавателем' и т. д.

Мы видим спряжение любого имени не только в основном падеже, в соответствии с обозначением видовых, родовых, типовых, качественных, количественных и других предикативных признаков, но и в косвенных падежах.

Мэн өйдэмэн 'я в доме'.

Мэн өйимдэмэн 'я в моем доме'.

Мэн қилмаққтамэн 'я делаю (буквально: 'я в делании')'.

Мэн Қашқардинмэн 'я из Кашгара'.

Китаб мениң 'книга моя (меня)'.

Бу нышан мениңол (в древнеуйгурском языке) 'этот знак мой (он, тот) (буквально: 'меня он')'.

Мы не вдаемся здесь в специальный анализ категории сказуемости. Однако с целью показать эффективное действие аффиксов включения следует остановиться на очень интересной проблеме, которая как-то не попадала в орбиту внимания лингвистики. Мы имеем в виду те исторические закономерности, которые сложились в грамматике тюркских языков в отношении личных форм глагола.

Личные формы глагола образовались так же, как и спрягаемые формы имен, включаемых в предикативную категорию. Абсолютное большинство спрягаемых личных форм глагола представляет собой

спряжение имен, но имен, образованных от глагольной основы. Это такие имена, которые обладают семантикой выражения действия в одном из его проявлений. В тюркских грамматиках эти имена относят к «модальным категориям» глагола, их называют «именами действия», выделяют в них категории «причастия». Иногда категорию «причастия» выделяют в отдельную категорию, а «имена действия» считают особой группой.

Но самым все же основным и интересным фактом является то, что только в предикативной категории эти имена проявляются как категория глагола, как подлинный *Verbum finitum* в спрягаемых формах. При этом самым характерным, как нам кажется, следует признать положение, что нейтральные именные категории, образованные от основы глагола, преобразуясь в категорию сказуемости, немедленно приобретают семантику времени. Эта семантика времени отражает объективную реальность в статических проявлениях предметного мира и дифференцирующих его качественно-количественных признаках. При этом она получает иное значение, когда в систему сказуемости входит именная категория, выражающая динамические явления действительности. Например:

Мэн ишчи мэн 'я (есмь) рабочий' (настоящее время).

Мэн йаш едим 'я был молодым' (прошедшее время) и т. д.

Категории сказуемости свойственно обозначать реальное время. В том случае, когда аффиксы сказуемости присоединяются к основам слов, обозначающих действие, в этих словах одновременно выражается и действие и время. Происходит трансформация смысла, которая уже в древнее время в памятниках тюркских языков возникает как определенная временная категория спрягаемого глагола.

Совершенно ясно, что *мэн берүрмэн* значит структурно «я есмь дающий», то есть это — спрягаемое имя, но как новое качество явления оно семантически передается «я даю»; *у бэрмиш* — вместо «он давший» — «он дал» и т. д.

Мэн көрүр едим — буквально значит «я был видящим», но эта форма сложилась как имперфектная: «я видал» либо «я видал бы».

Отметив кратко столь важную закономерность, наблюдающуюся при вхождении в категорию сказуемости нейтральных именных форм, возникших от глагольной основы, мы проследим теперь не менее интересную закономерность в смысловом содержании нейтральных форм глагола в их предикативной функции в подчиненном предложении.

При отсутствии средств подчинительной связи в виде союзов формальными показателями подчинительной зависимости исторически явились аффиксы падежей и аффиксы включения именных категорий, как это указывалось выше.

Посмотрим, какая же закономерность проявлялась, когда самостоятельное предложение теряло свою независимую значимость и приобретало функцию вспомогательного компонента в сложном предложении. Какая закономерность имела место, когда, наоборот, придаточное предложение развивалось из отдельного члена простого предложения через предикативное словосочетание и вместе с основным предикативным словосочетанием образовывало какой-либо тип зависимости и приобретало формальные показатели этой зависимости?

Наблюдая многочисленные случаи включения отдельных компонентов в простое предложение, мы видим полную аналогию с включением подчиненных предложений в сложное. Остановимся на тех именных категориях, которые образуют предикативные члены подчиненного предложения. Первое, что необходимо констатировать, — это смысловое един-

ство во взаимодействии компонентов сложного предложения. Только в этом единстве и взаимодействии выявляется функциональная и семантическая сущность предикативных компонентов сложного предложения.

Но связь этих компонентов не произвольна, она целиком определяется действующими в языке закономерностями, создающими единую систему действующих словосочетаний. Зависимость может быть представлена как определительное, дополнительное или обстоятельственное словосочетание. Эта зависимость выразится и определенными формальными показателями, то есть в соответствии с типом словосочетания предикативные компоненты приобретут аффиксы различных падежей, а также аффиксы включения.

Однако, несмотря на наличие такой аффиксальной системы, которая вследствие определенных исторических закономерностей установилась для соединения подчиненных предложений с главным, эта аффиксальная система будет по существу совершенно отлична от того, чем она является в системе словоизменения и словообразования имен.

Это прежде всего будет исторически сложившаяся система включения предикативного компонента подчиненного предикативного словосочетания в структуру сложного предложения. Мы недаром выше остановились на спряжении имен, образованных от глагольной основы и являющихся нейтральными модальными категориями глагола. В системе сказуемости такое спрягаемое имя, как мы видели, целиком выражает категорию времени. Присущее ему свойство выражать действие обрекло его на выявление глагольной семантики в соотношении со временем. В этом своем качестве предикативная категория семантически только глагольна. В подчинении же одной предикативной категории другой в составе сложного предложения действует исторически сложившаяся закономерность включения одной системы в другую по способам только действующих словосочетаний, оформляемых аффиксами словоизменения или словообразования; но ни те, ни другие не будут играть той роли, какую они играют в субстантивных категориях.

Указанные аффиксы явятся только аффиксами включения. Но если это так, следует ли разграничивать в этой системе причастия и имена действия или видеть в разных случаях подчинения омонимию между ними?

Нам представляется такое разграничение излишним в том случае, если «модальная (именная) категория» глагола является выражением предикативной категории. Нет никакой существенной разницы в тех случаях, когда предикативный компонент определительного предложения с нулевым аффиксом вступит в сочетание со своим определяемым или когда предикативный компонент для выражения одновременности действий в подчиненном и главном предложениях включится в сочетание с аффиксом местного падежа. Точно так же нет никакой разницы, когда выражается причина посредством аффикса исходного падежа или когда этот компонент включается в структуру предложения при помощи аффикса *-ча/-чэ* или аффикса *-дэк* и многих других.

Как мы видели выше, ряд аффиксов компонентов простого предложения нельзя отнести ни к категории словоизменения ни тем более к категории словообразования. Они так же, как и аффиксы падежной системы и аффиксы *-ча/-чэ*, *-дэк* и другие, в композиции сложноподчиненного предложения являются лишь формантами включения предикативных категорий подчиненного предложения в систему членов главного предложения. И поскольку идет речь о предикативных категориях, падежные или другие аффиксы словоизменения или словообразования изменяют свою качественную сущность, несмотря на формальную при-

надлежность к определенной морфологической категории.

Подобно тому, как категория сказуемости изменяет сущность глагольно-именных категорий, превращая их в *Verbum finitum*, — предикативная функция этих имен меняет совершенно значимость аффиксов склонения или словообразования, создавая вместе с ними грамматическую форму предикативной категории подчиненного предложения. Семантическое содержание этой категории становится подлинно глагольным, а форманты характеризуют временное содержание в плоскости соотношения его с временным содержанием предикативного компонента основного предложения, выраженного *Verbum finitum*.

Такая аффиксальная система включения уподобляет предикативные компоненты подчиненных предложений категории деепричастий, и в этом проявляется исторически сложившаяся закономерность связи подчиненного предложения с главным.

Однако этим не исчерпывается закономерность во всей полноте. Несмотря на имеющийся у лингвистов-тюркологов соблазн интерпретировать систему композиции подчиненного предложения, приближая ее к строю русского языка и объясняя путем перевода на русский язык, необходимо руководствоваться лишь тем, что обнаруживают грамматические формы в синтаксисе тюркских языков. Здесь мы сталкиваемся с тем, что предикативные компоненты подчиненных предложений только по своей видимости являются склоняемыми, на самом же деле в такой грамматической форме они представляют собой иное лексико-грамматическое явление. Это не что иное, как глагол, включенный в предикативную систему сложного предложения не путем аффиксов сказуемости, а путем аффиксов включения. Поэтому здесь совершенно нецелесообразно говорить о категории склонения, подлинная грамматическая сущность которой находит свое выражение в круге субстантивных имен. Это становится особенно осязаемым в тех случаях, когда приходится иметь дело с атрибутивными категориями в системе так называемых развитых членов предложения.

Подтверждение выводов, которые мы получили в итоге наших наблюдений над синтаксисом сложного предложения в уйгурском и ряде тюркских языков, в том числе и древнетюркских, мы находим даже в академической грамматике русского языка. Там говорится, что «...,морфологизм» в чистом виде как принцип построения... предложения не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложений. Дело в том, что со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы..., и далее: «...Категории, выражающие отношение сообщения к действительности и подводимые под общее понятие „предикативности” могут быть свойственны предложению в целом — независимо от наличия глагола в его составе»².

Мы уже указывали, что в историческом процессе развития предложения отдельные его члены усложнялись и развертывались, чтобы выделиться в отдельное предложение. Но наряду с выделившимися предикативными сочетаниями существует много словосочетаний, только имеющих тенденцию стать предикативными, представляющими в данный момент лишь развитые члены предложения. В них ведущим компонентом является, подобно предикативному словосочетанию, имя действия с определенным аффиксом «словоизменения» или «словообразования», несущим функцию включения развитого члена в качестве атрибутивного

² «Грамматика русского языка», т. II, часть первая, 1954, стр. 78—79.

компонента в систему членов предложения. В этом случае нейтральная модальная категория глагола остается по существу подлинным именем действия, включающимся, подобно вышерассмотренным субстантивным категориям, в систему словосочетания при помощи падежного аффикса, перед которым могут быть аффиксы множественного числа и принадлежности.

Приведем пример параллелей между включением субстантивной категории и включением имени действия.

Тириклигица кумиб қойсаңму, пэр йоқ, тирик болуду 'Если и живьем его закопаешь, все равно живой будет'. *Тирик* 'живой', *тириклик* 'жизнь', *тириклиги* 'его жизнь', *тириклигица* буквально: 'по его жизни' = 'живьем, заживо'.

Муккэ жиқилғинича қоғлайсэн 'Ты будешь гнать до тех пор, когда он упадет ничком' (буквально: 'упал'). *Жиқилған* — имя действия от глагола *жиқил-* 'падать'. *Жиқилғини* — то же имя действия с местоименным аффиксом — 'его свершившееся падение', *жиқилғинича* — буквально: 'по его свершившемуся падению'.

Словообразовательный аффикс *-ча* трансформируется в аффикс включения, превращая оба слова в обстоятельственные категории: в первом случае в «наречие», во втором в «деепричастие» (если, конечно, принять традиционные грамматические трактовки).

Однако это ни то, ни другое. *Жиқилған-и-ча* никак нельзя рассматривать как деепричастие, ибо указанная форма может принять любой аффикс принадлежности, а перед ним — аффикс множественного числа, например: *жиқилған-лар-и-ча*. Таким образом, данная форма не представляет собой формы словообразования. Аффикс *-ча* ближе к аффиксу словоизменения, хотя не является им, а представляет ту категорию, которая определяет синтаксическое назначение компонента и в соответствии с его аффиксами — грамматическую форму включения.

Благодаря такой подвижности многих лексико-грамматических категорий в тюркских языках их трудно втиснуть в словообразовательную систему, связанную с определенной грамматической категорией (прилагательным, наречием, деепричастием и т. д.), так как они часто по своей формальной структуре приближаются к типам словоизменения. Но тогда приходится ставить вопрос, какая же, собственно, лексическая категория изменяется? Какие она, изменяясь, приобретает грамматические функции? Каким образом она, приобретая определенные грамматические функции, входит в словосочетание, чтобы образовать соответствующие синтаксические связи?

Подходя вплотную к этой проблеме, мы можем считаться только с действующими закономерностями конкретного языка или семьи родственных языков. Только на основе изучения этих закономерностей мы можем наметить и систему определенных лексических категорий.

РЕЦЕНЗИИ

Н. М. МАХМУДОВ. УЗБЕК ТИЛИДАГИ СОДДА ГАПЛАРДА СЕМАНТИК-СИНТАКТИК АСИММЕТРИЯ

ТОШКЕНТ, 1984, 147 стр.

В последние годы узбекские лингвисты все больше внимания уделяют семантическому аспекту предложения. Рецензируемая монография Н. М. Махмудова посвящена проблеме асимметрии семантической и синтаксической структуры простого предложения узбекского языка.

Как известно, семантическая структура любого предложения представляет собой сложное многослойное образование, включающее пропозитивный, модальный, актуальный и анафорический компоненты. Основным составляющим смысловой структуры предложения является пропозитивный компонент, назначение которого — отображать те или иные события или ситуации реальной действительности¹.

Автор рецензируемой книги для выявления асимметрии семантической и синтаксической структуры предложения исходит именно из оппозиции пропозитивной и синтаксической структур.

Монография состоит из введения и трех глав. Во введении автор характеризует пропозитивный аспект предложения и его манифестации, «скрытые грамматические категории» и т. д. В первой главе («Семантика и синтаксис каузативных простых предложений») рассматривается асимметрия семантической и синтаксической структуры каузативных простых предложений. Автор подробно останавливается на оппозиции глаголов узбекского языка по признаку «каузативность — некаузативность», указывает способы выражения каузативности в узбекском языке. Далее он отмечает, что в каузативных простых предложениях всегда существует асимметрия между семантической и синтаксической структурами, что в таких конструкциях выражаются не менее двух пропозиций, связанных между собой каузативным отношением.

Вторая глава («Семантика и синтаксис сравнительных простых предложений») по-

священа исследованию явления асимметрии семантической структуры в сравнительных предложениях.

Вопрос о лингвистической природе сравнительных конструкций в последнее время привлекает к себе все более пристальное внимание лингвистов². Поиски «осей», по которым в системе языка противопоставляются разные типы показателей сравнения и соответственно оформляемые ими конструкции, обязательно предполагают постоянное соотношение результатов наблюдения и эксперимента над разнотипными объектами. А это, в свою очередь, требует складывания такого общего исходного представления, которое охватывало бы, если не все конструкции, традиционно называемые сравнительными, то на первом этапе хотя бы основные из них, самые типичные и бесспорные³. Это исходное представление в рецензируемой монографии задается формулой $\{A[(B)\beta]C\}$, где A — символ субъекта сравнения, B — символ эталона сравнения, β — символ формального показателя сравнения, C — символ основы сравнения. Например, в предложении *Қовун асалдай ширин* 'Дыня сладка как мед': *қовун* — A , *асал* — B , *-дай* — β , *ширин* — C .

Все сравнительные конструкции узбекского языка автор исследует на основе указанной формулы и подразделяет их на две группы: 1) уподобительные конструкции (*ухшатиш конструкциялар*), 2) чисто сравнительные конструкции (*соф қиёсий конструкциялар*). Если под термином «уподобительные конструкции» понимаются сравнительные конструкции на основе уподобления (например: *Қовун асалдай ширин*), то под термином «чисто сравнительные конструкции» понимаются сравнитель-

² См.: М. Мукаррамов. Узбек тилида ўхшатиш. Тошкент, 1976; М. И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976 и др.

³ М. И. Черемисина. Указ. раб., стр. 17.

¹ См.: «Категория глагола и структура предложения», Л., 1983, стр. 13.

ные конструкции, основанные на различии (например: *Ахмад Рахматдан ақалли* 'Ахмад умнее Рахмата').

В работе подробно исследуются грамматические и семантические особенности обеих групп сравнительных конструкций. Проанализировав огромный фактический материал современного узбекского литературного языка, автор приходит к заключению, что во всех сравнительных простых предложениях существует асимметрия между семантической и синтаксической структурами, так как в подобных конструкциях выражаются две пропозиции. Это является результатом имплицитной репрезентации одной из пропозиций.

В третьей главе («Семантика и синтаксис простых предложений, осложненных вторично-предикативными конструкциями») исследуется асимметрия семантической и синтаксической структуры в простых предложениях, осложненных вторично-предикативными конструкциями. В этой главе подробно рассматриваются семантические и грамматические особенности причастных, деепричастных и инфинитивных конструкций и их функции в составе простого предложения. Автор поддерживает мнение тех исследователей, которые считают, что все эти обороты выступают в предложении как один его неразложимый член с совершенно определенным типом внутренней синтаксической структуры. Он полагает, что деепричастные, причастные и инфинитивные обороты, будучи вторичными репрезентантами пропозиций, образовались в результате номинализации первичных предикаций.

Н. М. Махмудов отмечает, что в простых предложениях, осложненных вторично-предикативными конструкциями, существует асимметрия между семантической и синтаксической структурами, так как подобные предложения, будучи простыми по синтаксической структуре, семантически состоят минимум из двух пропозиций. По мнению автора, процесс номинализации предикатных выражений в инфинитивных оборотах сильнее, чем в причастных и деепричастных оборотах.

Вместе с тем монография не лишена и некоторых недочетов. В частности, автор разделяет мнение тех лингвистов, которые считают, что предложения непосредственно связаны с ситуацией, с реальной действительностью, то есть с экстралингвистическими факторами, выступающими «семантическим ядром» предложения (стр. 8). Однако такой взгляд на пропозитивную структуру предложения, с нашей точки зрения, отрицает концептуализацию действительности. Критикуя такой подход к языку, при котором значение придается лишь отношению к экстралингвистической реальности, А. Вежбицкая именует его априористским, узким и малопроницающим в суть дела. Предметом семантики является не реальный мир, а лишь его концептуализация, ибо язык отражает мир только косвенным образом через мышление⁴. Структуру ситуации, ее членение мы представляем лишь так, как она отражена в нашем языковом сознании⁵.

Асимметрия синтаксической и семантической структуры встречается не только в исследованных выше конструкциях, но и в простых предложениях с послеложными конструкциями *ташқари, бошқа, булак, узга, билан бирга, биноан* и т. д. Поэтому полагаем, что монография выиграла бы, если бы автор указал хотя бы предварительный перечень лингвистических показателей, осложняющих семантическую структуру простого предложения. Должны оговориться, что наши замечания следует рассматривать лишь как пожелания.

В целом работа Н. М. Махмудова отличается подлинной научностью и доходчивым изложением лингвистических фактов. Многие рассматриваемые в ней вопросы имеют значение не только для узбекского языкознания, но и для тюркологии в целом.

М. Муртаджиев, А. Н. Нурманов

⁴ См.: «Семантические типы предикатов». М., 1982, стр. 10.

⁵ Г. А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, стр. 17.

Б. ҚАЛИЕВ. ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ ДАУЫСТЫ ДЫБЫСТАРДЫҢ РЕДУКЦИЯСЫ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛДЫ-ФОНЕТИКАЛЫҚ ЗЕРТТЕУ)

ҚАЗАҚ ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1984, 115 стр.

Одним из важных фонетических вопросов современного казахского языкознания является изучение модификации фонем. Как известно, любое изменение звука связано с комбинаторными и позиционными условиями, в которых оказывается фонема. Задача исследователя заключается не только в установлении того или иного аллофона

фонемы, но и в определении условий, вызывающих ее изменения.

Из системы гласных казахского языка наиболее подвержена модификации подгруппа узких гласных. Поэтому не случайно именно последние стали объектом исследования Б. Калиева.

В рецензируемой работе рассматривается

широкий круг вопросов, связанных с узкими гласными казахского языка, как акустическая природа узких гласных, частичная и полная, качественная и количественная редукция, причины редукции, а также проблема словесного ударения в тюркских языках.

По мнению Б. Калиева, не все гласные редуцируются в одинаковой степени: широкие гласные в этом отношении более устойчивы, нежели узкие. Вывод автора совпадает с общепринятой в тюркологии фонетической характеристикой подгруппы широких гласных как гласных полного образования, в противоположность узким, которые во всех тюркских языках отличаются своими неустойчивыми акустическими реализациями, то есть склонностью к редукции до полного исчезновения.

В результате проведенного спектрального анализа автор приходит к заключению, что казахские гласные, в том числе узкие, не подвергаются качественной редукции. Редуцированные гласные, как это показывают приведенные в работе мгновенные спектрограммы, качественно не отличаются от соответствующих гласных ударных слогов. Однако обнаруживается количественная редукция узких гласных, причиной которой является ряд фонетических факторов: качество гласного, влияние окружающих согласных, тип слога, позиция в слове, количество слогов в слове, темп речи и др. Влияние каждого из этих факторов было изучено автором экспериментально-фонетическим путем, результаты сведены в таблицы и графики, наглядно показывающие различную степень и возможные направления модификации фонем. При этом Б. Калиев подчеркивает большое значение позиционно-ассимилятивных факторов (он выделяет девять случаев), влияющих на редукцию гласных, что, на наш взгляд, следует оценить весьма положительно на фоне той почти всеобщей в тюркологии абсолютизации словесного ударения в фонетической организации тюркского слова в ущерб сингармонизму, которой, к сожалению, не смог полностью избежать и автор рецензируемой работы. Вопреки полученным им самим экспериментально-фонетическим результатам, указывающим на непосредственную связь редукции узких гласных с позиционными и ассимилятивными звуковыми причинами, в достоверности которых нет оснований сомневаться, Б. Калиев, по аналогии с индоевропейскими языками, ищет главную причину редукции в словесном ударении, считая первым и главным условием редукции узких гласных их безударное положение. Остальные двенадцать причин позиционно-ассимилятивного характера (стр. 60—72), с которыми действительно непосредственно связана их модификация, почему-то отодвигаются на второй план и расцениваются как второстепенные.

В вопросе о словесном ударении Б. Калиев, как нам кажется, не смог преодо-

леть традиционной точки зрения о характерности для тюркских языков ярко выраженного словесного ударения на конечном слоге слова¹. Этому способствовала, вероятно, не очень четкая интерпретация данных экспериментального анализа, показавшего, что гласный сегмент конечного слога действительно имеет большую длительность и интенсивность по сравнению с неконечными слогами. А такое распределение длительности и интенсивности является в первую очередь следствием местоположения гласного в синтагме, которая интонационно оформляется соответствующим образом, причем гласный несет в себе часть интонационной нагрузки данной единицы. Это верно и для случаев изолированного произнесения слов (у Б. Калиева экспериментальный материал составлен из изолированных слов), которые дикторами, как правило, читаются с перечислительной или назывной интонацией, что в конечном счете соответствует слову-синтагме. Как известно, перечислительная и назывная интонации способствуют тому, что произношение гласного сегмента конечного слога отличается большей длительностью и интенсивностью. Большая акустическая определенность конечного слога в изолированных словах-синтагмах и создает эффект его выделенности на перцептивном уровне. Это, видимо, и явилось причиной того, что интонационную выделенность конечного слога автор расценивает как словесное ударение. К сожалению, это заблуждение характерно не только для Б. Калиева.

Специальный раздел работы посвящен так называемой «полной редукции», то есть выпадению узких гласных из состава ряда казахских слов. А таких слов оказалось несравненно больше, чем до сих пор предполагалось. По подсчетам автора, их около восьмидесяти, тогда как в специальных грамматиках казахского языка их зафиксировано не более двадцати. Выявление и систематизация всех словоформ с возможными вариантами выпадения узких гласных, несомненно, является его заслугой. Он стремится установить условия, причины и время начала этого выпадения. Таким образом, вопросы ставятся далеко не формальные, ибо у фонетистов по ним нет единого мнения. Так, например, ряд тюркологов считает причиной выпадения узких гласных соседство с сонорными согласными, по мнению других, главным здесь является качество самих согласных, а третьи видят причину выпадения в безударном положении гласного сегмента. Б. Калиев справедливо считает, что утрата некоторыми словоформами узких гласных в определенной позиции и в соседстве с сонорными согласными — не причина их выпадения, а

¹ А. Джунисбеков. Есть ли словесное ударение в казахском языке? — В кн.: «Звуковой строй языка», М., 1979, стр. 104—108

лишь благоприятствующее этому условие, которое в соответствующих случаях играет в этом определяющую роль. Он прав также, отмечая исторический характер данного явления, ибо для настоящего состояния развития казахского языка выпадение узких гласных не что иное, как чередование их с нулем. В то же время полное выпадение узких гласных он связывает со словесным ударением, то есть присоединяется к традиционной теории о перемещении словесного ударения с начального слога на конечный, произошедшем в отдаленную эпоху развития тюркских языков. Тем самым он пытается примирить истинный и бесспорный просодический признак тюркского слова — сингармонизм, с мнимым признаком — наличием словесного ударения, привнесенным в тюркскую фонетическую систему под влиянием индоевропейского языкознания².

² А. А. Леонтьев. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983, стр. 32; Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1, Л., 1958, стр. 103.

Что касается установления хронологии выпадения узких гласных, то бесспорно заключение Б. Калиева о том, что оно стало проявляться не позже VIII—XI вв. Подтверждением этого является наличие таких форм в древнетюркских памятниках того времени. Начало развития этого явления, по его мнению, следует отнести к III—IV векам, то есть к хуннской эпохе.

В целом работа Б. Калиева, содержащая подробный обзор истории вопроса, включающая общefonетическую характеристику проблемы редукции и богатую библиографию, вносит определенный вклад как в историческую, так и современную фонетику казахского языка. Несмотря на узкую направленность исследования и ограниченность использованного фактического материала, сама постановка вопроса, пути его решения, а также полученные результаты, бесспорно, имеют общетюркологическое значение. Книга будет весьма полезной для всех фонетистов-тюркологов, особенно для молодых исследователей.

А. Джунисбеков

А.-К. Ю. АБДУЛЛАТИПОВ. ЛИТЕРАТУРА ПРАВДЫ ЖИЗНИ ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗД-ВО, МАХАЧКАЛА, 1984, 126 стр.

Проблема эволюции реализма в литературе принадлежит к числу актуальных проблем современного литературоведения. Этой проблеме на материале дореволюционной кумыкской литературы посвящена рецензируемая книга А.-К. Ю. Абдуллатипова. В ней автор обращается к истокам формирования реализма в кумыкской литературе и на основе анализа художественного творчества виднейших кумыкских поэтов дореволюционного времени прослеживает процесс развития реалистических тенденций в кумыкской литературе. Проблема изучения дореволюционной дагестанской литературы тем более актуальна, что без этого невозможно по-настоящему понять и осмыслить дагестанскую советскую литературу, процесс становления ее метода — социалистического реализма.

Книга А.-К. Ю. Абдуллатипова включает четыре раздела. Первый раздел «О некоторых особенностях развития дореволюционной дагестанской литературы» посвящен рассмотрению общетеоретических вопросов, связанных с развитием просветительского реализма в литературах Востока вообще и в дагестанской (кумыкской) литературе в частности. Кумыкская дореволюционная литература освещается в монографии не

изолированно от других восточных литератур, а на широком фоне развития всей дореволюционной дагестанской литературы, в контексте развития восточных литератур вообще, главным образом Российского Востока — литератур Азербайджана, Татарии, Крыма и Средней Азии. Это позволяет автору четко обозначить черты сходств и различий между дагестанской и другими восточными литературами.

А.-К. Ю. Абдуллатипов отмечает благотворность влияния восточного просветительства на кумыкскую литературу. Под влиянием новых общественно-исторических условий (развития капиталистических отношений) в кумыкской литературе постепенно усиливаются социальные мотивы. Дагестанские поэты все активнее обращаются к социальной тематике. Говоря о формировании национальной кумыкской литературы, автор утверждает, что она «относится к эпохе, немного предшествующей Просвещению в Дагестане» (стр. 24).

А.-К. Ю. Абдуллатипов стремится раскрыть и особенности просветительской кумыкской литературы, отличающие ее от просветительской восточной литературы. Свообразие кумыкской литературы второй половины XIX века автор объясняет не

только особенностями предшествовавшего историко-культурного развития Дагестана и Кумыкии, но и условиями запоздалого буржуазного развития. Он стремится вскрыть национально-исторические корни зарождения новой кумыкской литературы, раскрыть диалектику сочетания традиций и новаторства. Говоря о специфических чертах просветительской кумыкской литературы, автор раскрывает ее особенности в жанровом и художественном отношениях. Он правильно отмечает, что просветительство в Дагестане было вызвано к жизни глубинными социально-экономическими и идейно-эстетическими процессами, оспаривая мнение о подражательности дагестанского Просвещения, которого придерживаются некоторые исследователи.

Значительное внимание уделяется А.-К. Ю. Абдуллатиповым вопросам становления жанров в кумыкской дореволюционной литературе. Особенностью кумыкской литературы в жанровом отношении является публицистическая окрашенность драм, повестей, посланий, писем и т. д. Автором подчеркивается исключительно большая роль публицистики как жанрообразующего фактора.

Касаясь вопроса о возникновении в кумыкской литературе различных направлений, А.-К. Ю. Абдуллатипов отмечает, что в эпоху просветительства в дагестанской литературе сосуществовало несколько художественных методов — просветительский реализм, критический реализм, романтизм.

Выдвинутые в первом разделе положения конкретизируются в последующих разделах книги, посвященных творчеству Абусуфьяна Акаева, Маная Алибекова и Нухая Батырмурзаева. Значительное внимание уделяется просветительскому творчеству Абусуфьяна Акаева (1870—1931) и проблеме формирования просветительского реализма. Автор характеризует мировоззрение и литературно-эстетические взгляды Абусуфьяна Акаева, его просветительскую, книгоиздательскую и переводческую деятельность. Подробно анализируются произведения А. Акаева, являющиеся типичными образцами литературы просветительского реализма начала XX века. Идеино-тематическому разбору подвергаются поэтические произведения А. Акаева: «Стихи об учебе», «Жалоба от имени девушки», «Муллы», «Человечность» и другие, носящие дидактико-философский и агитационный характер. Творчество Абусуфьяна Акаева довольно разнообразно по тематике. Поэт обращается к вопросам науки и просвещения, бичует невежественных мулл, описывает трудовую жизнь крестьянства и т. д. Абусуфьян Акаев выступает ревностным поборником женского образования и женских прав, страстным и убежденным сторонником просвещения, распространения знаний, приобщения к благам цивилизации и т. д.

А.-К. Ю. Абдуллатипов отмечает такие особенности творчества А. Акаева, как публицистичность и дидактичность, свойственные просветительскому реализму. Он под-

черкивает, что антиклерикальные произведения кумыкского поэта опровергают попытки некоторых исследователей представить его поэтом-мистиком, сторонником духовенства. Автор правильно считает, что произведения поэта пронизаны чувством исторического оптимизма, глубокой верой в светлое будущее народа. А. Акаев является видным представителем просветительского реализма в дагестанской дореволюционной литературе.

Специальный раздел посвящен просветительской поэзии Маная Алибекова (1861—1920) и проблемам сосуществования различных форм реализма в кумыкской литературе дореволюционного периода. Диапазон творчества поэта достаточно широк. Он обличает социальное зло («О том, как смотрят на нас начальники — хакимы», «О делах хакимов», «Ответ Яндархану», «Дела Герее», «Пристав»), подвергает острой критике представителей нарождающегося буржуазно-купеческого класса, призывает к развитию просвещения в «Стране гор», разоблачает бессмысленность кровопролитной русско-японской войны (поэма «Русско-японская война»), тунеядство духовенства («Ответ Джантемира Хаджи») и т. д. Манай Алибеков наряду с острой критикой основ современного общественного устройства ставит вопрос о развитии отсталых в социально-экономическом и культурном отношении народов Кавказа. Поэт уповает в своих произведениях на силу разума. На основе анализа творчества Маная Алибекова автор приходит к заключению, что в нем сосуществуют различные формы реализма — просветительский и критический.

В последнем разделе книги А.-К. Ю. Абдуллатипов продолжает анализировать проблему соотношения различных форм реализма в дореволюционной кумыкской литературе на примере творчества Нухая Батырмурзаева (1865—1919). Подвергнув обстоятельному разбору поэму Н. Батырмурзаева «Положение Кавказа и России», автор убедительно опровергает ошибочные толкования идейных взглядов поэта, имевшие место до недавнего времени. Упомянутая поэма явилась важной вехой в развитии реализма в кумыкской литературе, в ней поэт в «обобщенно-реалистической форме воспроизводит и осмысливает наиболее типичные и характерные события России начала XX века» (стр. 97). Своеобразие реализма поэмы Нухая Батырмурзаева автор видит в сочетании беспощадной критики устоев современного ему общества с революционно-демократическими взглядами и с просветительской программой обновления общественных отношений, с ее историческими оптимизмом и «конструктивными элементами». «Критику феодальных форм духовной культуры Н. Батырмурзаев сочетал с одновременной пропагандой идей Просвещения, новометодного обучения. Поэт выступал и против европоцентристских идей зарождения и развития мировой литературы» (стр. 98).

Н. Батырмурзаев — основоположник ку-

кумыкской прозы. Вполне естественно поэтому обращение А.-К. Ю. Абдуллатипова к исследованию повестей писателя, внесших заметный вклад в развитие реализма в кумыкской литературе. Под этим углом зрения дается в книге идейно-тематический анализ ряда произведений Нухая Батырмурзаева — повестей «Бедная Хабибат» (1910), «Дауд и Лейла» (1912), «Несчастливая Джанбике» (1914), — который позволяет исследователю прийти к выводу, что «Н. Батырмурзаев выступил в кумыкской литературе начала XX века как один из самых ярких представителей критического и просветительского реализма» (стр. 123).

В заключительной части книги автором делаются четкие обобщения и выводы.

Удачное в целом, рецензируемое исследование не лишено и отдельных недостатков. Идейно-тематический анализ произведений

дореволюционной кумыкской литературы следовало бы, на наш взгляд, теснее увязать с анализом их художественных достоинств. Встречаются в книге и чисто декларативные положения, нуждающиеся в конкретизации. Хотелось бы также обратить внимание автора и на некоторую шероховатость стиля. Встречаются в книге и отдельные неточности, например: вместо И. Г. Неупокоева написано Н. Г. Неупокоева и т. д.

Оценивая издание книги А.-К. Ю. Абдуллатипова «Литература правды жизни» как весьма отрядный факт, хочется еще раз подчеркнуть, что она в значительной степени способствует восполнению пробелов в деле изучения проблемы реализма в кумыкской литературе.

Г. Г. Ханмурзаев

PERSONALIA

АБРАР ГИБАДУЛЛОВИЧ КАРИМУЛЛИН

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет доктору филологических наук, старшему научному сотруднику Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР, члену Союза писателей СССР Каримуллину Абрару Гибадудловичу.

А. Г. Каримуллин родился 29 мая 1925 года в деревне Чабъя-Чуричи Сабинского района Татарской АССР.

По окончании Казанского университета А. Г. Каримуллин с 1953 по 1964 год заведовал сектором, а затем был заместителем директора по научной части Научной библиотеки Казанского университета. С 1964 года по настоящее время он работает в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова.

В 1968 году А. Г. Каримуллин защитил кандидатскую диссертацию «Возникновение

татарского книгопечатания и новые источники по татарской филологии: XVII — первая половина XIX века», а в 1978 году — докторскую диссертацию «Татарская книга начала XX века».

В монографиях А. Г. Каримуллина «У истоков татарской книги» (1971), «Татарская книга начала XX века» (1974), «Китап дөнъясына сәяхәт» (1979), «Татарская книга пореформенной России» (1983), «Из истории печатного слова» (1983) и других публикациях подробно прослеживается история становления и формирования татарской книги, насчитывающая свыше 250 лет.

Изучив сложный путь развития и становления национальной книги, А. Г. Каримуллин проследил исторические этапы развития печатного слова в Татарии, раскрыл содержание и установил объем книжной продукции, показал роль татарской книги в развитии языка, литературы, культуры, просвещения, общественно-политической мысли не только татарского, но и других тюркоязычных народов.

Работы А. Г. Каримуллина по истории книги и книговедения получили широкое признание у научной общественности и отечественных книговедов. Книговедческие исследования А. Г. Каримуллина рецензировались на страницах научной печати Чехословакии, Польши, ГДР, Англии, ФРГ, США.

Другая область научных интересов А. Г. Каримуллина — археография, библиография, библиотекосведение. Он является зачинателем татарской национальной научной библиографии. Ему принадлежат капитальные справочники «Библиография по татарскому языкознанию» (1957), «Татар тел белеме библиографиясе» (1958), «Татар әдәбияты: фольклор, әдәбият белеме һәм әдәбият тарихы» (1961), «Татарская литература в переводах на русский язык» (1962), «СССР һәм чит ил халыклары әдәбияты, фольклоры һәм сәнгате: татар теленә тәржемәләр» (1963), персоналии, посвященные

ученым и писателям — Н. Ф. Катанову, К. Насыри, Н. Исанбету, М. Джалилю, С. Хакиму, Х. Туфану и др. Большой интерес представляет его работа «Татарская сцена: 1917—1967» (1979), в которой систематизировано и аннотировано более восьми тысяч источников и произведений литературы. А. Г. Каримуллиным создана картотека сводного театрального репертуара, содержащая научное описание более двенадцати тысяч изданий на татарском, арабском, персидском, турецком и других восточных языках. Его перу принадлежит более двухсот научных работ, в том числе девятнадцать отдельных изданий, посвященных татарской филологии, истории книги и книжного дела, искусству, библиогра-

фии, археографии, общий объем которых превышает триста авторских листов.

А. Г. Каримуллин — первый и пока единственный в тюркской филологии доктор филологических наук по специальности «книговедение», он член специализированного совета по защите докторских диссертаций по этой специальности в Москве, член Бюро комплексного изучения проблем книговедения Научного совета по истории мировой культуры Академии наук СССР.

Коллеги, друзья и товарищи А. Г. Каримуллина сердечно поздравляют его со славным юбилеем и желают ему доброго здоровья и новых успехов в научной деятельности.

Ф. А. Ганиев

ХРОНИКА

«ТВОРЧЕСТВО КАЙСЫНА КУЛИЕВА (ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ)»

6 апреля 1984 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ордена Дружбы народов Института литературы имени Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Творчество Кайсына Кулиева (художественная концепция личности)», представленной доцентом кафедры русской литературы Кабардино-Балкарского государственного университета Эфендиевой Тамарой Емельяновской.

В диссертации теоретически обобщена художественная концепция личности в новописьменной литературе Северного Кавказа на примере творчества Кайсына Кулиева, в произведениях которого нашли воплощение социалистические идеалы, определяющие направления в общем духовном развитии народов СССР. Художественная

концепция личности и роль поэта в разработке и утверждении образа нового человека рассматривается диссертантом в связи с основными закономерностями и тенденциями развития, характерными для литературного процесса в нашей стране в 30—40-е годы. В работе дан идейно-художественный анализ многих поэм К. Кулиева, его стихотворных посланий и посвящений, адресованных литераторам и деятелям культуры народов СССР.

Официальные оппоненты: д-ра филол. наук, профессора Л. М. Мкртчян, Г. Г. Халилов, д-р филол. наук Н. Г. Джусойты, а также выступившие на защите д-р филол. наук, проф. С. Г. Асадуллаев, д-ра филол. наук И. Х. Асеков и А. А. Зейналов отметили важное значение диссертации в изучении вопросов развития национальных литератур.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Т. Е. Эфендиевой искомой степени.

Решением ВАК СССР от 26 апреля 1985 года (протокол № 14д/46) Т. Е. Эфендиевой присуждена ученая степень доктора филологических наук.

И. Я. Гамидов

«СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА»

25 сентября 1984 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита докторской диссертации «Семантико-синтак-

сическая асимметрия в простом предложении узбекского языка», представленной доцентом Ташкентского государственного педагогического института им. Низами Махмудовым Низамитдином Мамадалиевичем.

В диссертации впервые в узбекском языкознании всесторонне освещаются природа и сущность семантико-синтаксической асимметрии простого предложения узбекского языка, исследуются синтаксический и семантический механизмы простого предложения, приводящие к возникновению данной асимметрии, выявляются факторы и основные причины, обуславливающие в языке «нормальную жизнь» простых предложений

торской диссертации «Семантико-синтак-

асимметричной структуры без каких-либо ограничений, то есть наравне с предложениями симметричной структуры.

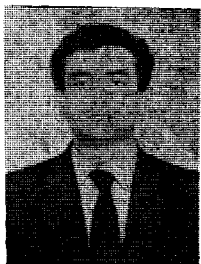
Официальные оппоненты: д-ра филол. наук, профессора С. Н. Иванов, М. З. Закиев и И. К. Кучкартаев отметили высокий научный уровень диссертации. Выступавшие на защите доктора филологических наук, профессора А. Ш. Шерматов, Х. Г. Нигматов также дали высокую оценку исследованию Н. М. Махмудова.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении диссертанту искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 7 июня 1985 года (протокол № 20д/16) Н. М. Махмудову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Р. Расулов

«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА»

1 октября 1984 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации

«Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка», представленной заведующим кафедрой азербайджанского языка Азербайджанского педагогического института иностранных языков им. 50-летия СССР **Абдуллаевым Кямалом Мехти оглы.**

Диссертация включает введение, три части (10 глав), заключение и библиографию.

Диссертант предпринял попытку выделить круг наиболее спорных и дискуссионных проблем азербайджанского синтаксиса, дать их интерпретацию на основе современных аспектов синтаксической теории. Следует отметить, что диссертантом дана новая интерпретация главным образом уже устоявшимся в синтаксисе азербайджанского языка понятиям и представлениям. В частности, простое предложение азербайджанского языка трактуется как структура, харак-

теризующаяся монопредикативностью, показано, что монопредикативность в азербайджанском предложении возникает в результате «угасания» квазипредикативных точек. Выявлены взаимоотношения компонентов сложного предложения в связи с их функциональной и информативной характеристиками. Всесторонне исследованы недостаточно изученные области азербайджанского синтаксиса: актуальное членение предложения и лингвистика текста.

Официальные оппоненты — д-ра филол. наук, профессора А. З. Абдуллаев, С. Н. Иванов и М. З. Закиев, а также выступившие на заседании академик АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиев, чл.-корр. АН Азерб. ССР З. И. Будагова, д-р филол. наук, профессор Т. И. Гаджиев отметили, что диссертационная работа К. М. Абдуллаева вносит много ценного в разработку малоизученных проблем азербайджанского синтаксиса и, несомненно, даст новые импульсы к дальнейшей активизации теоретических исследований в данной области.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении К. М. Абдуллаеву искомой степени.

Решением ВАК СССР от 12 мая 1985 года (протокол № 16д/2) К. М. Абдуллаеву присуждена ученая степень доктора филологических наук.

И. А. Магеррамов

«НИЗАМИ И ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

21 ноября 1984 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ордена Дружбы народов Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась

защита докторской диссертации «Низами

и грузинская литература», представленной старшим научным сотрудником отдела низамоведения этого института **Алиевой Дилорой Алекперовной.**

Диссертация является первой попыткой комплексного изучения связей классической грузинской литературы с творчеством великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. На основе богатого фактического материала автор прослеживает благотворное воздействие творчества Низами на средневековую грузинскую литературу, подробно анализирует произведения грузинской классической литературы, созданные на мотивы поэм Низами.

Используя метод сравнительно-типологического анализа, диссертант сопоставляет произведения Низами и Руставели, выявляя идейно-художественную близость их творчества, родство философских, социальных и нравственных воззрений.

В диссертации рассмотрены также различные аспекты азербайджано-грузинских литературных связей, свидетельствующие о тесных контактах культур двух братских народов.

Официальные оппоненты: академик АН Азербайджанской ССР М. Дж. Джафаров, д-р филол. наук, проф. А. А. Гвахария, д-р филол. наук Р. Дж. Азаде, а также выступившие на заседании член-корр. АН Грузинской ССР Г. Ш. Цицишвили, д-ра

филол. наук, профессора Р. М. Алиев, И. В. Мегрелидзе, П. И. Халилов, д-ра филол. наук М. А. Сейидов, Г. А. Кендли отметили актуальность и научную ценность диссертации, представляющей определенный интерес и для истории грузинской литературы.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Д. А. Алиевой искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 12 мая 1985 года (протокол № 16д/1) Д. А. Алиевой присуждена ученая степень доктора филологических наук.

И. Г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Э. Р. Тенишев (Москва), Р. М. Бирюкович (Саратов). Реликты древнеуйгурской формы на -uŋuq в современных тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- И. В. Дрон (Якутск). Гагаузские этнотопонимы и этногидронимы ногойского происхождения 8
- Р. Кунгуров, Н. Абдурахманов (Самарканд). Структурный анализ сложных слов, заимствованных в тюркские языки из неродственных языков 20

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Ф. Урманчеев (Елабуга). Девушка — шакирд и воин 23

ОНОМАСТИКА

- О. Т. Молчанова (Львов). Прилагательные семантических полей «черный цвет» и «белый цвет» в ономастике алтайцев 30

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- С. Акабиров (Ташкент). О толковании значений слов в филологических русско-национальных словарях 43
- Е. С. Сидоров (Якутск). Этюды по сравнительно-исторической лексикологии якутского языка 53

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. Чариев (Термез). Природа синтаксической связи притяжательной конструкции с родительным падежом в узбекском языке 64
- А. А. Алиев (Баку). Явление парцелляции в языке современной азербайджанской художественной прозы 72
- Нана Н. Джанашиа (Тбилиси). О выражении «бытия» в турецком языке 79

ПУБЛИКАЦИИ

- В. М. Насилов (Ленинград). Аффиксы включения 86

РЕЦЕНЗИИ

- М. Муртаджиев, А. Н. Нурманов (Андижан). Н. М. Махмудов. Узбек тилидаги содда гапларда семантик-синтактик асимметрия 99
- А. Джунисбеков (Алма-Ата). Б. Қалиев. Қазақ тіліндегі дауысты дыбыстардың редуциясы 100
- Г. Г. Ханмурзаев (Махачкала). А.-К. Ю. Абдуллатипов. Литература правды жизни 102

PERSONALIA

- Ф. А. Ганиев (Казань). Абрар Гибадуллович Қаримуллин 105

ХРОНИКА

«Творчество Кайсына Кулиева»	107
«Семантико-синтаксическая асимметрия в простом предложении узбекского языка»	107
«Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка»	108
«Низами и грузинская литература»	108

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow), <i>R. M. Biriukovitch</i> (Saratov). Relics of the old Uigur form on -yuluq in modern Turkic languages	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>I. V. Dron</i> (Yakutsk). Gagauz ethnotoponyms and ethnohydronyms of Nogay origin	8
<i>R. Kungurov</i> , <i>N. Abdurakhmanov</i> (Samarkand). Structural analysis of compound words borrowed by Turkic languages from incognate languages	20

QUESTIONS OF FOLKLORISTICS

<i>F. Urmancheyev</i> (Yelabuga). Girl — shakird and warrior	23
--	----

ONOMASTICS

<i>O. T. Molchanova</i> (Lvov). Adjectives of semantic fields «black colour» and «white colour» in onomasticon of Altaians	30
--	----

DISCUSSIONS

<i>S. Akabirov</i> (Tashkent). On interpretation of word meaning in philological Russian-national dictionaries	43
<i>E. S. Sidorov</i> (Yakutsk). Sketchs on comparative-historical lexicology of Yakut	53

REPORTS, SURVEYS

<i>A. Chariyev</i> (Termez). A nature of syntactic bond of possessive construction with genitive case in Uzbek	64
<i>A. A. Aliyev</i> (Baku). Parcelling phenomenon in the language of modern Azerbaijan prose	72
<i>Nana N. Janashia</i> (Tbilisi). On expression of «being» in Turkish	79

PUBLICATIONS

<i>V. M. Nasilov</i> (Leningrad). Affixes of inclusion	86
--	----

REVIEWS

<i>M. Murtajiyev</i> , <i>A. N. Nurmanov</i> (Andijan). Н. М. Махмудов. Узбек тилидаги содда гапларда семантик-синтактик асимметрия	99
<i>A. Junisbekov</i> (Alma-Ata). Б. Қалиев. Қазақ тіліндегі дауысты дыбыстардың редукциясы	100
<i>G. G. Khanmurzayev</i> (Makhachkala). А.-К. Ю. Абдуллатипов. Литература правды жизни	102

PERSONALIA

<i>F. A. Ganiyev</i> (Kazan). Abrar Gibadullovlitch Karimullin	105
--	-----

CHRONICLE

«Creative work of Kaisyn Kuliyeu»	107
«Semantico-cyntactical assimilation in simple sentence of Uzbek»	107
«Theoretical problems of syntax in Azerbaijan»	108
«Nizami and the Georgian literature»	108

© «Советская тюркология», 1985 г.

Технический редактор Б. А. Абдуллаев
 Корректоры А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин

Сдано в набор 29.08.85 г. Подписано к печати 18.11.85 г. ФГ 22157. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
 Заказ 7652. Тираж 2510. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.